МЖМП

Московский журнал международного права

Выпуск 2 • 2020

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Московский журнал международного права является профессиональной трибуной, открытой для различных точек зрения по вопросам толкования и применения норм современного международного права. Журнал нацелен на консолидацию творческих усилий юристов, представляющих российскую и зарубежную науку международного права в ее прогрессивном развитии и позитивном воздействии на международно-правовую практику. В журнале публикуются также результаты исследований национального права, в том числе иностранного, в общем контексте действия международного права.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН
Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ
(первый заместитель) кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Бахтияр Раисович ТУЗМУХАМЕДОВ
Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, Дипломатическая академия МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ
Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов *(Москва, Российская Федерация)*

Уильям БАТЛЕР
доктор права, Заслуженный профессор Школы права и международных отношений им. Джона Эдварда Фоулера, Университет штата Пенсильвания *(Юниверсити-Парк, США)*

Сергей Владимирович БАХИН
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Санкт-Петербургский государственный университет *(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

Пол БЕРКМАН
профессор, Школа права и политики, Университет Тафтса *(Медфорд, США)*

Лариса Владиславовна ВЕРЕИНА
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Сергей Алексеевич ЕГОРОВ
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Анна Ивановна ИВАНЧАК
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Владимир Алексеевич КАРТАШКИН
Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права, Российская академия наук *(Москва, Российская Федерация)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Анатолий Васильевич ТОРКУНОВ
Академик Российской академии наук, ректор МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Михаил Михайлович БИРЮКОВ
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры европейского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Алексей Николаевич БОРИСОВ
кандидат политических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Виталий Семенович ИВАНЕНКО
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Санкт-Петербургский государственный университет *(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

Светлана Юрьевна КОЛОСОВА
магистр права, полковник юстиции в отставке, Государственно-общественное объединение «Московский Дом ветеранов войн и Вооруженных Сил» *(Москва, Российская Федерация)*

Вячеслав Николаевич КУЛЕБЯКИН
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Александр Игоревич МУРАНОВ
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Людмила Васильевна ПАВЛОВА
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений, Белорусский государственный университет *(Минск, Белоруссия)*

Марат Алдангорович САРСЕМБАЕВ
доктор юридических наук, профессор, Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан *(Астана, Казахстан)*

Геннадий Петрович ТОЛСТОПЯТЕНКО
доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Андрей Адамович ТРЕБКОВ
Заслуженный юрист СССР, кандидат юридических наук, председатель, Международный союз юристов *(Москва, Российская Федерация)*

Владимир Васильевич УСТИНОВ
Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе *(Ростов-на-Дону, Российская Федерация)*

Алексей Александрович КОСТИН
кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Иван Иванович КОТЛЯРОВ
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя *(Москва, Российская Федерация)*

Цзэнцзюн КУАН
профессор международного права, Китайский институт приграничных и морских исследований, Уханьский университет *(Ухань, КНР)*

Геннадий Иринархович КУРДЮКОВ
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет *(Казань, Российская Федерация)*

Дмитрий Константинович ЛАБИН
доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Лев Александрович ЛАЗУТИН
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет *(Екатеринбург, Российская Федерация)*

Евгений Григорьевич ЛЯХОВ
Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Российская таможенная академия *(Москва, Российская Федерация)*

Александр Борисович МЕЗЯЕВ
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права, Университет управления ¨ТИСБИ¨ *(Казань, Российская Федерация)*

Алексей Александрович МОИСЕЕВ
доктор юридических наук, вице-президент, Российская ассоциация международного права *(Москва, Российская Федерация)*

Юрий Эдуардович МОНАСТЫРСКИЙ
кандидат юридических наук, партнер, юридическая фирма «Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры» *(Москва, Российская Федерация)*

Рейн МЮЛЛЕРСОН
доктор юридических наук, профессор, президент Академии права, Таллинский университет *(Таллин, Эстония)*

Лаури МЯЛКСОО
профессор международного права, Университет г. Тарту *(Таллинн, Эстония)*

Борис Иванович НЕФЁДОВ
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Тим ПОТЬЕ
доктор права, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Низами Абдулла оглу САФАРОВ
доктор юридических наук, заведующий отделом административного и военного законодательства, Аппарат Милли Меджлиса (Парламента) Азербайджанской республики *(Баку, Азербайджан)*

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета, Новосибирский государственный университет *(Новосибирск, Российская Федерация)*

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития России *(Москва, Российская Федерация)*

Марк Львович ЭНТИН
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Анна Ивановна ЕФИМОВА
Ph.D. (политические науки), доцент департамента политической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» *(Москва, Российская Федерация)*

Олег Николаевич ХЛЕСТОВ
Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Московский журнал международного права зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 09.12.2000, свидетельство о регистрации: № 77-5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал включен в РИНЦ

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 70893

Периодичность: 4 раза в год

Учредители: Международный союз общественных объединений юристов «Международный союз юристов»; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Сайт: http://mjil.ru

Адрес: 119454, Российская Федерация, пр. Вернадского, д. 76, ком. 146

E-mail: mjil@mgimo.ru

Тел.: +7 (495) 229-38-23

Подписано в печать 26.06.2020 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Заказ № 814

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД РФ
119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76

Выпускающий редактор номера – Н.Ю. Молчаков

Верстка – Д.Е. Волков

© «Московский журнал международного права», 2020

MJIL
Moscow Journal of International Law
Issue 2 · 2020

ABOUT THE JOURNAL

The Moscow Journal of International Law is a professional tribune open for various points of view on the interpretation and application of the norms of modern international law. The Journal is aimed at consolidation of creative efforts by lawyers who represent the Russian and foreign science of international law in its progressive development and positive impact on international legal practice. The journal also publishes the results of studies of national law, including foreign law, in the general context of application of international law.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander N. Vylegzhanin
Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Dmitry V. Ivanov
Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Bakhtiyar R. Tuzmukhamedov
Cand. Sci. (Law), Leading Researcher, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aslan Kh. Abashidze
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Peoples' Friendship University of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

William Butler
Doctor of Laws, the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Pennsylvania State University *(University-Park, USA)*

Sergei V. Bakhin
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Saint-Petersburg State University *(Saint-Petersburg, Russian Federation)*

Paul Berkman
Professor, School of Law and Politics, Tufts University *(Medford, USA)*

Larisa V. Vereina
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Sergey A. Egorov
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Anna I. Ivanchak
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Vladimir A. Kartashkin
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Human Rights Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences *(Moscow, Russian Federation)*

EDITORIAL COUNCIL

PRESIDENT

Anatoly V. Torkunov
Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences *(Moscow, Russian Federation)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL COUNCIL

Mikhail M. Biryukov
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the European Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Alexey N. Borisov
Candidate of Political Sciences, Head of the UNESCO Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Vitaly S. Ivanenko
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department ,Saint-Petersburg State University *(Saint-Petersburg, Russian Federation)*

Svetlana Yu. Kolosova
Master of Laws, Retired Lieutenant Colonel of Justice, Public and Private Partnership Moscow House of Veterans of War and Armed Forces *(Moscow, Russian Federation)*

Vyacheslav N. Kulebyakin
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Alexander I. Muranov
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Ludmila V. Pavlova
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department of the Faculty of International Relations, Belarusian State University *(Minsk, Belarus)*

Marat A. Sarsembaev
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan *(Astana, Kazakhstan)*

Gennady P. Tolstopyatenko
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Dean of the International Law Faculty, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Andrey A. Trebkov
Candidate of Juridical Sciences, Head of the International Union of Lawyers *(Moscow, Russian Federation)*

Alexey A. Kostin
Candidate of Juridical Sciences, Professor, Head of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Ivan I. Kotlyarov
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Zengjun Kuang
Professor of International Law, China Institute of Boundary and Ocean Studies, Wuhan University *(Peoples Republic of China)*

Gennady I. Kurdyukov
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International and European Law Department, Kazan Federal University *(Kazan, Russian Federation)*

Dmitry K. Labin
Doctor of Juridical Sciences, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Lev A. Lazutin
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International and European Law Department, Ural State Law University *(Yekaterinburg, Russian Federation)*

Eugene G. Lyakhov
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Constitutional and International Law Department, Russian Customs Academy *(Moscow, Russian Federation)*

Alexander B. Mezyaev
Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of International Law, University of Management TISBI *(Kazan, Russian Federation)*

Alexey A. Moiseev
Doctor of Juridical Sciences, Vice-President, Russian International Law Association *(Moscow, Russian Federation)*

Yuri Ed. Monastyrsky
Candidate of Juridical Sciences, Partner, Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Law Firm *(Moscow, Russian Federation)*

Rein Müllerson
Doctor of Laws, Professor, President of Law School, Tallinn University *(Tallinn, Estonia)*

Lauri Mälksoo
Professor of International Law, University of Tartu *(Tallinn, Estonia)*

Boris I. Nefyodov
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Nizami A. oglu Safarov
Doctor of Juridical Sciences, Head of the Administrative and Military Law Department, National Assembly of the Republic of Azerbaijan (*Baku, Azerbaijan)*

Tim Potier
Doctor of Laws, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Vladislav L. Tolstykh
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the International Law Department, Novosibirsk State University *(Novosibirsk, Russian Federation)*

Vladimir M. Shumilov
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Mark L. Entin
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the European Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

ASSISTANT EDITOR

Anna I. Yefimova
Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Political Science Department, National Research University Higher School of Economics *(Moscow, Russian Federation)*

Vladimir V. Ustinov
Doctor of Juridical Sciences, Presidential Envoy to the Southern Federal District *(Rostov-on-Don, Russian Federation)*

Oleg N. Khlestov
Candidate of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Moscow Journal of International Law was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 9th of December, 2000.
Registration certificate: № 77–5895
ISSN (print): 0869-0049
ISSN (online): 2619-0893
The Journal is on the List of leading peer-reviewed academic journals and editions where key scholarly results of Cand. Sci. and Dr. Sci. theses should be published.
The Journal has been included in the Russian Science Citation Index (RSCI).
Subscription Index: 70893
Publication Frequency: Quarterly
Founders: International Union of Lawyers; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Web-site: http://mjil.ru
Address: 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
E-mail: mjil@mgimo.ru
Tel.: +7 (495) 229-38-23
Circulation: 1000 copies

Executive editor – Nikita Yu. Molchakov
Typography – Dmitry E. Volkov

© «Moscow Journal of International Law», 2020

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Вестнер Т. 6
Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве: влияние многосторонних переговоров на международное право

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И КОНФЕРЕНЦИЙ

Иванов Д.В., Левина М.М. 22
Институционально-правовое обеспечение международного сотрудничества Евразийского экономического союза с региональными комиссиями ООН: современный этап

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Коваль В.Н. 40
Регламентация деятельности лоцманов и лоцманских обществ в дореволюционной России

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

Льюис Д. 53
Международно-правовое регулирование использования технологий, связанных с искусственным интеллектом, в вооруженном конфликте

МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО

Гаврилов В.В., Дремлюга Р.И. 65
Актуальные вопросы международно-правового регулирования плавания морских судов без экипажа

МЕЖДУНАРОДНАЯ БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Архипова Е.А., Додонов В.Н. 77
Проблемы международно-правового сотрудничества при выявлении, расследовании и предупреждении преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и в сфере компьютерной информации

МЕЖДУНАРОДНОЕ СПОРТИВНОЕ ПРАВО

Захарова Л.И. 88
Права человека в спорте: взаимодействие международно-правовых и корпоративных стандартов

Иглин А.В. 102
Международно-правовые основы использования спорта на благо развития мира

CONTENTS

INTERNATIONAL SECURITY LAW

Tobias Vestner 6
Prevention of an Arms Race in Outer Space: Multilateral Negotiations' Effects on International Law

LAW OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS AND CONFERENCES

Dmitry V. Ivanov, Mariia M. Levina 22
International Legal Cooperation of the Eurasian Economic Union with the UN Regional Commissions: Modern Stage

HISTORY OF INTERNATIONAL LAW

Vladimir N. Koval 40
Regulation of the Activities of Pilots and Pilot Societies in Pre-revolutionary Russia

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Dustin Lewis 53
International legal regulation of the employment of artificial-intelligence-related technologies in armed conflict

LAW OF THE SEA

Viatcheslav V. Gavrilov, Roman I. Dremliuga 65
Key Issues of International Legal Regulation of Autonomous Maritime Navigation

INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

Ekaterina A. Arkhipova, Viatcheslav V. Dodonov 77
International Legal Problems of Cooperation in the Detection, Investigation and Prevention of Crimes Committed using Information and Telecommunication Networks and in the field of Computer Information

INTERNATIONAL SPORTS LAW

Larisa I. Zakharova 88
Human Rights in Sport: Interaction of International Legal and Corporate Standards

Alexey V. Iglin 102
International Legal Basis of Using Sports for Development and Peace

INTERNATIONAL SECURITY LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-6-21

Research article
Received April 30, 2020
Approved June 23, 2020

Tobias VESTNER
Geneva Centre for Security Policy
2D, Chemin Eugène–Rigot, Geneva, Switzerland, 1211
t.vestner@gcsp.ch
ORCID: 0000–0001–9765–1309

PREVENTION OF AN ARMS RACE IN OUTER SPACE: MULTILATERAL NEGOTIATIONS' EFFECTS ON INTERNATIONAL LAW

INTRODUCTION. *Outer space is an increasingly competitive environment. This raises incentives for states to place conventional weapons in outer space. The 1967 Outer Space Treaty (OST), the applicable legal regime, is silent on the legality of the placement of conventional weapons, however. Since the early 1980's, the multilateral diplomatic process on the Prevention of an Arms Race in Outer Space (PAROS) aims to explicitly prohibit the weaponization of outer space by a new international treaty. Yet states have not agreed on such a weapons ban treaty so far. This article analyses the multilateral negotiations' effects on the applicable international law, namely the legal gap (lacuna) in the OST regime.*

MATERIALS AND METHODS. *This study analyzes treaty texts, UN General Assembly resolutions, treaty proposals, states' working papers, states' statements, and reports from international negotiations and meetings. The analytical framework is the rules for treaty interpretation according to the Vienna Convention on the Law of Treaties (VCLT). Consistent with explanatory and theory–building research, the methods used are those of historical legal research as well as general scientific methods, such as analysis, synthesis, analogy, description, and deduction.*

RESEARCH RESULTS. *This article identifies three mechanisms by which the multilateral negotiations on PAROS clarify and inform international law regarding the weaponization of outer space. First, the negotiations led states to communicate their legal positions regarding the issue. This clarifies how states interpret the law. It also allows to assess whether the continuous state practice to not place kinetic weapons in outer space represents subsequent practice of the OST according to Article 31(2)(b) VCLT. Second, the PAROS process produced annual UN General Assembly resolutions that strengthened the principle of peaceful use of outer space and linked it with states' general understanding that this implies limits to the weaponization of outer space. As such, this is relevant for the interpretation of the gap in light of the OST's context and object and purpose according to Article 31(1) VCLT. Third, the negotiations have produced precise language on a prohibition of weaponization in the form of the draft Treaty on Prevention of the Placement of Weapons in Outer Space and of the Threat or Use of Force Against Outer Space Objects (PPWT), which enables the emergence of a prohibition under customary international law. For the interpretation of the OST's gap, this would constitute "any relevant rules of international law" according to Article 31(3)(c) VCLT.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *This article argues that the multilateral negotiations have broken the legal silence regarding the placement of conventional weapons in outer space. While the three mechanisms help to identify and clarify the law, they also influence the material substance of the law. The PA-*

ROS negotiations have not led the existing law to clearly prohibit the weaponization of outer space. Yet the negotiations have informed the law such that the existing law hardly authorizes such action. The result is that the issue is unequivocally regulated by international law, i.e. the OST's gap is undoubtedly a legal gap. Yet the Lotus principle according to which what is not prohibited under international law is authorized falls short of the existing legal situation. This suggests that lex ferenda, the law in the making, has effects on lex lata. Multilateral negotiations – even deadlocked or failed ones – thus may be more than the making of future law but also the shaping of existing law. Accordingly, ongoing multilateral negotiations might be analyzed as supplementary means of treaty interpretation according to Article 32 VCLT. For policymakers, this suggests that negotiations may be used to influence the existing law, even if reaching agreement on a new treaty is not possible.

KEYWORDS: *multinational negotiations, diplomacy, international law, legal gap/ lacunae, silence, lex ferenda, treaty interpretation, supplementary means of interpretation, weaponization/ placement of conventional weapons, peaceful use of outer space, arms control/ disarmament, Outer Space Treaty, Prevention of an Arms Race in Outer Space (PAROS), First Committee of the United Nations General Assembly, Conference on Disarmament, draft Treaty on Prevention of the Placement of Weapons in Outer Space and of the Threat or Use of Force Against Outer Space Objects (PPWT)*

FOR CITATION: Vestner T. Prevention of an Arms Race in Outer Space: Multilateral Negotiations' Effects on International Law. – *Moscow Journal of International Law.* 2020. No.2. P. 6–21. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-6-21

ACKNOWLEDGEMENTS: *The author thanks Andrea Bianchi, Professor of International Law and Director of Studies at the Graduate Institute of International and Development Studies (IHEID), Daniel Porras, Space Security Fellow at United Nations Institute for Disarmament Research (UNIDIR), and the anonymous reviewer for their comments on earlier drafts. The author also thanks the organizers and participants of the 12th Russian International Studies Association (RISA) Convention in October 2019, at which initial findings of the study were presented.*

The author declares the absence of conflict of interest.

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-6-21

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 30.04. 2020
Принята к публикации: 23.06.2020

Тобиас ВЕСТНЕР
Geneva Centre for Security Policy
Chemin Eugène–Rigot, 2D, Geneva, 1211, Switzerland,
t.vestner@gcsp.ch
ORCID: 0000–0001–9765–1309

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВЛИЯНИЕ МНОГОСТОРОННИХ ПЕРЕГОВОРОВ НА МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ВВЕДЕНИЕ. *Космическое пространство становится все более конкурентной средой, что, безусловно, является стимулом для государств размещать обычное оружие в космосе. Однако Договор по космосу 1967 г., закрепляющий действующий правовой режим, не содержит положений о законности размещения оружия в космическом пространстве. С начала 1980-х гг. многосторонний дипломатический процесс по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве (ПГВК) был направлен на разработку нового международного договора, предусматривающего прямой запрет размещения оружия в космическом пространстве. Тем не менее, государства до сих пор не достигли согласия о таком договоре о запрещении оружия. В статье анализируется влияние международных переговоров на международное право, а именно на правовые проблемы в режиме, установленном Договором по космосу.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *В статье анализируются тексты международных договоров, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, договорные инициативы, заявления государств, а также доклады по результатам международных переговоров. Аналитическую основу составляют положения о толковании международных договоров, в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров. В ходе исследования использованы историко-правовой метод, а также общенаучные методы, такие как анализ, синтез, аналогия и дедукция.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *В статье раскрываются механизмы, с помощью которых многосторонние переговоры по ПГВК проясняют и оказывают влияние на международное право в области размещения оружия в космическом пространстве. Так, переговоры привели к тому, что государства сообщили о своих правовых позициях по данному вопросу, что имеет особую ценность, поскольку разъясняет, как государства толкуют международное право, а также позволяет оценить, представляет ли собой непрерывная практика отказа государств размещать кинетическое оружие в космическом пространстве последующую практику в соответствии с п. 2b ст. 31 Венской конвенции.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *В статье утверждается, что многосторонние переговоры нарушили «правовое молчание» относительно размещения оружия в космосе. В то время как три выявленных механизма помогают прояснить положения международного права, они также влияют на сущность права. Переговоры по ПГВК не привели к четкому запрету размещения оружия в космосе. Однако переговоры повлияли на международное право в той степени, что действующее международное право не предусматривает разрешения таких действий. В результате становится очевидно, что данный вопрос регулируется международным правом, т.е. пробел в Договоре по космосу несомненно является пробелом в международном праве.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *многосторонние переговоры, пробел в праве, lex ferenda, толкование международных договоров, дополнительные средства толкования, размещение обычного оружия, предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве (ПГВК), Договор по космосу.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вестнер Т. 2020. Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве: влияние многосторонних переговоров на международное право. – *Московский журнал международного права.* №2. С. 6–21. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-6-21

Автор благодарит Андреа Бианки, профессора международного права и директора по исследованиям Высшего института международных исследований и исследований в области развития (IHEID), Даниэля Порраса, научного сотрудника по космической безопасности в Институте Организации Объединенных Наций по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), и анонимного рецензента за их комментарии к более ранним наброскам. Автор также благодарит организаторов и участников XII съезда Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) в октябре 2019 года, на котором были представлены первые результаты исследования.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

1. Weaponization of Outer Space, Law, and Negotiations

Outer space is becoming increasingly important for modern societies. Space–based technologies, such as satellite communications and global positioning services, fulfil crucial roles in people's everyday lives. This has led states to increase their outer space activities. Besides the traditional space faring nations like the United States of America and the Russian Federation, 80 additional states are now active in outer space. This includes China, India, Japan, Australia, and the United Arab Emirates, amongst others. Nearly all states are implicated or concerned by activities in outer space[1]. In addition, private firms, such as Space X or Rocketlab, so–called "newspace entrepreneurs", are increasingly engaged in outer space and related activities [Pekkannen 2019:92].

This new race to space increases the risk of confrontation and conflict between states. Traditionally perceived as global commons, the increased density of human activity in outer space leads actors to conclude that their presence, if not dominance, in outer space has strategic advantages. In this sense, the 2011 U.S. National Security Space Strategy calls the space environment "congested, contested, and competitive"[2]. Such a context may lead states to use force to protect their assets and ensure their freedom of maneuver. This risk is amplified by states' extensive use of space technologies for military purposes, thereby making them potential targets in interstate conflict. Thus, states may decide that placing weapons in orbit around the Earth to deter and respond to attacks is in their national security interest, eventually triggering a security dilemma. Alongside the current race to space may come an arms race in outer space[3]. Some observers even contend that an arms race has already begun [Silverstein, Porras, Borrie 2020:18]. Indeed, states have tested ground–based anti–satellite weapons (ASATs), may use civilian or military assets deployed in space to damage others' assets notably by collision (so–called dual–use) and have the ability to harm objects in space by jamming or cyber hacking. Yet, so far, no kinetic weapon has been placed in outer space [Global Counterspace Capabilities… 2020:IX].

The existing international legal framework on outer space – the Outer Space Treaty (OST)[4] regime – is silent regarding the placement of conventional weapons (weaponization[5]). The OST was adopted in 1967, is widely adhered to by states,[6] and was complemented with four adjunct treaties[7]. As such, the OST is the legal cornerstone of all space activities. In its preamble, the OST states *"the common interest of all mankind in the progress of the exploration and use of outer space for peaceful purposes"*. Article I establishes the basic principle that: *"The exploration and use of outer space, including the Moon and other celestial bodies, shall be carried out for the benefit and in the interests of all countries […] and shall be the province of all mankind."* Besides other obligations, the OST requires that states act in accordance with international law, including the United Nations

[1] See: OECD: The Space Economy in Figures: How Space Contributes to the Global Economy. Paris: OECD Publishing. 2019. URL: https://www.oecd–ilibrary.org/docserver/c5996201–en.pdf?expires=1591706704&id=id&accname=guest&checksum=23DE58997962E00FBEF800B44E9134FE (accessed 29.04. 2020).

[2] U.S. Department of Defense and Office of the Director of National Intelligence: National Security Space Strategy. Unclassified Summary. 2011. P. 1–3. URL: https://archive.defense.gov/home/features/2011/0111_nsss/docs/NationalSecuritySpaceStrategyUnclassifiedSummary_Jan2011.pdf (accessed 29.04.2020).

[3] States commonly share this view. See, e.g.: U.N. Conference on Disarmament: Letter dated 14 September 2010 from the President of the Conference on Disarmament addressed to the Secretary. P.14. URL: https://undocs.org/CD/1899 (accessed 29.04.2020).

[4] Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, Including the Moon and Other Celestial Bodies, opened for signature on 27 January 1967 in London, Moscow and Washington, D.C.; entered into force on 10 October 1967.

[5] There is no universally accepted definition of the term "weaponization". For the purposes of this study, weaponization is limited to the placement of conventional weapons in orbit around Earth. This does not include using ground-based weapons to attack objects in outer space, nor weapons that transit orbit, for instance.

[6] As of 1 January 2020, the OST has been ratified by 110 states and signed by 23 states.

[7] Agreement on the Rescue of Astronauts, the Return of Astronauts and the Return of Objects Launched into Outer Space, opened for signature on 22 April 1968 in London, Moscow and Washington, D.C.; entered into force on 3 December 1968. Convention on International Liability for Damage Caused by Space Objects, opened for signature on 29 March 1972 in London, Moscow and Washington, D.C.; entered into force on 1 September 1972. Convention on Registration of Objects Launched into Outer Space, opened for signature on 14 January 1975 in New York; entered into force on 15 September 1976. Agreement Governing the Activities of States on the Moon and Other Celestial Bodies, opened for signature on 18 December 1979 in New York; entered into force on 11 July 1984.

Charter, in conducting outer space operations (Article III). Article IV prohibits *"to place in orbit around the Earth any objects carrying nuclear weapons or any other kinds of weapons of mass destruction, install such weapons on celestial bodies, or station such weapons in outer space in any other manner." Furthermore, the "Moon and other celestial bodies shall be used […] exclusively for peaceful purposes."* No provision directly regulates the placement of conventional weapons in outer space, thereby leaving a gap in the treaty regime.

The meaning of this legal gap remains relatively undebated. Regarding lacunae in international law, the general understanding based on the International Court of Justice' (ICJ) *Lotus* case is that what is not specifically prohibited is permitted[8]. This is the most straightforward conclusion regarding the legality of weaponization of outer space shared by most commentators [Johnson–Freese and Brubach 2019:137; Kuplic 2014:1144; Schmitt 2006:104]. Bourbonnière and Lee make a more nuanced analysis, arguing that deployments are lawfully permitted when they "benefit and/or serve the interests of all states, subject to the collective security architecture as created under the Charter of the United Nations" [Bourbonnière, Lee 2008:901]. Yet they also rely on the *rebus sic stantibus* doctrine, arguing that the OST regime is outdated [Bourbonnière, Lee 2008:876]. This is questionable both factually, as no kinetic weapon has been placed in outer space so far, and normatively, as the OST regime has evolved, as will be discussed below. Other writers emphasize that the principle that space is to be used for peaceful purposes is the threshold to legality of any activity in outer space, yet without specifying that this entails a prohibition of weaponization [Berkman et al. 2018:17]. States' domestic laws and policies do not contain publicly available legal positions regarding the issue[9].

A diplomatic process on this very issue, namely the Prevention of an Arms Race in Outer Space (PAROS), is ongoing at the United Nations (UN) and the Conference on Disarmament (CD) since the early 1980's. It aims to establish new international treaty law that prohibits the weaponization of outer space[10]. The 1978 Final Document of the 10th Special Session on Disarmament of the UN General Assembly (UNGA) was the first to mention the prevention of an arms race in outer space in its paragraph 80[11]. Introduced by Egypt and Sri Lanka, the UNGA adopted its first resolution on PAROS in 1981. Since then, the resolutions have been passed annually by near unanimity[12]. The process has led to the establishment of an Ad hoc Committee on PAROS at the CD from 1985 to 1994[13] and the CD Subsidiary Body 3 in 2018[14] to further discuss the issue. States also unilaterally pledged to not be the first to place weapons in outer space, following the UNGA resolutions on "No First Placement of Weapons in Outer Space", annually adopted since 2014[15].

The Soviet Union in 1981[16] as well as Russia and China in 2008[17] and 2014[18] submitted draft treaties banning the placement of weapons in outer space,

---

[8] Permanent Court of Justice: The Case of S.S. Lotus (France v. Turkey). Judgment No. 9. September 7, 1927. URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1927.09.07_lotus.htm (accessed 29.04.2020).

[9] Some observers claim that the 2010 U.S. Space Policy and the 2011 U.S. National Security Space Strategy authorize the deployment of certain weapons in orbit. The unclassified texts do not explicitly address the legality of such action, however.

[10] According to the statements of different states, PAROS' main goals should be: to prohibit the placement of weapons; to prevent the military use of outer space; to forbid the destruction or damage of satellites from ground–based platforms; to ensure that space property is protected; and to assure that global satellite services operate without threats or risk of disruption. See: U.N. Conference on Disarmament: Letter dated 14 September 2010 from the President of the Conference on Disarmament addressed to the Secretary. P. 15. URL: https://undocs.org/CD/1899 (accessed 29.04.2020).

[11] U.N. General Assembly: Resolution adopted on the Report of the Ad Hoc Committee of the tenth Special Session. June 30, 1978. URL: https://undocs.org/en/A/RES/S-10/2 (accessed 29.04.2020).

[12] Most recently: U.N. General Assembly: Resolution adopted by the General Assembly on 12 December 2019 "Prevention of an arms race in outer space". URL: https://undocs.org/A/RES/74/32 (accessed 29.04.2020).

[13] U.N. General Assembly: Resolution adopted by the General Assembly on 9 December 1982 "Prevention of an arms race in outer space". URL: https://undocs.org/A/RES/37/83 (accessed 29.04.2020).

[14] U.N. Conference on Disarmament: Decision (adopted at the 1442nd plenary meeting on 16 February 2018). URL: https://undocs.org/cd/2119 (accessed 29.04.2020).

[15] Most recently: U.N. General Assembly: Resolution adopted by the General Assembly on 12 December 2019 "No first placement of weapons in outer space". URL: https://undocs.org/A/RES/74/33 (accessed 29.04.2020).

[16] U.N. General Assembly: Annex to Letter dated 10 August 1981 from the Minister for Foreign Affairs of the Union of Soviet Socialist Republics addressed to the Secretary–General. URL: https://undocs.org/A/36/192 (accessed 29.04.2020).

[17] U.N. Conference on Disarmament: Letter dated 12 February 2008 from the Permanent Representative of the Russian Federation and the Permanent Representative of China to the Conference on Disarmament addressed to the Secretary–General of the Conference transmitting the Russian and Chinese texts of the draft "treaty on prevention of the placement of weapons

known as the draft Treaty on Prevention of the Placement of Weapons in Outer Space and of the Threat or Use of Force Against Outer Space Objects (PPWT). Lastly, a Group of Governmental Experts (GGE) convened for two two–week sessions in 2018 and 2019 with the intent to produce recommendations on elements for a legally binding instrument on PAROS[19]. Yet these initiatives did not lead to a new international treaty regulating the weaponization of outer space. The issue continues to be negotiated within the UNGA's First Committee on Disarmament and International Security and the CD. Notably Russia, China and the Group of 21, which consists of non–aligned states including India, Pakistan, Egypt, Sri Lanka and Mexico, continue to argue for a weapons ban, whereas notably the United States and many European states focus their attention on ASATs and confidence– and security–building measures (CSBMs)[20].

2. The Multilateral Negotiations' Effects on International Law

So many years of multilateral diplomacy raise the question of their impact on the applicable international law. Concretely, the question is if and how the multilateral negotiations on PAROS have influenced the meaning of the OST's gap regarding the placement of conventional weapons in outer space. Not much attention has been given to this in the literature. Bourbonnière and Lee have simply argued that the fact that states are negotiating a weapons ban proves that there currently exists no such prohibition under international law [Lee, Bourbonnière 2008:891]. Indeed, ongoing negotiations – interactions among states geared towards the adoption of a treaty or another formal arrangement[21] – are generally not the object of legal analyses, as they focus on formal sources of international law according to Article 38 of the Statute of the International Court of Justice[22]. Only after treaties are concluded do lawyers analyze negotiations as *travaux préparatoires* for treaty interpretation (Article 32 Vienna Convention of the Law of Treaties, VCLT)[23]. Similarly, negotiations and international relations theory tend to study the mechanisms and effects of negotiations after their successful conclusion [Carpenter 2011; Drezner 2007; Hampson with Hart 1999; Zartman 1994; Krasner 1989], with the research on deadlocks in multilateral negotiations being a notable exception [Narlikar 2010]. Yet the question is particularly relevant in light of states' continuous practice to not place any kinetic weapons in outer space.

This article argues that the multilateral negotiations on PAROS have an effect on international law. They have broken the OST's silence on the placement of conventional weapons in outer space. The negotiations have produced three mechanisms that allow the identification of the existing law and inform the legal substance. First, the multilateral negotiations have produced statements that indicate states' positions regarding the legality of weaponization. This has a legal value of its own as it offers transparency on how states interpret and potentially apply the relevant law. With regard to the OST's gap, this informs the legal assessment of subsequent practice under

in outer space and of the threat or use of force against outer space objects (PPWT)" introduced by the Russian Federation and China. URL: https://undocs.org/CD/1839 (accessed 29.04.2020).

[18] U.N. Conference on Disarmament: Letter dated 10 June 2014 from the Permanent Representative of the Russian Federation and the Permanent Representative of China to the Conference on Disarmament addressed to the Acting Secretary–General of the Conference transmitting the updated Russian and Chinese texts of the draft treaty on prevention of the placement of weapons in outer space and of the threat or use of force against outer space objects (PPWT) introduced by the Russian Federation and China. URL: https://undocs.org/CD/1985 (accessed 29.04.2020).

[19] U.N. General Assembly: Report of the Group of Governmental Experts on further practical measures for the prevention of an arms race in outer space. April 9, 2019. URL: https://undocs.org/A/74/77 (accessed date: 29.04.2020).

[20] For a detailed history on PAROS until 2010, see [Meyer 2011; Mizin 2010].

[21] This article uses multilateral negotiations – rather than multilateral diplomacy or multilateral diplomatic process – as framework for analysis because this concept best characterizes and describes the states' multilateral interaction oriented towards the goal of finding agreement on new international treaty law regarding a specific topic in different international fora, thereby enabling the analysis of the multiple state interactions' different outcomes with legal significance. States generally use a narrower understanding of negotiations, and characterize the PAROS process as currently not representing substantial negotiations [see, e.g.: Wolter 2005:67]. Yet such characterization falls short of including procedural negotiations, tabled working papers and treaty proposals, substantial deliberations within working groups and other fora, as well as continuous negotiations at the UNGA's First Committee on related resolutions, which are essential for analytical purposes.

[22] Charter of the United Nations and Statute of the International Court of Justice, opened for signature on 26 June 1945 in San Francisco; entered into force 24 October 1945.

[23] Vienna Convention on the Law of Treaties, opened for signature in Vienna 23 May 1969; entered into force on 27 January 1980.

Article 31(2)(b) VCLT. Second, the negotiations have produced UNGA resolutions that indicate and influence the existing law. The resolutions have notably informed the meaning of the OST's preambular principle to use outer space for peaceful purposes in line with Article 31(1) VCLT. Third, the PAROS–negotiations have produced a draft treaty proposal, namely the draft PPWT, which serves as the reference point for an emerging prohibition under customary international law. This is relevant for treaty interpretation as customary international law may consist of "any relevant rules of international law" according to Article 31(3)(c) of VCLT.

The following identifies and explains these mechanisms. All three mechanisms are intertwined and have overlapping legal effects. For analytical purposes, they are primarily analyzed in light of their strongest effect on the legal substance. As analytical framework, the following applies that of treaty interpretation according to the VCLT's interpretation rules. While the mechanisms may be legally relevant or lead to legal effects on their own behalf (customary international law, for instance, is a source of international law of its own), they are analyzed through the prism of the OST to allow conclusions regarding its lacunae on the placement of conventional weapons in outer space. The following finds that the negotiations have filled the gap in such a way that international law does not forbid, but also does not authorize the placement of conventional weapons in outer space. Accordingly, *lex ferenda* informs *lex lata*. From this follows that ongoing multilateral negotiations might be analyzed as supplementary means of treaty interpretation according to Article 32 VCLT.

3. States' Legal Positions Clarify State Practice

The first mechanism of the PAROS negotiations that impacts the interpretation of the lacunae in the OST is the production of state positions on the issue, namely the legality of the placement of conventional weapons in orbit around the Earth. Setting the issue on the international agenda at the UNGA and CD led states to deal with the question and eventually communicate a legal position. As such, the process serves as a focal point for exchanging legal views that otherwise would not happen. Without negotiations, many states would not see the need to communicate their legal views, either because this entails no benefits for them, or because they are not concerned by the issue. Accordingly, the negotiations have led to increased transparency and inclusion regarding the existing legal views of states on the matter.

In the PAROS negotiations, states' legal positions have resulted from statements, papers and outcomes of working groups. States' statements generally focus on whether the existing legal framework is sufficient or insufficient to prevent an arms race in outer space. This does not come as a surprise as the primary policy question for states is if there is a need for new treaty law, or not. However, this mostly only allows indirect inference regarding their legal views on the existing law.

Soviet Foreign Minister A. Gromyko's letter introducing the first draft ban treaty is illustrative in this regard. Regarding the existing legal framework, it says that *"all these international instruments do not exclude the possibility of the stationing in outer space of those kinds of weapons which are not covered by the definition of weapons of mass destruction"*[24]. States regularly repeated this view of the insufficient legal regime during deliberations at the CD, as has been resumed in its reports: *"[…] delegations emphasized that the existing legal instruments relating to outer space were far from effective in preventing an arms race in outer space."*[25] Further, there *"was again recognition of the significant role that the legal regime applicable to outer space played in the prevention of an arms race in that environment, and of the need to consolidate and reinforce that regime and enhance its effectiveness"*[26].

Interestingly, the United States, a persistent objector against the proposition of a new legally binding weapons ban, generally communicates that it

[24] U.N. General Assembly: Letter dated 10 August 1981 from the Minister for Foreign Affairs of the Union of Soviet Socialist Republics addressed to the Secretary–General. P.2. URL: https://undocs.org/A/36/192 (accessed 29.04.2020).

[25] U.N. Conference on Disarmament: Report of the Ad Hoc Committee on Prevention of an Arms Race in Outer Space. August 24, 1994. P. 5. URL: https://undocs.org/cd/1271 (accessed 29.04.2020).

[26] U.N. Conference on Disarmament: Report of the Ad Hoc Committee on Prevention of an Arms Race in Outer Space. August 19, 1993. P. 10. URL: https://undocs.org/cd/1217 (accessed 29.04.2020); U.N. Conference on Disarmament: Letter dated 14 September 2010 from the President of the Conference on Disarmament addressed to the Secretary. P.15. URL: https://undocs.org/CD/1899 (accessed 29.04.2020); U.N. Conference on Disarmament: Letter dated 1 September 2011 from the President of the Conference on Disarmament addressed to the Secretary. P. 11. URL: https://undocs.org/cd/1918 (accessed 29.04.2020); U.N. Conference on Disarmament: Letter dated 1 September 2011 from the President of the Conference on Disarmament addressed to the Secretary P.24. URL: https://undocs.org/cd/1995 (accessed 29.04.2020).See also statements of the Group

perceives the current legal framework as sufficient to prevent an arms race in space. It does not explicitly claim that the weaponization of outer space is legal under international law[27]. Other states critical towards the draft PPWT also tend to claim that the existing legal regime is sufficient[28]. This suggests a reluctance towards clearly declaring a legal position. Yet some states were more explicit as they *"recalled that there is no prohibition regarding placement of conventional weapons in space or the use of ground–based weapons against space assets and that there is no prohibition on the development and testing of these weapons"*[29].

During the PAROS process, states presented working papers specifically on the existing legal situation regarding weaponization. The initial working papers in 1985 from Canada ("Survey of international law relevant to arms control and outer space") and the United Kingdom ("Principal international agreements which apply or otherwise relate directly or indirectly to outer space"), and in 1989 from Chile ("Legal problems raised by the militarization of outer space") are very cautious, primarily outlining the basic legal framework regarding outer space and raising questions regarding the appliable international law. They did not raise contentious points regarding the OST regime, nor outline any clear position on the legality of placing weapons in outer space. Indeed, the Ad hoc Committee on PAROS at the CD produced limited legal clarity, at least as publicly accessible, despite having specifically dedicated Issue 3 of its Programme of Work to "Existing Agreements Relevant to the Prevention of an Arms Race in Outer Space"[30] as well as having appointed a "Friend of the Chairman on Terminology and Other Relevant Legal Aspects"[31].

States were more explicit regarding the existing legal situation in more recent working papers. China and Russia's paper from 2006 posits that *"the related provisions […] are limited in scope and thus inadequate for preventing the weaponization of outer space. [They are] unable to effectively prevent the testing, deployment and use of weapons other than WMD in outer space*[32] Canada's working paper from 2006

of 21: U.N. Conference on Disarmament: Nigeria on behalf of member States of G–21. Working paper "Prevention of an Arms Race in Outer Space". September 13, 2011.Para. 8. URL: https://undocs.org/cd/1925 (accessed 29.04.2020); U.N. Conference on Disarmament: Syrian Arab Republic on behalf of member States of G–21. Working paper "Prevention of an arms race in outer space". August 30, 2012. URL: https://undocs.org/cd/1941 (accessed 29.04.2020); U.N. Conference on Disarmament: Bangladesh, on behalf of member States of G–21. Working paper "Prevention of an arms race in outer space". September 9, 2013.Para. 9. URL: https://undocs.org/cd/1960 (accessed 29.04.2020); U.N. Conference on Disarmament: Indonesia on behalf of member States of G–21. Working paper "Prevention of an Arms Race in Outer Space". August 13, 2015. URL: https://undocs.org/CD/2031 (accessed 29.04.2020); U.N. Conference on Disarmament: Malaysia on behalf of Member States of G–21. Working paper "Prevention of an Arms Race in Outer Space". June 3, 2016. URL: https://undocs.org/CD/2062 (accessed 29.04.2020); U.N. Conference on Disarmament: Note verbale dated 22 August 2017 from the Permanent Mission of the Democratic Socialist Republic of Sri Lanka, in its capacity as the Coordinator for the Group of 21, to the Secretariat of the Conference of Disarmament transmitting the G-21 Working paper on Prevention of an Arms Race in Outer Space. February 20, 2018. URL: https://undocs.org/CD/2121(accessed 29.04.2020); U.N. Conference on Disarmament: Statement on the Prevention of an Arms Race in Outer Space. Submitted by the Group of 21. September 3, 2019. URL: https://undocs.org/CD/2169 (accessed 29.04.2020).

[27] See, e.g.: U.N. Conference on Disarmament: Letter dated 26 June 2002 from the Permanent Representative of the United States of America to the Conference on Disarmament addressed to the Secretary-General of the Conference transmitting the text of his remarks on outer space during the informal conference on "Future security in space: commercial, military, and arms control trade-off" sponsored by the Monterey Institute's Center for Nonproliferation Studies and the University of Southamton's Mountbatten Center on 29 May 2002. July 10, 2020.P. 3–4. URL: https://undocs.org/CD/1680 (accessed 29.04.2020).

[28] U.N. Conference on Disarmament: Report of the Ad Hoc Committee on Prevention of an Arms Race in Outer Space. August 24, 1994. P.7. URL: https://undocs.org/cd/1271 (accessed 29.04.2020); U.N. Conference on Disarmament: Subsidiary Body 3: Prevention of an arms race in outer space. Report (Adopted at the 1470th plenary meeting on 5 September 2018). Para. 9. URL: https://undocs.org/CD/2140 (accessed 29.04.2020).

[29] Ibid. Para. 10.

[30] U.N. Conference on Disarmament: Report of the Ad Hoc Committee on Prevention of an Arms Race in Outer Space. August 24, 1994. P.3. URL: https://undocs.org/cd/1271 (accessed 29.04.2020); U.N. Conference on Disarmament: Report of the Ad Hoc Committee on Prevention of an Arms Race in Outer Space. August 19, 1993. P.2. URL: https://undocs.org/cd/1217 (accessed date: 29.04.2020).

[31] U.N. Conference on Disarmament: Report of the Ad Hoc Committee on Prevention of an Arms Race in Outer Space. August 24, 1994. P.4. URL: https://undocs.org/cd/1271 (accessed 29.04.2020). U.N. Conference on Disarmament: Report of the Ad Hoc Committee on Prevention of an Arms Race in Outer Space. August 19, 1993. P.3. URL: https://undocs.org/cd/1217 (accessed date: 29.04.2020).

[32] U.N. Conference on Disarmament: The People's Republic of China and the Russian Federation Working Paper "Existing international legal instruments and prevention of weaponization of outer space". May 22, 2006. P.4. URL: https://undocs.org/CD/1780 (accessed 29.04.2020).

is very explicit regarding the lacunae, including the identification of a majority view among states: *"A vast majority of states recognise the limitations of the current legal regime for outer space as not banning all types of weapons from that domain to ensure its continued peaceful use"*[33]. Furthermore, *"there are currently no codified bans applicable to any nation for the development, manufacture, production and deployment of any conventional weapons to be placed in orbit around the Earth, or stationed in outer space in any other manner"*[34]. The emphasis on the current legal regime and absence of any codified prohibition specifically relates to the OST.

Consequently, the negotiations have provoked states' positions on the issue that allow the identification of states' legal views. States' legal views are relevant for the identification of *opinio iuris* for establishing a customary international rule, as discussed further below. For treaty interpretation according to the VCLT, individual states' legal positions are not relevant *per se* [Kohen 2013:35]. Yet, they do reflect states' interpretation, which indicates how they understand and apply the treaty. For analyzing the legal meaning of the OST's gap, this is central for assessing states' common practice of not placing kinetic weapons in outer space. Indeed, it could be argued that this consists of a form of subsequent practice regarding the OST. Article 31(2)(b) VCLT requires all states' manifested or imputable agreement that the practice reflects the existing law [Gardiner 2015:267]. In this case, the statements and working papers which communicate that the weaponization of outer space is currently legal under existing international law hinders any such conclusion. Even proponents of a new ban, notably Russia and China, indirectly admit that the OST regime currently does not forbid placing weapons in outer space[35]. Additionally, no state explicitly claims that weaponization is illegal under the existing treaty law. This indicates that there is no such underlying agreement among parties regarding any subsequent practice of not placing kinetic weapons in outer space.

4. UNGA Resolutions Strengthen the Preambular Principle

The PAROS negotiations' second mechanism for affecting the interpretation of the OST's gap is the production of the annual UNGA resolutions on PAROS. These resolutions are necessary to launch a negotiation process in the framework of the UN, thus serving as the formal starting point for the PAROS negotiations. They are also subject to negotiations themselves. Emphasizing the peaceful use of outer space, the resolutions give a particular meaning to this fundamental principle of the OST regime, namely that the weaponization of outer space ought not to be unlimited. This normative expectation among states is reinforced by annual resolutions calling upon states to not be the first to place weapons in outer space, which were followed by unilateral commitments.

The annual UNGA resolutions on PAROS are based upon, and prominently refer to the principle of peaceful use of outer space. The resolutions' preamble recognizes *"the common interest of all humankind in the exploration and use of outer space for peaceful purposes"*, and reaffirms *"the will of all States that the exploration and use of outer space, including the Moon and other celestial bodies, shall be for peaceful purposes"*[36]. It also states that the UNGA is convinced *"that further measures should be examined […] to prevent an arms race in outer space, including the weaponization of outer space"*[37]. It also postulates that international negotiations should be held in accordance with the spirit of the OST. The resolutions then reaffirm *"the importance and urgency of preventing an arms race in outer space and the readiness of all States to contribute to that common objective, in conformity with the provisions of the [OST]"*[38]. Most notably, they call *"upon all States, in particular those with major space capabilities, to contribute actively to the objective of the peaceful use of outer space and of the prevention of an arms race in outer space and to refrain from*

[33] U.N. Conference on Disarmament: Canada. Working Paper "A gap analysis of existing international constraints on weapons and activities applicable to the prevention of an arms race in outer space agenda item of the Conference on Disarmament". June 14, 2006. P.1. URL: https://undocs.org/CD/1784 (accessed 29.04.2020).

[34] Ibid. P. 6.

[35] See above. See also, e.g.: U.N. Conference on Disarmament: Letter dated 9 February 2000 from the Permanent Representative of China to the Conference on Disarmament addressed to the Secretary–General of the Conference transmitting a working paper entitled "China's position on and suggestions for ways to address the issue of prevention of an arms race in outer space at the conference on disarmament". URL: https://undocs.org/CD/1606 (accessed 29.04.2020).

[36] U.N. General Assembly: Resolution adopted by the General Assembly on 12 December 2019 "Prevention of an arms race in outer space". Pre. paras. 1-2. URL: https://undocs.org/A/RES/74/32 (accessed 29.04.2020).

[37] Ibid. Pre. para. 13.

[38] Ibid. Op. para. 1.

actions contrary to that objective and to the relevant existing treaties in the interest of maintaining international peace and security and promoting international cooperation"[39]. The annual resolutions on PAROS by the UNGA consistently enjoy near unanimous support since their launch in 1981. The latest UNGA resolution 74/32 of 2019 enjoyed 183 yes–votes against two no–votes (the United States and Israel)[40]. Such strong support together with the resolutions' content reflect the strong majority of states' conviction and expectation that the armament of outer space should not be unlimited.

The annual UNGA resolutions entitled "No First Placement of Weapons in Outer Space" reinforce the link between the principle of peaceful use of outer space and non–weaponization. They also recognize *"the common interest of all mankind in the exploration and use of outer space for peaceful purposes"* and emphasize *"the paramount importance of strict compliance with the existing legal regime providing for the peaceful use of outer space"*[41]. They then encourage *"all states, especially space–faring nations, to consider the possibility of upholding as appropriate a political commitment not to be the first to place weapons in outer space"*[42]. Introduced in 2014, the last respective UNGA resolution 74/33 was approved in 2019 by a vote of 128 in favor, 14 against, and 38 abstentions[43]. This is a strong support. Following the resolutions, 22 states have pledged not to be the first to weaponize outer space[44]. Although they are not considered a formal source of international law [Thirlway 2019: 56–57], unilateral acts may develop legal effects of their own[45]. In this case the declarations reflect only political – not legal – commitments. Yet they do indicate states' understanding that the peaceful use of outer space is linked to non–weaponization and the states' readiness to act accordingly.

This is supported by states' steady reference to the principle of peaceful use as a fundamental principle for space activities. The common interest of mankind in the exploration and use of outer space for peaceful purposes is regularly and repeatedly acknowledged in PAROS negotiations[46]. The proponents of the non–weaponization of outer space consistently link the need for a ban of conventional weapons with the principle of peaceful use of outer space. Indeed, at the CD, *"there was a general view that the work of the CD on PAROS should build upon and complement the existing normative framework, maintaining full consistency with it"* and that *"[o]verarching principles stemming from the OST and other applicable international law, such as that space should be used for peaceful purposes in accordance with international law […], are considered to be key"*[47]. States have also clearly communicated that the *"weaponization of outer space could impair, possibly irreversibly, the peaceful exploration of outer space"*[48]. The Group of 21 continuously *"reaffirms that the exploration and use of outer space and other celestial bodies shall be for peaceful purposes only"*[49]. The proponents of the PPWT also deliberately base their initiative to ban conventional weapons from outer space on the principle of peaceful use of outer space, and present a weapons ban treaty as the solution. The 2008 draft

[39] Ibid. Op. para. 4.

[40] First Committee of the United Nations General Assembly: Reports of the First Committee. December 12, 2019. URL: https://undocs.org/A/74/PV.46 (accessed 29.04.2020).

[41] U.N. General Assembly: Resolution adopted by the General Assembly on 12 December 2019 "No first placement of weapons in outer space". Pre. paras. 1, 5.URL: https://undocs.org/A/RES/74/33 (accessed 29.04.2020).

[42] Ibid. Op. para. 5.

[43] First Committee of the United Nations General Assembly: Reports of the First Committee. December 12, 2019. URL: https://undocs.org/A/74/PV.46 (accessed 29.04.2020).

[44] Argentina, Armenia, Belarus, Bolivia, Brazil, Cambodia, Cuba, Ecuador, Guatemala, Indonesia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Nicaragua, Pakistan, Russian Federation, Sri Lanka, Suriname, Tajikistan, Uruguay, Uzbekistan, Venezuela and Viet Nam. See: U.N. General Assembly: Resolution adopted by the General Assembly on 12 December 2019 "Transparency and confidence–building measures in outer space activities". URL: https://undocs.org/A/RES/74/67 (accessed 29.04.2020).

[45] International Court of Justice: Nuclear Tests Case (Australia v. France). Judgment. December 20, 1974. Paras. 42, 46. URL : https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/58/058-19741220-JUD-01-00-EN.pdf (accessed 29.04.2020).

[46] U. N. Conference on Disarmament: Report of the Ad Hoc Committee on Prevention of an Arms Race in Outer Space. August 19, 1993. P. 10. URL: https://undocs.org/cd/1217 (accessed 29.04.2020); U.N. Conference on Disarmament: Letter dated 1 September 2011 from the President of the Conference on Disarmament addressed to the Secretary. P. 11. URL: https://undocs.org/cd/1918 (accessed 29.04.2020)

[47] U.N. Conference on Disarmament: Subsidiary Body 3: Prevention of an arms race in outer space. Report (Adopted at the 1470th plenary meeting on 5 September 2018). Para. 3-4. URL: https://undocs.org/CD/2140 (accessed 29.04.2020)

[48] Ibid. Para. 6.

[49] U.N. Conference on Disarmament: Statement on the Prevention of an Arms Race in Outer Space. Submitted by the Group of 21. September 3, 2019. Para. 2. URL: https://undocs.org/CD/2169 (accessed 29.04.2020).

PPWT emphasizes in its preamble *"the right to explore and use outer space freely for peaceful purposes."* Its Article 3 also excludes any interpretation of the draft treaty for preventing state parties from exploring and using outer space for peaceful purposes, thereby contrasting weaponization with the peaceful use of outer space.

Accordingly, the PAROS negotiations have generated UNGA resolutions that have strengthened and shaped the meaning of the principle to use space for peaceful purposes. Despite the annual PAROS resolutions' broad state support, they have not created legal effects in themselves because of their unspecific content.[50] Yet they are vectors of normative expectations among a large majority of states, namely that the principle of peaceful use restrains the weaponization of outer space. The resolutions on no first placement of weapons as well as the related unilateral pledges and states' statements underline this normative stance. This concerns the interpretation of the OST as the principle of peaceful use is enshrined in its preamble and defines its object and purpose. As such, this is relevant for interpreting the OST's gap according to Article 31(1) VCLT, which requires to interpret the terms of the treaty "in their context" (and the *chapeau* of Article 31(2) VCLT that specifies that a treaty's preamble is part of its context) "and in light of its object and purpose". Hence, in light of the principle of peaceful use of outer space, the context of the OST's gap and the OST's object and purpose establish that the armament of outer space should not be unlimited.

The same mechanism is at play, with the opposite effect, regarding the legality of the military use of outer space. The annual UNGA resolutions do not mention the militarization of outer space, thereby do not substantiate the principle of peaceful use as including non–militarization. As such, they do not counter or alter the view that the principle of peaceful use means the non–aggressive – not the non–military – use of outer space. States have implicitly agreed on this interpretation early after the first use of satellites for military purposes [Babintsev 2010: 22–29][51]. In contrast to weaponization, this implies that the non–aggressive military use of outer space is considered legal in light of the OST's silence.

5. Treaty Proposal Sets Basis for Emerging Custom

The PAROS negotiations' third mechanism for affecting treaty interpretation and the meaning of the legal gap is the creation of a reference provision by the draft PPWT that enables the emergence of customary international law. There have been three different versions of this treaty proposal, each submitted in 1981 by the Soviet Union and in 2008 and 2014 by Russia and China. While there are differences between the drafts, the main tenet is the same, namely to explicitly and unequivocally ban the placement of conventional weapons in outer space. The preamble of the 2014 draft PPWT recalls the desire *"to prevent outer space turning into a new area of weapons placement"*. Article 2 posits the obligation: *"Not to place any weapons in outer space"*. This represents concrete wording that is more precise than just recommendations to ban[52], or potential elements of a ban treaty[53]. In addition, Article 1 contains definitions of "weapon in outer space" and "placed in outer space", amongst others.

While this is precise language that enables the emergence of specific customary international law based on the draft treaty text, there are some nuances arising from state practice. As no state has yet placed kinetic weapons in outer space, state practice regarding the weaponization of outer space allows the emergence of a respective customary prohibition in line with the wording of Article 2 of the PPWT as it is consistent across all spacefaring nations. States have

[50] Note the debate on the existence and legal relevance of soft law, in particular the direct legal effects of UNGA resolutions and other non–binding instruments adopted by international organizations [Thirlway 2019: 186–194; Kolosov 1998: 206–207].

[51] See, e.g.: U.N. Conference on Disarmament: Letter dated 15 September 2009 from the President of the Conference on Disarmament on behalf of the 2009 Presidents addressed to the Secretary–General of the Conference transmitting the reports of the seven coordinators submitted to the President of the Conference on the work done during the 2009 session on agenda items 1 to 7. P. 14. URL: https://undocs.org/CD/1877 (accessed 29.04.2020).

[52] U.N. Conference on Disarmament: Working Paper "China's position on and suggestions for ways to address the issue of prevention of an arms race in outer space at the Conference on Disarmament".. URL: https://undocs.org/CD/1606 (accessed 29.04.2020).

[53] U.N. Conference on Disarmament: Working paper presented by the delegations of China, the Russian Federation, Vietnam, Indonesia, Belarus, Zimbabwe and Syrian Arab Republic "Possible Elements for a Future International Legal Agreement on the Prevention of the Deployment of Weapons in Outer Space, the Threat or Use of Force Against Outer Space Objects". June 28, 2002. URL: https://undocs.org/CD/1679 (accessed 29.04.2020).

the ability to use civilian or military assets to harm objects in space or by jamming or cyber hacking. This implies that any customary rule based on the draft PPWT would not include dual–use items and non–kinetic weapons placed in outer space as weapons under the scope of the prohibition. The same applies to the use of ASATs. Russia, China, India and the United States have all tested ASATs in the last decades [Global Counterspace Capabilities …2020: X–XVI]. The draft PPWT does not explicitly prohibit ASATs, although it bans their use by prohibiting the use of force against outer space objects. Nevertheless, state practice of testing ASATs indicates that any customary international prohibition of weaponization in outer space would not include ASATs.

With these nuances in mind, based on the PPWT's language, states' positions regarding the draft PPWT as well as the annual UNGA resolutions on PAROS and "No First Placement of Weapons in Outer Space" allow the identification of potential *opinio iuris* regarding the legality of weaponization of outer space under customary international law. Currently, there is no public record on how many states besides Russia and China, both major spacefaring nations, officially support the draft treaty, although statements at the UNGA and CD show considerable support from non–Western countries. Because this is the only existing concrete proposal for a ban, the almost unanimous state support to the UNGA resolutions on PAROS in conjunction with their recognition of the draft PPWT and emphasis on the necessity of *"further measures with appropriate and effective provisions for verification to prevent an arms race in outer space"*[54] directly support the provisions of the draft PPWT to become a rule of customary international law according to Conclusion 12, paragraph 2 of the International Law Commission's Draft Conclusions on Identification of Customary International Law[55]. The same is true for the wide support of the UNGA resolutions on "No First Placement of Weapons in Outer Space". Most importantly, the unilateral commitments by 22 states to not be the first to place weapons in space reinforce the draft PPWT's provision to become an international norm, although the unilateral commitments are of a political nature only.

No state, including the proponents of the draft PPWT, has communicated in the PAROS negotiations that a customary rule prohibiting the weaponization of outer space would exist, nor that the draft PPWT would reflect customary international law. It is the same for the UNGA resolutions and unilateral pledges[56]. Furthermore, the unilateral commitments do not indicate that states would refrain from placing weapons out of a sense of legal duty or perceive themselves as legally bound by the unilateral commitments. Most importantly, the repeated and consistent U.S. opposition to the draft PPWT, the U.S. statements explaining why the draft PPWT would not be acceptable[57], and its *contra* or abstaining votes regarding the annual UNGA resolutions on PAROS hinders sufficient *opinio iuris*. Indeed, continuous opposition by a specifically affected state avoids the crystallization of customary international law[58]. The United States are the most active spacefaring nation

[54] U.N. General Assembly: Resolution adopted by the General Assembly on 12 December 2019 "Prevention of an arms race in outer space". Para 3. URL: https://undocs.org/A/RES/74/32 (accessed 29.04.2020).

[55] International Law Commission: Draft Conclusions on Identification of Customary International Law, with Commentaries. 2018. P. 147. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_13_2018.pdf (accessed 29.04.2020).

[56] See, e.g.: U.N. Conference on Disarmament: Letter dated 23 March 2016 from the Permanent Representatives of the Bolivarian Republic of Venezuela and the Russian Federation addressed to the Secretary–General of the Conference on Disarmament transmitting the text of the joint statement by the Minister of the People's Power for Foreign Affairs of the Bolivarian Republic of Venezuela and the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation to declare that they will not be the first to place weapons of any kind in outer space, signed in New York on 26 September 2015. URL: https://undocs.org/CD/2060 (accessed 29.04.2020); U.N. Conference on Disarmament: Letter dated 9 August 2017 from the Permanent Representative of the Russian Federation, addressed to the Secretary General of the Conference on Disarmament, transmitting the Joint Statement by President of the Russian Federation Vladimir Putin and President of the Socialist Republic of Vietnam Tran Dai Quang of 29 June, 2017, with regard to the no first placement of weapons of any kind in Outer Space. URL: https://undocs.org/CD/2098 (accessed 29.04.2020).

[57] U.N. Conference on Disarmament: Note Verbale dated 2 September 2014 from the Delegation of the United States of America to the Conference on Disarmament addressed to the Acting Secretary–General of the Conference transmitting the United States of America analysis of the 2014 Russian–Chinese draft treaty on the prevention of the placement of weapons in outer space, the threat or use of force against outer space objects. URL: https://undocs.org/CD/1998 (accessed 29.04.2020); U.N. Conference on Disarmament: Letter dated 19 August 2008 from the Permanent Representative of the United States of America addressed to the Secretary–General of the Conference transmitting comments on the draft Treaty on Prevention of the Placement of Weapons in Outer Space and the Threat or Use of Force Against Outer Space Objects (PPWT) as contained in Document CD/1839 of 29 February 2008. URL: https://undocs.org/CD/1847 (accessed 29.04.2020).

[58] The nuclear weapons states' opposition to any customary rule prohibiting nuclear weapons precluded the emergence of such a prohibition under customary international law, for instance. See: International Court of Justice: Legality of the Threat

as well as the state with the most advanced technology and capabilities to develop and place weapons in outer space. It is also the most dependent on outer space, both for civilian and military purposes [Johnson–Freese 2016]. This is not definite, however. As more states are becoming active in outer space and most states are concerned by space activities, the key position of the United States as 'specifically affected state' may decline in relative terms. Stronger and clearer *opinio iuris* of other states – manifested by increased support for the draft PPWT, legally–binding unilateral commitments to not place weapons in space, and states' contention that they perceive themselves as bound by such a customary international rule – could further diminish the objections' obstacle to a customary prohibition. Should such a rule emerge, the United States would have the status of persistent objector to which the given rule does not apply in line with Conclusion 15 of the International Law Commission's Draft Conclusions on Identification of Customary International Law.

In consequence, the negotiations on PAROS have led to precise language that may serve as reference point for the emergence of a customary prohibition. This is similar to how the International Law Commission's Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts[59], which were never formally adopted, became customary international law, although the Draft Articles already reflected existing customary international law [Bordin 2014:536]. Customary international law is a distinct source of international law, and thus has its own legal effects. For the interpretation of the OST's gap regarding weaponization, it is relevant as it may represent a "rule of international law applicable in the relations between the parties" according to Article 31(3)(c) VCLT. At this point, there is no such customary prohibition because of continuous U.S. objection. This may emerge based on the draft PPWT and strong support notably to the UNGA resolutions on PAROS, however. Thus, there is a tendency towards a prohibition that informs the OST's gap.

6. Implications

As the PAROS negotiations have informed international law on the weaponization of outer space via three mechanisms, this has several implications. The negotiations have increased transparency by making states share their legal views in statements and working papers. They have led to UNGA resolutions that reflect normative expectations among states. They have also led to the concretization of ideas by the introduction of the draft PPWT. As such, the mechanisms support the identification of the existing law in line with the VCLT's methods for treaty interpretation. They have substantiated the OST's gap regarding weaponization by indicating that states' practice to not place kinetic weapons in outer space does not represent subsequent practice, that the principle of peaceful use of outer space imposes limits on weaponization, and that a customary prohibition is emerging.

From this follows that the negotiations' legal effects have not influenced the existing international law to the extent that the weaponization of outer space is unequivocally illegal. At this stage, the effects have not been strong enough to establish new law that prohibits weaponization. Yet, the legal effects have given meaning to the OST's silence. First and foremost, states' continuous and consistent reference to the OST in the PAROS negotiations as well as calling the OST applicable to the issue of weaponization has clearly shown that states perceive that international law applies and regulates the issue. As such, the gap in the OST legal regime is a true legal gap. It is not a gap in the sense that international law is simply silent on the issue, i.e. that the question is outside the realm of international law. This is in line with the principle of completeness of the legal system [Quane 2014:260–263]. If the gap is a true legal gap, then the question arises whether the gap is to be interpreted as prohibiting or authorizing the placement of conventional weapons in outer space. As elaborated, the negotiations have not sufficiently established that the gap is to be interpreted as prohibiting weaponization. On the other hand, the negotiations have brought such a normative pull towards the non–weaponization that the gap can hardly be interpreted as authorizing the placement of conventional weapons in outer space.

This implies that the negotiations have filled the lacunae in such a way that it is no longer silent. Rather, the negotiations have indicated and influenced the law such that it does not clearly prohibit, nor clearly authorize the weaponization. This suggests that the

or Use of Nuclear Weapons. Advisory Opinion. July 8, 1996. URL: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/95/7497.pdf (accessed 29.04.2020).

[59] International Law Commission: Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with Commentaries. 2001. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (accessed 29.04.2020).

Lotus principle – what is not prohibited under international law is authorized – does not accurately describe the legal situation. Rather, this corresponds to the ICJ's finding in the advisory opinion on the *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons*. The ICJ concluded that there was no customary rule specifically prohibiting the use of nuclear weapons as such, yet also no rule specifically authorizing their use[60]. Hence, the ICJ could not *"conclude definitely whether the threat or use of nuclear weapons would be lawful or unlawful in an extreme circumstance of self–defence […]"*[61]. States echo this when they posit that a prohibition of weaponization does not exist yet do not claim that placing weapons in outer space would be legal. Even the United States, an opponent of the draft PPWT, does not communicate in negotiations that the current treaty law would authorize weaponization. Given this legal situation, any placement of kinetic weapons in outer space would not face the hurdle of illegality under international law and associated legal and political consequences. Yet the placement would also not enjoy the legitimacy of being authorized by international law, as is generally the case when an action is legal under international law [Hurd 2018].

Regarding the role of multilateral negotiations in lawmaking, this suggests that negotiations may be not only a process to make future law, but also to shape existing international law. In other words, what states want law to become may influence what law is. *Lex ferenda,* generally understood as "law in the making", may affect *lex lata*. This means that multilateral negotiations – even unsuccessful negotiations – can be used to influence international law. In the case of weaponization of outer space, the PAROS negotiations have so far not led to a codified ban under international law. Yet the states positions, the UNGA resolutions, and the draft treaty text have shown how states perceive the existing law as well as what they want law to become. Through its strong normative pull, the latter influences the former, even before new law is adopted as such. In this case, the broad normative expectation – and eventually even implicit agreement – among states that outer space should not be weaponized hinders an unambiguous authorization to do so by international law. This suggests to states that if they push for what they want with regard to international law (i.e. a prohibition), they may succeed to avoid what they do not want (i.e. an authorization).

The consequence for legal analysis is that ongoing negotiations might be considered as supplementary means of treaty interpretation according to Article 32 VCLT. As analyzed above, the PAROS process has produced mechanisms that allow the interpretation of the legal gap according to Articles 31(2)(b) (subsequent practice), 31(1) (context and object and purpose), and 31(3)(c) (relevant rules of international law) VCLT. Taking a step back, this means that ongoing negotiations themselves can indicate or shape legal substance and therefore should be assessed. Whether this is generalizable, and therefore holds for other multilateral negotiations, needs to be further studied. Indeed, the PAROS process is ongoing for a particularly long time, which has led to much deliberation and many documents of potential legal relevance. It is also characterized by the consistent, unanimous practice to not place kinetic weapons in outer space. Yet, assessing ongoing multilateral negotiations as supplementary means of treaty interpretation might be particularly relevant in the field of arms control, disarmament and non–proliferation as it is subject to many slowly evolving or deadlocked multilateral negotiations, and the adoption of new multilateral treaties is rare compared to the many thematic initiatives.

Assessing ongoing multilateral negotiations is the corollary to the interpretation method that analyzes the negotiations history and preparatory work of concluded treaties as per Article 32 VCLT. Indeed, in the context of the legality of the weaponization of outer space, the negotiations history of the OST and the PAROS negotiations have a particular linkage. During the negotiations of the OST, whether to prohibit conventional weapons from outer space was not addressed, arguably because outer space was not weaponized, nor being weaponized [Su 2010:267; Bourbonnière, Lee 2008:4]. Thus, anyone looking at the *travaux préparatoires* of the OST will not find an authoritative answer. This suggests that the PAROS–related negotiations can be considered as the continuation of the OST negotiations as they address what has not been addressed prior to 1967[62]. The negotiations history of the OST is therefore extended

[60] International Law Commission: Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with Commentaries. 2001. Para. 73. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (accessed 29.04.2020).

[61] Ibid. Para. 105.

[62] In fact, all state parties to the OST are also members of the UNGA, although not all are members of the CD.

to the present. Hence, the OST regime is not outdated regarding weaponization, as has been claimed by commentators [Bourbonnière, Lee 2008:876], but still "under construction".

This further implies that the legal regime – through the negotiations – adapts to changing circumstances, namely to the possibility that states may place conventional weapons in outer space. Thus, analyzing ongoing negotiations from a legal perspective is also in line with the evolutionary interpretation of treaties. Although this is not a separate method of interpretation, evolutionary interpretation allows to deduce the state parties' intention in light of the current circumstances where, *inter alia*, the terms of the treaty are vague or flexible to embrace new meaning [Bjorge 2014:2–3]. States have militarized outer space as well as tested ASATs and placed non–kinetic weapons in outer space. The negotiations have evolved accordingly and allow these factual developments to be accounted for. The negotiations have also indicated the states' intention regarding the placement of conventional weapons in space, which ultimately fills the OST's gap on the issue.

7. Conclusion

The PAROS negotiations have broken the OST's silence on the weaponization of outer space. This case demonstrates that ongoing multilateral negotiations may have legal effects and thus be relevant for legal analysis. It also suggests that multilateral negotiations may be more than a means to an end, namely the means to create new international treaties. They may be lawmaking in themselves. For policymakers, this suggests that negotiations can be used to clarify and influence international law. However, it also cautions awareness for potential unintended consequences when initiating or supporting the creation of new treaty law. Furthermore, this suggests to policymakers to be strategic on whether to call an issue under negotiation legal or illegal as well as to table working papers on the applicable law, treaty proposals and UNGA resolutions, as the given language may influence the law not only in the future but also in the present.

In the PAROS process, states were generally hesitant to explicitly address the legal status of weaponization. In particular, no state claims that there exists a customary prohibition. The unilateral commitments to not be the first to place weapons in space are also deliberately of a political and not legal nature. Indeed, for spacefaring nations, keeping the legal views vague have certain advantages. Not calling weaponization illegal under existing international law although arguing for the need of a codified prohibition, as notably done by Russia, avoids being bound by a rule to which others may not adhere. Not calling weaponization legal although being opposed to a codified ban, as notably done by the United States, avoids giving others the free ticket under international law to weaponize. In addition, this hinders that others infer that the state calling it legal does so because it already started weaponizing or intends to do so. Regarding the placement of conventional weapons in outer space, states prefer the law to be between the binary values of illegal and legal. The result is that the OST regime does not prohibit, nor authorize weaponization.

An arms race in outer space may well have begun already, and states might be considering or preparing to place kinetic weapons in outer space. In this case, it would be difficult to create new treaty law that turns back the wheel that has been advanced by state practice. Yet, at this stage, it is not too late to restrain the weaponization of outer space by international law through multilateral negotiations – even without the creation of an explicit treaty prohibition.

References

1. Babintsev V. The Peaceful and Military Development of Space: A Historical Perspective. – *Outer Space: Weapons, Diplomacy, and Security.* Ed. by Arbatov A., Dvorkin V. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace. 2010. P. 16–29.
2. Berkman P.A. [et al.]. Outer Space Law: Russia–United States Common Challenges and Perspectives. – *Moscow Journal of International Law.* 2018. No1. P. 16–34. DOI: DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-16-34
3. Bjorge E. *The Evolutionary Interpretation of Treaties.* New York: Oxford University Press. 2014. 240 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198716143.001.0001
4. Bordin F.L. Reflections of Customary International Law: The Authority of Codification Conventions and ILC Draft Articles in International Law. – *International & Comparative Law Quarterly.* 2014. Vol. 63. Issue 3. P. 535–567. DOI: https://doi.org/10.1017/S0020589314000220
5. Bourbonnière M., Lee R.J. Legality of the Deployment of Conventional Weapons in Earth Orbit: Balancing Space Law and the Law of Armed Conflict. – *The European Journal of International Law.* 2008. Vol. 18. Issue 5. P. 873–901. DOI: 10.1093/ejil/chm051
6. Carpenter R.C. Vetting the Advocacy Agenda: Network Centrality and the Paradox of Weapons Norms. – *International Organization.* 2011. Vol. 65. Issue 1. P. 69–102. DOI: https://doi.org/10.1017/S0020818310000329

7. Drezner D. *All Politics is Global: Explaining International Regulatory Regimes.* Princeton; Oxford: Princeton University Press. 2007. 264 p.
8. Gardiner R.K. *Treaty Interpretation.* New York: Oxford University Press. 2015. 496 p.
9. *Global Counterspace Capabilities: An Open Source Assessment*. Ed. by B. Weeden and V. Samson Washington, D.C.: Secure World Foundation. 2020. 155 p. URL: https://swfound.org/media/206970/swf_counterspace2020_electronic_final.pdf (accessed 29.04.2020).
10. Hampson F.O., Michael H. *Multilateral Negotiations: Lessons from Arms Control, Trade, and the Environment*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 1999. 432 p.
11. Hurd I. *How to Do Things with International Law.* Princeton; Oxford: Princeton University Press. 2017. 200 p.
12. Johnson–Freese J. *Space Warfare in the 21st Century: Arming the Heavens.* Oxon; New York: Routledge. 2016. 222 p.
13. Johnson–Freese J., Burbach D. The Outer Space Treaty and the Weaponization of Space. – *Bulletin of the Atomic Scientists.* 2019. Vol. 75. Issue 4. P. 137–141.DOI: https://doi.org/10.1080/00963402.2019.1628458
14. Kohen M.G. Keeping Subsequent Agreements and Practice in Their Right Limits. – *Treaties and Subsequent Practice.* Ed. by G. Nolte. Oxford: Oxford University Press. 2013. P. 34–44.
15. Kolosov Y.M. Overview of the International Law-making Process and the Role of the International Law Commission. – *Making Better International Law: The International Law Commission at 50*. New York: Proceedings of the United Nations. 1998. P. 201–208.
16. Krasner S.D. Global Communications and National Power: Life on the Pareto Frontier. – *World Politics.* 1991. Vol. 43. Issue 3. P. 336–366. DOI: 10.2307/2010398
17. Kuplic B.S. The Weaponization of Outer Space: Preventing an Extraterrestrial Arms Race. – *North Carolina Journal of International Law and Commercial Regulation.* 2013. Vol. 39. Issue 4. P. 1123–1163.
18. Meyer P. *The DC and PAROS: A Short History*. Geneva: United Nations Institute for Disarmament Research. 2011. 8 p. URL: https://www.unidir.org/files/publications/pdfs/the-conference-on-disarmament-and-the-prevention-of-an-arms-race-in-outer-space-370.pdf (accessed 29.04.2020).
19. Mizin V. Non–Weaponization of Outer Space: Lessons from Negotiations. – *Outer Space: Weapons, Diplomacy, and Security.* Ed. by Arbatov A., Dvorkin V. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace. 2010. P. 48–67.
20. Narlikar A. *Deadlocks in Multilateral Negotiations: Causes and Solutions.* Cambridge: Cambridge University Press. 2010. 336 p. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511804809
21. Pekkanen S.M. Governing the New Space Race. – *AJIL Unbound.* 2019. Vol. 113. P. 92–97. DOI: 10.1017/aju.2019.16
22. Quane H. Silence in International Law. – *The British Yearbook of International Law.* 2014. Vol. 84. Issue 1. P. 240–270.
23. Schmitt M.N. International Law and Military Operations in Space. – *Max Planck Yearbook of United Nations Law Online.* 2006. Vol. 10. Issue 1. P. 89–125.
24. Silverstein B., Porras D., Borrie J. 2020. Alternative Approaches and Indicators for the Prevention of an Arms Race in Outer Space. – *Geneva: United Nations Institute for Disarmament Research.* 44 p. URL: https://unidir.org/publication/alternative–approaches–and–indicators–prevention–arms–race–outer–space (accessed date: 09.06.2020).
25. Su J. Use of Outer Space for Peaceful Purposes: Non–militarization, Non–aggression and Prevention of Weaponization. – *Journal of Space Law.* 2010. Vol. 36. P. 253–272.
26. Thirlway H. *The Sources of International Law.* Oxford: Oxford University Press. 2019. 250 p.
27. Wolter D. *Common Security in Outer Space and International Law*. Geneva: United Nations Institute for Disarmament Research. 2006. 296 p.
28. Zartman I.W. *International Multilateral Negotiation: Approaches to the Management of Complexity.* San Francisco: Jossey–Bass. 1994. 248 p.

About the Author

Tobias Vestner,
Head of Security and Law Programme, Geneva Centre for Security Policy (GCSP)

2D, Chemin Eugène–Rigot, Geneva, Switzerland, 1211

t.vestner@gcsp.ch
ORCID: 0000–0001–9765–1309

Информация об авторе

Тобиас Вестнер,
руководитель программы в области безопасности и права, Geneva Centre for Security Policy

1211, Switzerland, Geneva, Chemin Eugène–Rigot, 2D

t.vestner@gcsp.ch
ORCID: 0000–0001–9765–1309

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И КОНФЕРЕНЦИЙ

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-22-39

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 24.03.2020
Принята к публикации:16.05.2020

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1231-6072

Мария Михайловна ЛЕВИНА
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
marylevis95@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6133-9513

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА С РЕГИОНАЛЬНЫМИ КОМИССИЯМИ ООН: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

ВВЕДЕНИЕ. *Статья посвящена анализу международной правосубъектности Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в контексте осуществления им международного сотрудничества. Рассматривается практическая реализация правовых возможностей использования потенциала межрегионального взаимодействия на примере международно-правового сотрудничества Союза с региональными комиссиями ООН, которые относительно недавно вошли в круг его внешнеполитических интересов. Авторами также изучена роль Российской Федерации в практической реализации указанного трека сотрудничества Союза с учетом ее председательства в органах ЕАЭС в 2018 г.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Основу настоящего исследования составляют правовые акты, касающиеся внешнеполитической стратегии ЕАЭС, теоретические труды ученых, посвященные международной правосубъектности интеграционных образований, официально опубликованные документы и рабочие материалы Евразийской экономической комиссии. Методологическая база исследования сформирована с применением таких методов формальной логики, как анализ, синтез и индукция, наравне с использованием специальных методов познания правовой действительности, необходимых для проведения комплексного правового исследования, в том числе формально-юридического (догматического) и сравнительно-правового методов.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *В исследовании приведено правовое обоснование истинности научного подхода относительно того, что с формально-юридической точки зрения региональные интеграционные объединения не отличаются от «классических» межправительственных организаций и, как результат, являются такими же полноценными субъектами международного права. Это видно на примере изучения соответствия юридической природы ЕАЭС признакам международной организации. С учетом того,*

что одной из составляющих международной правосубъектности Союза является реализация им международной деятельности, проведен сравнительный анализ основных направлений международного сотрудничества Союза за пятилетний период его функционирования с акцентом на детальное изучение международно-правового взаимодействия ЕАЭС с региональными комиссиями ООН. Несмотря на тот факт, что пять региональных комиссий были закреплены в правовых актах (касающихся внешнеполитической стратегии ЕАЭС) в категории потенциальных партнеров, к углублению связей с которыми Союз будет стремиться в приоритетном порядке, отмечается несбалансированность практической реализации данного подхода с учетом детального изучения проводимых мероприятий: в то время как наиболее плодотворное международное сотрудничество было действительно реализовано Союзом с Европейской экономической комиссией, в значительно меньшей степени – с Экономической и социальной комиссией Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана. Сотрудничество с другими региональными комиссиями либо отсутствует вовсе, либо находится лишь на начальном этапе. При этом Российская Федерация сыграла ведущую роль в реализации основных целей евразийской интеграции во время своего председательства в 2018 г., став флагманом в вопросах разработки и принятия главами государств Союза 6 декабря 2018 г. Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *В отношении прогнозирования перспектив дальнейшей реализации направлений внешнеполитической стратегии Союза отметим, что, прежде всего, с учетом очевидной нарастающей активности международного сотрудничества ЕАЭС с региональными комиссиями ООН представляется логичным при формировании и принятии последующих актов, определяющих векторы международной деятельности Союза, перейти от рассмотрения их в категории «потенциальных партнеров» к категории тех международных организаций, с которыми необходимо создание новых и развитие уже существующих механизмов сотрудничества. В условиях современных геополитических тенденций актуальность и целесообразность укрепления дальнейшего практического сотрудничества ЕАЭС с региональными комиссиями ООН обусловлена необходимостью устойчивого социально-экономического развития евразийского региона и расширения международных связей Союза, что может быть реализовано совместно с рабочими органами ООН путем экспертно-аналитической поддержки общих проектов, обмена опытом нормативного регулирования в ряде сфер экономик и социальной политики, сотрудничества в области технического регулирования и стандартизации. Принимая во внимание перспективность развития указанного направления международного сотрудничества ЕАЭС, подчеркнем, что одним из ключевых факторов, который в данном аспекте может оказать значительное влияние в среднесрочной перспективе, является активное участие Российской Федерации в укреплении статуса ЕАЭС как одного из важнейших структурных элементов современной системы международных отношений.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, международная правосубъектность, международное сотрудничество, региональные комиссии ООН, ЕЭК ООН, ЭСКАТО, ЭКЛАК*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Иванов Д.В., Левина М.М. Международно-правовое сотрудничество евразийского экономического союза с региональными комиссиями ООН: современный этап. – *Московский журнал международного права.* №2. С.22–39. DOI:https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-22-39

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

LAW OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS AND CONFERENCES

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-22-39

Research article
Received 24 March 2020
Approved 16 May 2020

Dmitry V. IVANOV
Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1231-6072

Mariia M. LEVINA
Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
marylevis95@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6133-9513

INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION WITH THE UN REGIONAL COMMISSIONS: MODERN STAGE

INTRODUCTION. *The article focuses on the analysis of the international legal personality of the Eurasian Economic Union (EAEU) in the context of its international cooperation. Practical implementation of legal possibilities of the interregional interaction is examined on the example of the legal cooperation of the Union with the UN regional commissions, which have recently been incorporated in its foreign policy concept. The authors have also studied the role of the Russian Federation in the process of the practical implementation of the aforementioned track of the Union's foreign affairs, taking into account Russia's chairmanship in the EAEU institutions in 2018.*

MATERIALS AND METHODS. *Legal acts related to the EAEU foreign policy strategy, theoretical works of scientists on the international personality of regional integration organizations, officially published documents and working materials of the Eurasian Economic Commission form the basis of the present study. Its methodological base consists of such methods of formal logic as analysis, synthesis and induction, along with the use of special methods of the legal analysis required for a comprehensive study, including the formal dogmatic and comparative legal approach.*

RESEARCH RESULTS. *Through the study of the correspondence of the EAEU legal nature to the features of an international organization the authors provide legal justification for the scientific approach under which regional integration associations do not differ from "classical" intergovernmental organizations from a formal legal point and, as a result, should be considered as fully-fledged subjects of international law. A comparative analysis of the main tracks of international cooperation of the Union over a five-year period has been carried out with the focus on a detailed study of the legal interaction of the EAEU with the UN regional commissions. Despite the fact that in legal acts relating to the EAEU foreign policy strategy all five regional commissions were enshrined in the category of potential partners, remains obvious the imbalance in the practical implementation of this approach: while the most fruitful international cooperation was actually realized by the Union with the United Nations Economic Commission for Europe, to a much lesser extent – with the Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, cooperation with the other three regional commissions is either absent or only at the initial stage. At the same time, the Russian Federation played a leading role in realizing the main goals of the Eurasian integration during its chairmanship in 2018, becoming the flagship*

in the adoption by the Heads of the Member States of the Union on December 6, 2018 of the Declaration on the further development of integration processes within the Eurasian Economic Union.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *With regard to forecasting the prospects for further implementation of the Union's foreign policy strategy, we shall notice, that, first of all, taking into account the obvious growing international cooperation activity of the EAEU with the UN regional commissions, it seems logical, when forming and adopting subsequent acts defining the directions of the Union's foreign affairs and international cooperation, to move from considering them into category "potential partners" to the category of international organizations with which it is necessary to develop existing cooperation mechanisms as well as create new ones. In the context of current geopolitical trends, the importance of strengthening further practical cooperation of the EAEU with the UN regional commissions is due to the need for sustainable socio-economic development of the Eurasian region and the expansion of foreign affairs of the Union, which can be implemented jointly with the UN working bodies through the expert analytical support of common projects, exchange of regulatory experience in a number of areas of economics and social policy, cooperation in the field of technical regulation and standardization.*

KEYWORDS: *Eurasian integration, Eurasian Economic Union, international legal personality, international cooperation, UN regional commissions, ECE, ESCAP, ECLAC*

FOR CITATION: Ivanov D.V., Levina M.M. International legal cooperation of the Eurasian Economic Union with the UN Regional Commissions: modern stage. – *Moscow Journal of International Law.* 2020. No. 2. P. 22–39. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-22-39

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Датой образования Евразийского экономического союза принято рассматривать 29 мая 2014 г., когда главами трех стран – России, Казахстана и Белоруссии – был подписан Договор о создании Евразийского экономического союза; и 1 января 2015 г. – дата вступления данного договора в силу и начала функционирования Союза. Как отмечает председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии Т. Саркисян, с момента создания правовых и институциональных основ ЕАЭС удалось достичь существенных результатов в формировании единых рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы, в цифровизации экономик и повышении инвестиционной привлекательности Союза[1], несмотря на активные попытки западных исследователей представить ЕАЭС в противоположном свете [Russell 2017, De Micco 2015]. В настоящее время Евразийский экономический союз представляет собой международную региональную организацию экономической интеграции пяти государств с общей численностью населения в 183,8 млн человек, из которых 94,3 млн человек входят в категорию экономически активного населения[2].

2. Международная правосубъектность ЕАЭС

Несмотря на тот факт, что в современной науке международного права предпринимаются попытки провести разграничительную линию между международными организациями и интеграционными объединениями ввиду поэтапного развития последних и смещения их деятельности с простой координации сотрудничества в определенной сфере в сторону гармонизации и последующей унификации внутриэкономической политики государств – участников подобного интеграционного объединения, на основании чего некоторыми исследователями [Капустин 2010] обосновывается непризнание за ними международной правосубъектности; тем не менее согласимся с позицией другой группы

[1] Интервью Председателя Коллегии ЕЭК Т. Саркисяна газете «Республика». – *Евразийская экономическая комиссия. Новости и события.* 06.06.2019. Доступ: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/06-06-2019-1.aspx (дата обращения: 07.03.2020).

[2] Официальный сайт Евразийского экономического союза. Доступ: http://www.eaeunion.org/#about (дата обращения: 07.03.2020).

ученых [Ануфриева 2017:48–58] относительно того, что в случае если подобное интеграционное объединение отвечает формально-юридическим признакам международной организации, то заявленные выше критерии отделения интеграционных объединений от «классических» межправительственных организаций не имеют под собой логического обоснования. В целом отметим, что большинство отечественных ученых, в том числе К.А. Бекяшев, С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков, придерживаются позиции относительно того, что современные интеграционные объединения, в частности ЕС и ЕАЭС, представляют собой международные организации с международно-правовой точки зрения[3].

В подтверждение истинности представленного заключения и для целей настоящей статьи определим посредством анализа норм права международных организаций и научных трудов отечественных ученых в соответствующей отрасли, отвечает ли юридическая природа Евразийского экономического союза признакам международной организации. Так, среди ключевых системообразующих признаков последней выделяют [Морозов 1974:50–58] постоянный характер ее деятельности, в основе осуществления которой лежит учредительный акт международной организации, закрепляющий цели и задачи, права и обязанности членов, порядок ее функционирования, равно как и структуру и компетенцию постоянно действующих органов данной организации. Отметим, что положения Договора о Евразийском экономическом союзе в полном объеме регламентируют вышеуказанные аспекты[4], что подтверждает полное соответствие ЕАЭС определению понятия «международная организация», так как обладает всеми признаками последней.

В данном контексте представляется немаловажным обозначить научную позицию не только отечественных, но и западных ученых в отношении наличия у международных организаций, в том числе и международных интеграционных объединений, международной правосубъектности. Одна школа ученых придерживается индуктивного подхода, согласно которому личность международной организаций подразумевается из возможностей, полномочий, прав и обязанностей, возложенных на данную организацию в своем учредительном документе и реализованных на практике [Seyersted 1964; Rama Montaldo 1970]. Вторая школа ученых – школа объективного подхода – утверждает, что международная организация обладает международной правосубъектностью при условии соблюдения определенных объективных критериев, к числу которых относится условие объединения государств или международных организаций, наличия доверенных ими функций или полномочий и создание хотя бы одного органа, наделенного собственной волей [Bowett 1982; Reinisch 2000]. Тем не менее правосубъектность международных организаций может определяться не только указанными способами, но и быть прямо закреплена в договорной базе последней, что происходит, однако, в меньшинстве случаев, как отмечают профессор Эванс [International Law…2006:272] и профессор Шоу [Shaw 2017:991]. В случае с Евразийским экономическом союзом, в учредительном акте четко определяется его юридическая природа: «Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью»[5].

В содержание понятия международная правосубъектность, как правило, включается правоспособность и дееспособность международной организации, которая предусматривает возможность иметь и реализовывать права и обязанности, участвовать в создании и применении норм международного права, призывать к ответственности за международно-противоправные деяния, совершенные по отношению к данной организации, равно как и нести юридическую ответственность за свои действия[6]. Договор о Евразийском экономическом союзе не только

---

[3] Для целей ознакомления с научными позициями представленных ученых по соответствующему вопросу см.: [Бекяшев 2014:14; Интеграционное право…2015].

[4] В частности, в части первой Договора о Евразийском экономическом союзе раздел I (ст. 1–2) посвящен общим положениям, касающимся учреждения ЕАЭС (в том числе вопросам его правосубъектности), раздел II (ст. 3–7) закрепляет основные принципы, цели, компетенцию и право Союза, раздел III (ст. 18–19) регламентирует правовое положение различных его органов. Более подробно см.: Договор о Евразийском экономическом союзе от 25 мая 2014 г. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 08.03.2020).

[5] Там же. Ст. 1.

[6] Более подробно о понятии и содержании международной правосубъектности международных организаций см.: *Международное право: учебник для академического бакалавриата. В 2 частях. Ч. 1.* Под ред. А.Н. Вылегжанина. 3-е изд. Москва: Юрайт. 2018. С. 118.

юридически оформил создание ЕАЭС в качестве полноправного субъекта международного права, но и заложил правовую основу для выстраивания Союзом международных отношений с другими субъектами международного права.

3. Международная деятельность ЕАЭС и ее основные направления

Обратим внимание на тот факт, что положения учредительного договора достаточно обстоятельно регламентируют, в частности, вопросы, касающиеся международной деятельности Союза, наделяя его способностью «…осуществлять международное сотрудничество… и самостоятельно либо совместно с государствами-членами заключать международные договоры по вопросам, отнесенным к его компетенции»[7]. Юридическую основу международного сотрудничества ЕАЭС составляют, прежде всего, решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета (далее – *Высший совет*) и Совета Евразийской экономической комиссии (далее – *ЕЭК, Комиссия*)[8]. В частности, ключевым актом в данной сфере является принятое в 2014 г. Решение Высшего Евразийского экономического совета № 99 «О порядке осуществления Евразийским экономическим союзом международного сотрудничества»[9]. Данное решение закрепляет перечень органов, полномочных осуществлять международное сотрудничество (Высший совет, Евразийский межправительственный совет, Комиссия и Суд Союза), компетенцию и полномочия официальных представителей и должностных лиц органов Союза, но, прежде всего, – определяет значение ежегодно принимаемых «Основных направлений международной деятельности Союза» (далее – *Основные направления*), которые формируются ЕЭК, исходя из предложений государств-членов и Комиссии по развитию приоритетных направлений деятельности Союза и его целевых ориентиров, и подлежат ежегодному утверждению Высшим советом. Отметим, что с момента начала функционирования Союза были утверждены пять Основных направлений за 2015–2020 гг., детальное изучение которых позволяет сделать вывод о том, что именно в данных нормативно-правовых актах и были определены конкретные ключевые векторы и приоритеты международной деятельности Союза, что подтверждается также последующим анализом основных положений Докладов о реализации данных направлений международной деятельности за 2016 и 2018 гг.

Исходя из сравнительного анализа положений Основных направлений международной деятельности ЕАЭС, принятых на период с 2015 по 2020 гг.[10] , становится очевидным, что за послед-

---

[7] Ст. 7 Договора о Евразийском экономическом союзе.

[8] Статья 6 Договора о Евразийском экономическом союзе вводит понятие «право ЕАЭС», которое образуют следующие составляющие: сам учредительный договор; международные договоры, заключаемые в рамках Союза и между ЕАЭС и третьей стороной; решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их компетенции. Решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, представляющего собой высший наднациональный орган ЕАЭС, состоящего из глав государств и правительств, принимаются консенсусом, подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством, и имеют приоритет над решениями Евразийского межправительственного совета и ЕЭК. В свою очередь, решения Комиссии ЕАЭС, постоянно действующего регулирующего органа управления, главной функцией которого является гарантирование и обеспечение условий для дальнейшего осуществления деятельности ЕАЭС, подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов, что свидетельствует об особом статусе ЕЭК. Более подробно о «праве ЕАЭС» см.: [Ануфриева 2016: 48–62; Капустин 2015: 59–69].

[9] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 99 «О порядке осуществления Евразийским экономическим союзом международного сотрудничества». Доступ: http://www.eurasiancommission.org/ru/635551006672796548.pdf (дата обращения: 10.03.2020).

[10] Для подтверждения представленных в настоящей статье выводов был проведен сравнительный анализ следующих актов: Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 26 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2015–2016 годы». Доступ: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71125400/ (дата обращения: 08.03.2020); Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 18 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2017 год». Доступ: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71552304/ (дата обращения: 08.03.2020); Решение Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 19 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2019 год». Доступ: http://docs.cntd.ru/document/551866205 (дата обращения: 08.03.2020); Решение Высшего Евразийского экономического совета от 18 июня 2018 г. № 15 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2018 год». Доступ: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71897782/ (дата обращения: 10.03.2020).

ние пять лет вектор международного сотрудничества ЕАЭС значительно изменился: если в первые два года функционирования Союза во внешнеполитической стратегии отсутствовала дифференциация зарубежных партнеров, то уже в последующих ежегодно принимаемых актах все более четко стала прослеживаться тенденция их разделения на группу тех государств, региональных интеграционных объединений и международных организаций, с которыми уже установлены и подлежат дальнейшему развитию существующие механизмы сотрудничества, и тех потенциальных партнеров, к углублению связей с которыми Союз будет стремиться в приоритетном порядке[11]. Кроме того, нельзя не отметить также и резкий переход некоторых партнеров из одной категории в другую: в частности, если вплоть до 2019 г. Европейский союз находился в числе одного из ключевых партнеров ЕАЭС на среднесрочную перспективу, то в 2020 г. ЕС стал уже рассматриваться в качестве регионального интеграционного объединения, к сотрудничеству с которым ЕАЭС будет лишь потенциально стремиться. Схожая ситуация сложилась также и с организациями системы Организации Объединенных Наций, в том числе с региональными комиссиями: хотя они также вошли в категорию потенциальных партнеров, к углублению связей с которыми Союз будет стремиться в приоритетном порядке, тем не менее, в сравнении с ЕС, международное сотрудничество ЕАЭС с организациями системы ООН отличаются наличием уже действующих механизмов взаимодействия. В целом согласимся с позицией ученых [Мешкова и др. 2019:27] относительно того, что для Евразийского экономического союза в ходе разработки направлений международного сотрудничества и их последующей реализации приоритетными стали не только вопросы экономической прагматичности, но и гармонизации различных подходов в сфере правового регулирования экономической деятельности государств, международных организаций и интеграционных объединений на глобальном и межрегиональном уровне.

4. Международное сотрудничество ЕАЭС с организациями системы ООН как одно из приоритетных направлений международной деятельности Союза

Многостороннее сотрудничество с организациями системы ООН было закреплено в списке ведущих направлений международной деятельности ЕАЭС с момента начала его функционирования, при этом начиная с 2018 г. в указанных выше Основных направлениях также стала постепенно определяться приоритетность сотрудничества Союза и с региональными комиссиями Экономического и Социального совета ООН (далее – ЭКОСОС). Отметим, что в Докладе о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза за 2018 г. подчеркивается, что Союзу в пределах своей компетенции достаточно успешно удалось осуществить международную деятельность в сфере развития существующих и установления новых контактов с международными организациями, включая организации системы ООН, при этом интенсификация сотрудничества с последними вошла в число комплексных предложений по развитию интеграционных процессов в рамках Союза[12]. Укрепление взаимодействия ЕАЭС с ООН и ее специализированными структурами рассматривается целесообразным для реализации в среднесрочной и долгосрочной перспективе также по причине того, что это «дает возможность применения наилучших практик и опыта таких организаций, повышает конкурентоспособность экономик государств-членов, обеспе-

[11] Отметим, что в «Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2020 год» указанная выше дифференциация зарубежных партнеров проведена таким образом, что разработчики данного нормативного-правового акта впервые составили документ из двух отдельных глав (I. Взаимодействие с третьими странами, региональными интеграционными объединениями и международными организациями в развитие существующих механизмов сотрудничества; II. Сотрудничество с потенциальными партнерами, к углублению связей с которыми Союз стремится в приоритетном порядке) и, как результат, окончательно юридически закрепили разделение на две указанные выше категории зарубежных партнеров ЕАЭС. Более подробно см.: Решение Высшего Евразийского экономического совета от 1 октября 2019 г. № 19 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2020 год». Доступ: http://www.eurasiancommission.org/ru/635551006672796548.pdf (дата обращения: 10.03.2020).

[12] Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза 2018 год, подготовленный Евразийской экономической комиссией. Доступ: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/1134377-8888612-8888677.pdf (дата обращения: 10.03.2020).

чивает рост уровня информированности как в отношении процессов, происходящих в ЕАЭС, так и на международной арене»[13].

Учрежденная в 1945 г. в качестве универсальной международной организации, имеющей одной из своих целей поддержание мира и международной безопасности, развитие сотрудничества между государствами и дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов[14], Организация Объединенных Наций на современном этапе, как отмечает директор Информационного центра ООН А. Горелик, является оптимальной площадкой для поиска компромиссов в коллективном решении мировых и региональных вызовов и актуальных проблем международного развития и сотрудничества [Горелик 2015:24–25], а развитая система специализированных учреждений, осуществляющих регулирование различных аспектов международной жизни в рамках своего функционального предназначения, облечена широкой ответственностью по разрешению международных проблем в экономической, социальной и культурной области. Ключевой составляющей механизма взаимодействия со специализированными учреждениями ООН, предусмотренного ст. 63 и 64 Устава ООН, является Экономический и Социальный Совет ООН, один из шести главных органов Организации Объединенных Наций[15]. Будучи основным органом системы ООН по продвижению экономического, социального и экологического аспектов устойчивого развития и координации усилий по достижению закрепленных на международном уровне целей в данных областях, ЭКОСОС занимается не только общим руководством и согласованием соответствующей деятельности специализированных учреждений ООН, но также координирует деятельность своих вспомогательных органов, способствующих достижению целей Совета. К таковым относятся функциональные комиссии, постоянные комитеты, экспертные органы, состоящие из правительственных экспертов или из членов, выступающих в личном качестве, и, наконец, региональные комиссии[16], с которыми в особо конструктивном ключе и развивалось международное сотрудничество ЕАЭС за последние пять лет. Существующие в настоящее время пять региональных комиссий ЭКОСОС призваны содействовать подготовке и выполнению программ и проектов развития экономической интеграции на субрегиональном и региональном уровне путем разработки соответствующих международно-правовых актов, поддержания баланса интересов государств-членов на основе консенсуса, достигнутого с учетом ряда особенностей и специфики каждого региона, и координации внутрирегионального и межрегионального сотрудничества государств как между собой, так и посредством взаимодействия с другими региональными организациями [Unity and Diversity…2004:9–12]. В обозначенном контексте еще раз подчеркнем, что сотрудничество с данными комиссиями вошло в круг внешнеполитических интересов Евразийского экономического союза с 2018 г., когда в соответствующих Основных направлениях впервые было закреплено положение о том, что ЕАЭС в рамках своей компетенции будет развивать многостороннее сотрудничество с региональными комиссиями ЭКОСОС, входящими в состав организаций системы ООН.

5. Международное сотрудничество ЕАЭС с Европейской экономической комиссией ООН

Отметим, прежде всего, тот факт, что наиболее продолжительное и плодотворное международное сотрудничество было осуществлено ЕАЭС с Европейской экономической комисси-

[13] Там же.

[14] Устав Организации Объединенных Наций. – *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII.* Москва. 1956. С. 14–47.

[15] Уставом ООН учреждены шесть главных органов организации: Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет, Совет по опеке, Международный суд и Секретариат. Более подробно о главных органах ООН см.: [Федоров 2005].

[16] К числу вспомогательных органов ЭКОСОС относятся пять региональных комиссий, сформированных по географическому принципу, – Европейская экономическая комиссия (ЕЭК), Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), Экономическая и социальная комиссия для Западной Азии (ЭСКЗА), Экономическая комиссия для Африки (ЭКА), Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК). Более подробно об истории, целях и функциях, организационной структуре и членстве в данных комиссиях можно ознакомиться на официальном сайте Экономического и Социального Совета ООН. Доступ: https://www.un.org/ecosoc/ru/content/subsidiary-bodies-ecosoc (дата обращения: 10.03.2020).

ей[17], большой опыт и обширные знания которой в сфере формирования согласованных подходов различных государств и интеграционных объединений при выработке гармонизированной политики в важнейших сферах сотрудничества были и остаются чрезвычайно важными для экономической повестки Союза. В частности, еще за полтора года до учреждения Союза, 26 июня 2013 г., государства – члены Евразийского экономического сообщества, предшественника ЕАЭС, в лице Евразийской экономической комиссии подписали с Европейской экономической комиссией ООН бессрочный Меморандум о взаимопонимании[18]. Несмотря на то, что меморандум по своей природе не является международным договором и не создает непосредственных прав и обязанностей, регулируемых нормами международного права, данный факт не умаляет ценность подписанного акта, в котором сторонами впервые было заявлено взаимопонимание в отношении необходимости укрепления двустороннего сотрудничества в таких сферах, как торговая, таможенная, инвестиционная, конкурентная и макроэкономическая политика, транспорт и логистика. Подчеркнем, что подписание меморандума с ЕЭК ООН стало первым шагом в создании основы последующего системного международно-правового сотрудничества Союза с региональными комиссиями ЭКОСОС. Тем не менее поскольку в вышеуказанном документе стороны ограничили его составляющую целями и задачами, формами и направлениями двустороннего сотрудничества, то на основе и в развитие данного Меморандума был принят План проведения мероприятий по сотрудничеству Комиссии и ЕЭК ООН на 2013–2015 гг.[19], в котором был согласован график проведения совместных мероприятий и исследований для целей содействия общеевропейскому экономическому сотрудничеству и интеграции. Отметим, что за указанный период сторонам удалось достаточно эффективно реализовать заявленные в Плане задачи: в отношении упрощения процедур торговли и создания проектов «единого окна»[20] стороны провели в ноябре 2013 г. первый международный семинар, в рамках которого ознакомились с опытом составления дорожной карты по внедрению «единого окна» в Сингапуре, Швеции и Южной Корее; по вопросам развития транспортных коридоров и транспортной инфраструктуры и повышения транзитного потенциала государств представители ЕЭК принимали участие в заседаниях Административного комитета Конвенции МДП, 1975 г. и заседаниях

17 Европейская экономическая комиссия ООН была создана Экономическим и Социальным Советом 28 марта 1947 г. для «инициирования и участия в мероприятиях, направленных на содействие осуществлению согласованных действий для экономического восстановления Европы», а также «для поддержания и укрепления экономических отношений европейских стран». Основной целью ЕЭК ООН является экономическое развитие и интеграция Европы, поднятие уровня экономической деятельности в данном регионе, поддержание и укрепление экономических отношений как между европейскими странами, так и между европейскими и другими странами мира, и содействие общеевропейской экономической интеграции. Комиссия объединяет 56 стран, часть из которых расположена в Европейском Союзе, а также не входящие в ЕС страны Западной и Восточной Европы, страны Содружества Независимых Государств (СНГ) и Северной Америки. Более подробно о Европейской экономической комиссии ООН см.: U.N. Economic and Social Council: Session 4. Resolution 36 "Economic Commission for Europe". March 28, 1947. URL: https://treaties.un.org/doc/source/docs/NR075250.pdf (accessed 20.02.2020);
U.N. Economic Commission for Europe (UNECE): Terms of Reference and Rules of Procedure of the Economic Commission for Europe. 5th ed. URL: https://undocs.org/E/ECE/778/Rev.5(accessed 20.02.2020); U.N. Economic Commission for Europe (UNECE). Official web-site. URL: https://www.unece.org/info/ece-homepage.html (accessed 10.03.2020).

18 Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Европейской экономической комиссией ООН от 26 июня 2013 г. Доступ: http://www.eurasiancommission.org/ru/635080320536320357.pdf (дата обращения: 10.03.2020).

19 Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 15.10.2013 № 221 «Об одобрении плана проведения мероприятий по сотрудничеству Евразийской экономической комиссии и Европейской экономической комиссии ООН на 2013–2015 годы». Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153327/ (дата обращения: 11.03.2020).

20 Под «единым окном» понимается механизм взаимодействия между государственными органами, регулирующими внешнеэкономическую деятельность, и участниками внешнеэкономической деятельности, который позволяет последним однократно представлять документы в стандартизованном виде через единый пропускной канал для последующего использования заинтересованными государственными органами и иными организациями в соответствии с их компетенцией при проведении контроля за осуществлением внешнеэкономической деятельности. Более подробно о механизме «единого окна» см.: Решение Высшего Евразийского экономического совета от 29 мая 2014 года № 68 «Об Основных направлениях развития механизма "единого окна" в системе регулирования внешнеэкономической деятельности». Доступ: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/Pages/mdsw.aspx (дата обращения: 11.03.2020).

Рабочей группы по таможенным вопросам, связанным с транспортом ЕЭК ООН[21]; в сфере изучения концептуальных вопросов энергетической политики стороны приняли участие в международной конференции «Общий энергетический рынок Единого экономического пространства: открытость и развитие», равно как и провели последующие консультации и обмен информацией по соответствующим темам, в результате чего изучение нормативно-правовой базы ЕЭК ООН в вышеуказанной области позволило использовать ее опыт при определении энергетической и транспортной политики и подготовке программных документов ЕАЭС. В частности, Концепция формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС[22], утвержденная главами государств 8 мая 2015 г., была разработана с учетом основных принципов и правил функционирования единого рынка мощности Европы. В целом, исходя из анализа положений отчета Евразийской экономической комиссии за 2012–2015 гг., в которой ЕЭК подводит итоги работы своего первого состава, отметим, что количество проведенных консультаций и рабочих встреч, совместных исследований и конференций между ЕЭК и ЕЭК ООН подтверждает высокий уровень продуктивности экспертной работы двух организаций за указанный период.

В конце 2016 г. распоряжением Коллегии Евразийской экономической комиссии был одобрен новый План мероприятий по сотрудничеству Евразийской экономической комиссии и Европейской экономической комиссии ООН на 2017–2019 гг.[23], в котором к числу целей двустороннего сотрудничества на указанный период добавилась выработка механизмов цифровой трансформации экономики, а среди имеющихся приоритетных задач на первом месте была закреплена гармонизация стандартов электронной торговли и развитие электронных форм на основании изучения и применения передового опыта Центра ООН по упрощению процедур торговли и электронным деловым операциям (далее – *СЕФАКТ ООН*)[24] при одновременном дублировании в данном Плане тех направлений сотрудничества, которые были представлены в Плане проведения мероприятий на 2013–2015 гг. Отметим, что за период с 2017 по 2019 г. по вопросам внедрения международных стандартов электронного обмена данными и создания механизма «единого окна» эксперты ЕЭК, ЕЭК ООН и СЕФАКТ ООН провели несколько конференций и семинаров, касающихся правового и технического сотрудничества в данной области для целей реализации цифровых инициатив Союза, равно как и упрощения процедур торговли и внешнеэкономической деятельности ЕАЭС в целом[25]. По результатам проведения подобных встреч, сторонам удалось определить дальнейшие векторы гармонизации законодательства в области электронных документов и данных, процедур документооборота и функциональной совместимости механизмов «единого окна» и связанных с ним проектов ЕАЭС. Кроме того, в рамках сотрудничества непосредственно с Европейской экономической комиссией ООН в марте

[21] Отчет Евразийской экономической комиссии за 2012–2015 гг. «Расширяя пространство возможностей». Доступ: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/EEC_ar2015_preview.pdf (дата обращения: 13.03.2020).

[22] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 08 мая 2015 г. № 12 «О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза». Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318053/ (дата обращения: 13.03.2020).

[23] Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 27 декабря 2016 г. № 229 «Об одобрении проекта плана мероприятий по сотрудничеству Евразийской экономической комиссии и Европейской экономической комиссии ООН на 2017–2019 годы». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01419728/clco_29122016_229 (дата обращения: 13.03.2020).

[24] Европейская экономическая комиссия ООН проводит работу в сфере упрощения процедур торговли через Центр ООН по упрощению процедур торговли и электронным деловым операциям (СЕФАКТ ООН), который, будучи вспомогательным, межправительственным органом ЕЭК ООН, выступает координационным звеном в отношении разработки рекомендаций по упрощению процедур торговли и стандартов электронных деловых операций, охватывающих процессы как предпринимательских, так и государственных деловых операций. Более подробно о структуре, мандате, функциях и процедурах работы СЕФАКТ ООН см.: U.N. Economic and Social Council: Consolidated United Nations Centre for Trade Facilitation and Electronic Business (UN/CEFACT) mandate and terms of reference. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/cefact/cf_plenary/2017_Plenary/ECE_TRADE_C_CEFACT_2017_15E_MandateToR.pdf (accessed 11.03.2020).

[25] В частности, 7–9 декабря 2017 г. в г. Москве прошла Международная научно-практическая конференция по трансграничной безбумажной торговле «Единое окно на гребне нового технологического уклада»; 10–11 декабря 2018 г. в г. Минске был проведен семинар «Единое окно: интероперабельность, обмен данными и цифровая торговля» с участием экспертов государств – членов Евразийского экономического союза, ЕЭК ООН и СЕФАКТ ООН.

2018 г. в ходе Регионального форума по устойчивому развитию ЕЭК ООН была проведена сессия «ЕАЭС: устойчивое развитие и реализация Целей устойчивого развития на наднациональном уровне», в рамках которого специалисты ЕЭК представили порядок согласования Целей устойчивого развития с интеграционной повесткой ЕАЭС, что стало первым опытом проведения мероприятия, посвященного евразийской тематике, на площадке одной из региональных комиссий ООН[26]. Немаловажным также было и остается активное участие представителей ЕЭК в заседаниях Рабочей группы по политике в области технического согласования и стандартизации Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций (далее – *РГ 6 ЕЭК ООН*)[27], на основании чего, например, за прошлый год ЕЭК были разработаны принципы и подходы к гармонизации законодательства стран ЕАЭС в сфере государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов Союза. Не вдаваясь более подробно в изучение вопросов, касающихся сферы технического регулирования и международной стандартизации, подчеркнем лишь тот факт, что представители вышеуказанной Рабочей группы отмечают активное участие Евразийской экономической комиссии в мероприятиях РГ 6 ЕЭК ООН, в том числе ее подгрупп по вопросам надзора за рынком и управления рисками в системах нормативного регулирования.

Отметим, что хотя Евразийская экономическая комиссия и ЕЭК ООН с момента подписания Меморандума о взаимопонимании, как мы убедились, достигли значительного прогресса в своем взаимодействии на экспертном уровне, вопросы дальнейшего расширения и определения новых направлений сотрудничества остаются достаточно актуальными, прежде всего, для ЕАЭС, поскольку от применения правового опыта ЕЭК ООН как центра по разработке и внедрению норм, стандартов, рекомендаций и инструментов в таких сферах, как международная торговля, энергетика, транспорт, статистика и окружающая среда, будет во многом зависеть развитие и углубление интеграционных процессов в рамках Союза.

6. Международное сотрудничество ЕАЭС с Экономической и социальной комиссией Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана

Представляется логичным провести анализ взаимодействия ЕЭК с Экономической и социальной комиссией Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана (далее – *ЭСКАТО*)[28], самой крупной из региональных комиссий ООН, на основании изучения двух ключевых периодов двустороннего сотрудничества, соответствующих датам подписания Меморандума о взаимопонимании и принятию Програм-

[26] Более подробно о результатах проведения 1–2 марта 2018 г. регионального форума по устойчивому развитию для региона Европейской экономической комиссии и результатах доклада о влиянии интеграции на достижение Целей устойчивого развития государствами – членами Евразийского экономического союза и доклада об инклюзивном росте государств – членов ЕАЭС см.: The United Nations Economic Commission for Europe (UNECE): The Regional Forum on Sustainable Development for the UNECE Region. URL: https://www.unece.org/rfsd2018.html (accessed 05.03.2020).

[27] Рабочая группа Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций по политике в области технического согласования и стандартизации (РГ 6 ЕЭК ООН) ответственна за организацию диалога по обсуждению актуальных вопросов сотрудничества в области нормативного регулирования, стандартизации, оценки соответствия, метрологии, надзора за рынком и управления рисками. Более подробно о РГ 6 ЕЭК ООН см.: U.N. Economic Commission for Europe (UNECE): Working Party on Technical Harmonization and Standardization Policies. Revised terms of reference of the Working Party. July 14, 2003. URL: https://digitallibrary.un.org/record/500134/files/%5BE_ECE_%5DTRADE_WP.6_2003_15-EN.pdf (accessed date: 16.03.2020).

[28] Экономическая и социальная комиссия Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана была создана Экономическим и Социальным Советом 28 марта 1947 г. для «инициирования и участия в облегчении совместных действий, направленных к экономическому восстановлению Азии и Дальнего Востока, к поднятию уровня экономической деятельности в Азии и на Дальнем Востоке и к поддержанию и укреплению экономических отношений в этих районах как между собой, так и с другими странами». Сегодня ЭСКАТО является крупнейшей региональной межправительственной платформой с 53 государствами-участниками и 9 ассоциированными членами, важным региональным аналитическим центром, изучающим развивающуюся экономическую, социальную и экологическую динамику региона. Более подробно об ЭСКАТО см.: U.N. Economic and Social Council: Session 4. Resolution 36 "Economic Commission for Asia and the Far East". March 28, 1947. url: https://treaties.un.org/doc/source/docs/nr075250.pdf (accessed date: 20.02.2020); U.N. Economic and Social Commission for Asia and the Pacific: Terms of Reference and Rules of Procedure of the Commission. https://www.unescap.org/sites/default/files/pre-ods/CST1-INF4.pdf (accessed 16.03.2020); United Nations for Asia and the Pacific. Official web-site. URL: https://www.unescap.org (accessed 16.03.2020).

мы сотрудничества между ЕЭК и ЭСКАТО, – с 2013 по 2017 г. и с 2017 г. по настоящее время.

В частности, 22 ноября 2013 г. в г. Алматы Евразийская экономическая комиссия и Экономическая и социальная комиссия Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана подписали Меморандум о взаимопонимании[29], который предусматривает взаимодействие сторон с целью взаимного улучшения экономического и социального развития по таким направлениям, как макроэкономическая политика, торговля, инвестиции и поддержка предпринимательской деятельности, транспорт, энергетика и другие. Среди основных форм сотрудничества в указанном документе были определены обмен информацией, проведение консультаций, семинаров, конференций, форумов, круглых столов и иных мероприятий, подготовка совместных аналитических и других обзоров.

Говоря о непосредственной реализации заявленных в Меморандуме задач и целей, отметим, что в течение четырех лет, предшествовавших разработке и принятию Программы сотрудничества между ЕЭК и ЭСКАТО[30], данное двустороннее сотрудничество нельзя назвать плодотворным и высоко эффективным по причине того, что за указанный период были проведены лишь несколько форумов и встреч. В частности, по вопросам межрегионального взаимодействия в отношении эффективной интеграции экономических, социальных и экологических аспектов устойчивого развития представители Евразийской экономической комиссии приняли участие в форуме специальной программы ООН для экономик стран Центральной Азии «Всеобъемлющее и устойчивое развитие на основе регионального сотрудничества», организованном ЭСКАТО и ЕЭК ООН в ноябре 2013 г., и Азиатско-Тихоокеанском форуме по устойчивому развитию, проведенном под эгидой ЭСКАТО в апреле 2016 г. Кроме того, в отношении заявленного в Меморандуме сотрудничества по транспортным вопросам стороны провели лишь одну рабочую встречу, в ходе которой были обсуждены перспективы дальнейшей разработки предложений, направленных на упрощение таможенного транзита при железнодорожных и автодорожных перевозках с целью обеспечения эффективного использования транзитного и логистического потенциала. Таким образом, хотя представитель ЕЭК А. Кишкембаев в рамках вышеуказанного Азиатско-Тихоокеанском форума ЭСКАТО и подчеркнул важность подписанного Меморандума о взаимопонимании и актуальность проведения во исполнение взаимно согласованных целей и задач совместных мероприятий, в ходе которых представители ЕЭК и ЭСКАТО могут «сверять часы по важнейшим приоритетам торгово-экономического сотрудничества стран»[31], эффективность такого сотрудничества, как мы убедились, вызывает определенные сомнения.

О принципиальном изменении характера двустороннего сотрудничества можно говорить в контексте разработки и принятия Программы сотрудничества между ЕЭК и ЭСКАТО на 2017–2019 гг.[32]. Отметим, что содержание данного документа отличается некоторой неопределенностью и расплывчатостью, поскольку в нем, в отличие, например, от Плана мероприятий по сотрудничеству Евразийской экономической комиссии и Европейской экономической комиссии ООН на 2017–2019 гг., не указаны конкретно согласованные сторонами мероприятия, а лишь продублированы цели и формы сотрудничества по тем десяти направлениям, которые нашли свое первоначальное закрепление в Меморандуме о взаимопонимании. Тем не менее с момента одобрения проекта Программы стороны достигли определенных успехов по указанным направлениям сотрудничества. В частности, по

[29] Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Экономической и социальной комиссией Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана от 22 ноября 2013 г. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0033905/ms_25112013 (дата обращения: 16.03.2020).

[30] Распоряжение Коллегии ЕЭК от 30 мая 2017 г. № 58 «Об одобрении проекта Программы сотрудничества между Евразийской экономической комиссией и Экономической и социальной комиссией Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана на 2017–2019 гг.» Доступ: https://www.alta.ru/tamdoc/17r00058/ (дата обращения: 16.03.2020).

[31] Представитель ЕЭК А. Кишкембаев на форуме ЭСКАТО ООН рассказал о влиянии интеграции на экономики стран – участниц ЕАЭС. – *Евразийская экономическая комиссия. Новости и события.* 06.04.2016. Доступ: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/07-04-2016-3.aspx (дата обращения: 17.03.2020).

[32] Распоряжение Коллегии ЕЭК от 30 мая 2017 г. № 58 «Об одобрении проекта Программы сотрудничества между Евразийской экономической комиссией и Экономической и социальной комиссией Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана на 2017–2019 гг.» Доступ: https://www.alta.ru/tamdoc/17r00058/ (дата обращения: 17.03.2020).

вопросам внедрения в государствах-членах инструментов упрощения процедур торговли и механизмов «единого окна» с целью развития электронной торговли в июне 2017 г. был проведен международный семинар по инициативе ЕЭК и ЭСКАТО, целью которого был обмен опытом по организации информационного взаимодействия механизмов «единого окна» в Азиатско-Тихоокеанском регионе для дальнейшей синхронизации процессов внедрения данного проекта в рамках ЕАЭС; в отношении устойчивого развития в сентябре 2017 г. был организован международный региональный семинар ЭСКАТО, на пленарных дискуссиях которого были рассмотрены аспекты устойчивого регионального развития и формирования и реализации интеграционного потенциала в Евразии, при этом представители ЕЭК осветили базовые факторы создания условий для устойчивого и инклюзивного роста в рамках ЕАЭС в соответствующем докладе. Кроме того, в рамках II Конференции министров по региональному экономическому сотрудничеству и интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе ЭСКАТО представители ЕЭК проинформировали участников мероприятия о достижениях Союза в сфере укрепления регионального экономического сотрудничества и интеграции в контексте реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.[33]; по вопросам трудовой миграции представители ЕЭК в рамках проводимого под эгидой ЭСКАТО регионального подготовительного совещания по Глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции[34] представили опыт Комиссии по созданию единого рынка трудовых ресурсов и комфортных социальных стандартов жизни для граждан стран ЕАЭС, что в дальнейшем легло в основу рекомендаций к разрабатываемому Глобальному договору; в сфере энергетической политики ЕЭК совместно с ЭСКАТО и Исполнительным комитетом Электроэнергетического Совета СНГ провела международный круглый стол «Создание общих энергетических рынков и роль возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в повышении энергетической безопасности», по результатам которого была согласована выработка совместных рекомендаций по развитию электроэнергетической отрасли, оценке потенциала возобновляемой энергии и цифровой трансформации энергетики.

Важно отметить, что с подписанием 17 мая 2019 г. второго Меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Экономической и социальной комиссией Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана[35] сторонам удалось придать новый импульс процессам двустороннего сотрудничества между ЕЭК и ЭСКАТО не только для целей укрепления регионального экономического взаимодействия, но и реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и содействия улучшению экономических, социальных и экологических норм, что отличает содержание данного меморандума от подписанного в июне 2013 г. Таким образом, взаимодействие между Евразийской экономической комиссией и Экономической и социальной комиссией для Азии и Тихого океана ООН было выстроено за семилетний период достаточно успешно и, главное, – пролонгировано в сферах торговой, таможенной, инвестиционной, конкурентной и макроэкономической политики, промышленного и энергетического сотрудничества, транспорта, статистики, экономики и финансов.

---

[33] Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года – это план действий, состоящий из 17 целей и 169 задач в области устойчивого развития и направленный на укрепление всеобщего мира в условиях большей свободы, искоренение нищеты, обеспечение защиты планеты, повышение качества жизни и улучшение перспектив для всех людей во всем мире. Более подробно см.: Генеральная Ассамблея ООН: Резолюция от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Доступ: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 17.03.2020).

[34] Государства – члены ООН пришли к согласию принять в 2018 г. «Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции», ставшим первым в мире глобальным соглашением ООН об общем подходе к международной миграции, основанном на ценностях государственного суверенитета, ответственности, недискриминации и прав человека и состоящем из 23 целей для управления миграционными процессами на местном, национальном, региональном и глобальном уровнях. Более подробно см.: U.N. General Assembly: Resolution adopted December 19, 2018 "Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration". URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_73_195.pdf (accessed 17.03.2020).

[35] Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Экономической и социальной комиссией Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана от 17 мая 2019 г. Доступ: https://www.alta.ru/tamdoc/19bn0035/ (дата обращения: 17.03.2020).

7. Международное сотрудничество ЕАЭС с другими региональными комиссиями Организации Объединенных Наций

В контексте анализа международного сотрудничества между Евразийской экономической комиссией и Экономической комиссией Организации Объединенных Наций для Латинской Америки и Карибского бассейна (далее – *ЭКЛАК*)[36], отметим, что формирование и развитие процесса двустороннего взаимодействия было инициировано в декабре 2016 г., когда ЕЭК совместно с Институтом Латинской Америки РАН и в партнерстве с ЭКЛАК был проведен первый международный круглый стол «Развивая интеграцию, объединяя континенты», посвященный интеграционному сближению стран евразийского и латиноамериканского регионов. В рамках указанного мероприятия стороны обсудили направления сотрудничества и возможные форматы выстраивания конструктивного межрегионального диалога между государствами ЕАЭС и странами-участницами интеграционных блоков Центральной и Южной Америки. В дальнейшем обсуждение перспектив наращивания потенциала межрегионального взаимодействия получило свое развитие по результатам проведения рабочей встречи члена Коллегии (министра) по интеграции и макроэкономике ЕЭК Т. Валовой с руководством ЭКЛАК в г. Сантьяго в марте 2017 г., в ходе которой была подтверждена взаимная заинтересованность сторон в установлении более тесных двусторонних контактов на основе разработки и подписания меморандума о взаимопонимании. Как результат, 6 ноября 2018 г. между Евразийской экономической комиссией и Экономической комиссией ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна был заключен Меморандум о взаимопонимании[37], который по своему содержанию в определенной степени отличается от тех, которые уже были заключены Комиссией с ЕЭК ООН и ЭСКАТО. В частности, число конкретно определенных направлений сотрудничества, по которым стороны в рамках своей компетенции намерены осуществлять взаимодействие, сокращено до пяти (совместное сотрудничество в области устойчивого развития, региональной интеграции, макроэкономики, региональной и внутрирегиональной торговли, развития рынка трудовых ресурсов на региональном уровне), при этом направления сотрудничества и конкретные формы его реализации не получили четкого разграничения в данном акте. Отметим, что на настоящий момент в рамках реализации положений Меморандума о взаимопонимании было проведено лишь одно совместное мероприятие высокого уровня со странами и интеграционными объединениями Латинской Америки и Карибского бассейна – форум «Евразийский экономический союз, государства Латинской Америки и Карибского бассейна: сотрудничество в целях региональной интеграции», по результатам которого сторонами были согласованы перспективные направления укрепления экспортно-импортных и инвестиционных связей ЕАЭС со странами Латинской Америки и Карибского бассейна[38]. Очевидно, что хотя потенциал сотрудничества как

[36] Экономическая и социальная комиссия Организации Объединенных Наций для Латинской Америки и Карибского бассейна была учреждена резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 106 (VI) от 25 февраля 1948 г. Сегодня ЭКЛАК, в составе 33 государств Латинской Америки и Карибского бассейна, 11 азиатских, европейских и североамериканских стран, имеющих исторические, экономические и культурные связи с этим регионом, и 14 ассоциированных членов, ответственна за формулировку и разработку координированной политики в качестве основы для практических мероприятий, направленных на содействие экономическому развитию стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Более подробно об ЭКЛАК см.: U.N. Economic and Social Council: Report of the *ad hoc* Commission on the proposal for Economic Commission for Latin America. March 5, 1948. URL: https://digitallibrary.un.org/record/212029/files/E_RES_106%28VI%29-EN.pdf (accessed 17.03.2020); U.N. Economic and Social Council: Composition, terms of reference and programme of work for of the Economic Commission for Latin America. July 27, 1984. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=E/RES/1984/67 (accessed 17.03.2020); U.N. Commission for Latin America and the Caribbean: Terms of reference and rules of procedure of the Commission. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/37200/S1420732_en.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 17.03.2020); U.N. Commission for Latin America and the Caribbean. Official web-site. URL: https://www.cepal.org/en (accessed 17.03.2020).

[37] Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Экономической комиссией ООН для Латинской Америки и Карибского бассейн от 06 ноября 2018 г. Доступ: https://www.alta.ru/tamdoc/18bn0088/ (дата обращения: 17.03.2020).

[38] Более подробно о результатах проведения форума см.: ЕЭК развивает сотрудничество со странами Латинской Америки и Карибского бассейна. – *Евразийская экономическая комиссия. Новости и события*. 03.10.2019. Доступ: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/03-10-2019-1.aspx (дата обращения: 17.03.2020).

на институциональном уровне, так и в рамках бизнес-проектов между ЕЭК и ЭКЛАК является достаточно высоким, актуальной на настоящий момент является дальнейшая интенсификация взаимодействия между уполномоченными органами интеграционных объединений, институтами развития, научным и бизнес-сообществом регионов ЕАЭС и Латинской Америки и Карибского бассейна.

Что касается международного сотрудничества ЕЭК с Экономической комиссией ООН для Африки и Экономической и социальной комиссией ООН для Западной Азии, отметим, что на настоящий момент между Евразийской экономической комиссией и данными двумя региональными комиссиями ООН отсутствует системное международно-правовое взаимодействие по вопросам регионального и межрегионального экономического развития.

8. Роль Российской Федерации в реализации направлений международного сотрудничества ЕАЭС

Важно отметить, что Россия имеет ключевые внешнеполитические и внешнеэкономические интересы в сфере развития международного сотрудничества Евразийского экономического союза, поскольку усиление интеграционных процессов в Евразии, с российской точки зрения, будет способствовать развитию и формированию региона, привлекательного для других экономических игроков, и станет важным инструментом роста и повышения уровня его социально-экономического развития [Алексеенкова и др. 2017:31–32]. Данная позиция также находит свое подтверждение в положениях Концепции внешней политики Российской Федераци[39], указах Президента Российской Федерации[40], Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года[41]. Практическая реализация поставленных Россией в данной сфере задач и целей, обозначенных также президентом РФ в обращении к главам государств – членов ЕАЭС[42], проводилась в контексте ее председательства с 1 января 2018 г. в органах Евразийского экономического союза: Высшем Евразийском экономическом совете, Евразийском межправительственном совете и Совете Евразийской экономической комиссии. Одним из приоритетных направлений России за указанный период стало поддержание тесного и взаимовыгодного сотрудничества ЕАЭС с другими государствами и интеграционными объединениями. В отношении активизации Россией сотрудничества Союза с международными организациями и повышения уровня их взаимовыгодной кооперации отметим, что помимо проведения рассмотренных нами выше мероприятий наиболее весомым достижением в данной сфере стало принятие главами государств Союза 6 декабря 2018 г. Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза[43]. Для целей всестороннего развития отношений ЕАЭС с внешними партнерами как одной из ключевых составляющих успешного функционирования Союза государства-участники закрепили в данном акте свое намерение вывести ЕАЭС на уровень одного из наиболее значимых центров развития современного мира, открытого для взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с внешними партнерами и выстраивания новых форматов взаимодействия, в том числе путем активизации сотрудничества с региональными интеграционными объединениями и международными организациями, включая ООН и ее органы. Несмотря на тот факт, что на настоящий момент все еще продолжается работа над проектом Стратегических направлений развития евразий-

[39] Указ Президента РФ от 03 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207990/ (дата обращения: 07.03.2020).

[40] Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Доступ: http://kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 17.03.2020).

[41] «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года». Доступ: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/55159.html/ (дата обращения: 17.03.2020).

[42] Обращение Председателя Высшего Евразийского экономического совета, Президента России Владимира Путина к главам государств – членов Евразийского экономического союза. – *Евразийская экономическая комиссия. Новости и события.* 18.01.2018. Доступ: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/18-01-2018-2.aspx (дата обращения: 17.03.2020).

[43] Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС от 6 декабря 2018 г. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018 (дата обращения: 17.03.2020).

ской экономической интеграции до 2025 года[44], в котором и надлежит определить конкретные механизмы и мероприятия по реализации положений Декларации, тем не менее нельзя не отметить поступательное и успешное развитие Союза на международной арене, включая углубление его сотрудничества с организациями системы ООН, и, как результат, возрастающую заинтересованность целого ряда государств в налаживании сотрудничества с ЕАЭС, что во многом было создано и обеспечено участием Российской Федерации.

9. Заключение

За несколько лет, предшествовавших учреждению Евразийского экономического союза, и пятилетний период его успешного функционирования, очевидным стало постепенное и системное проявление взаимного интереса в развитии международно-правового сотрудничества между ЕАЭС и организациями системы ООН, в частности региональными комиссиями ЭКОСОС. Хотя с комиссиями для Африки и для Западной Азии Союзу еще только предстоит изучить возможности формализации и развития двустороннего взаимодействия с целью обмена опытом и передовой практикой в сфере эффективного развития интеграционных процессов, в то же время с ЕЭК ООН, ЭСКАТО и в некоторой степени ЭКЛАК взаимодействие по вопросам нормативного регулирования на региональном и межрегиональном уровне ряда ключевых сфер экономики и формирования среднесрочной и долгосрочной совместных повесток, как мы убедились, является достаточно эффективным, что дает авторам настоящей статьи основания предвосхитить возможный переход в положениях «Основных направлений международной деятельности ЕАЭС на 2021 год» данных партнеров из категории потенциальных в категорию тех, с кем подлежит осуществлять дальнейшее развитие уже созданных механизмов сотрудничества и наращивание динамики двусторонних диалогов.

Список литературы

1. Алексеенкова Е.С. [и др.] 2017. *ЕАЭС к 2025 г.: приоритеты и ожидания государств-членов.* М.: НП РСМД. 92 с.
2. Ануфриева Л.П. 2016. ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении. – *Московский журнал международного права.* № 4. С. 48-62. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-4-48-62
3. Бекяшев К.А. 2014. ЕАЭС: международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение?. – *Евразийский юридический журнал.* № 11. С. 14-16.
4. Горелик А.С. 2015. Глобальный кооператив. – *Международная жизнь.* № 10. С. 23-33.
5. *Интеграционное право в современном мире. Сравнительно-правовое исследование: монография.* 2015. Под ред. С.Ю. Кашкина. М.: Проспект. 416 с.
6. Капустин А. Я. 2015. Право Евразийского экономического Союза: международно-правовой дискурс – *Журнал российского права.* № 11. С. 59-69.
7. Капустин А.Я. 2010. *Международные организации в глобализирующемся мире: Монография.* М.: РУДН. С. 152-165.
8. Мешкова Т.А. [и др.]. 2019. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества. – *Вестник РУДН. Серия: Политология.* Т. 21. № 1. С. 7-33. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-7-33
9. Морозов Г.И. 1974. *Международные организации: некоторые вопросы теории.* М.: Мысль. 332 с.
10. Федоров В.Н. 2005. *Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке.* М.: «Логос». 812 с.
11. Bowett D. 1982. *The law of International Institutions.* 4th ed.London: Stevens. 413 p.
12. De Micco P. 2015. *When Choosing Means Losing: The Eastern Partners, the EU, and the Eurasian Economic Union.* Brussels: Directorate-General for External Policies of the Union (European Parliament). 74 p.
13. *International Law.* 2nd ed. Ed. by M.D. Evans. 2006. Oxford: Oxford University Press. 833 p.
14. Rama-Montaldo M. 1970. International legal personality and implied powers of international organizations. – *British Year Book of International Law.* P. 111-155.
15. Reinisch A. 2000. *International Organizations before National Courts.* Cambridge: Cambridge University Press. 520 p.
16. Russell M. 2017. *Eurasian Economic Union: The Rocky Road to Integration.* Brussels: European Parliamentary Research Service and Directorate General for External Policies. 15 p.
17. Seyersted F. 1964. International Personality of Intergovernmental Organizations: Does Their Capacity Really Depend Upon Their Constitution. – *Indian Journal of International Law.* P. 1-74.

[44] Распоряжение Совета ЕЭК от 18 января 2019 г. № 3 «О рабочей группе по подготовке документа, определяющего стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». Доступ: https://www.alta.ru/tamdoc/19s00003/ (дата обращения: 07.03.2020); Распоряжение Высшего совета ЕАЭС от 20 декабря 2019 г. № 9 «О ходе работы над проектом Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». Доступ: https://www.alta.ru/tamdoc/19rv0009/ (дата обращения: 17.03.2020).

18. Shaw M. 2017. *International Law.* 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1033 p.
19. *Unity and Diversity in Development Ideas. Perspectives from the UN Regional Commissions.* Ed. by Y. Berthelot. 2004. Bloomington, Indiana: Indiana University Press. 274 p.

References

1. Alekseenkova E.S. [et al.]. *EAES k 2025 g.: prioritety i ozhidaniya gosudarstv-chlenov* [EAEU by 2025: Member States Priorities and Expectations]. Moscow: NP RSMD Publ. 2017. 92 p. (In Russ.)
2. Anufrieva L.P. EAES i "pravo EAES" v mezhdunarodno-pravovom izmerenii [Eurasian Economic Union and «the Law of the Eurasian Economic Union» as per International Law Dimension]. – *Moscow Journal of International Law.* 2016. No. 4. P. 48-62. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-4-48-62
3. Bekyashev K.A. EAES: mezhdunarodnaya (mezhgosudarstvennaya) organizatsiya ili mezhdunarodnoe (mezhgosudarstvennoe) integratsionnoe ob"edinenie? [EAEU: international (interstate) organization or international (interstate) integration union?]. – *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal.* 2014. No. 11. P.14-16. (In Russ.)
4. Bowett D. *The law of International Institutions.* 4th ed. London: Stevens. 1982. 413 p.
5. De Micco P. *When Choosing Means Losing: The Eastern Partners, the EU, and the Eurasian Economic Union.* Brussels: Directorate-General for External Policies of the Union (European Parliament). 2015. 74 p.
6. Fedorov V.N. *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii, drugie mezhdunarodnye organizatsii i ikh rol' v XXI veke* [United Nations, other international organizations and their role in the 21st century]. Moscow: "Logos" Publ. 2005. 812 p. (In Russ.)
7. Gorelik A.S. Global'nyi kooperativ [Global Cooperative]. – *Mezhdunarodnaya zhizn'.* 2015. No. 10. P. 23-33. (In Russ.)
8. *Integratsionnoe pravo v sovremennom mire. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie: monografiya.* Pod red. S.Yu. Kashkina [Integration law in the modern world. Comparative legal research: a monograph. Ed. by S.Yu. Kashkin]. Moscow: Prospekt Publ. 2015. 416 p. (In Russ.)
9. *International Law.* Ed. By M.D. Evans. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 2006. 833 p.
10. Kapustin A.Ya. *Mezhdunarodnye organizatsii v globaliziruyushchemsya mire: Monografiya* [International Organizations in a Globalizing World: Monograph]. Moscow: RUDN Publ. 2010. P. 152-165. (In Russ.)
11. Kapustin A.Ya. Pravo Evraziiskogo ekonomicheskogo Soyuza: mezhdunarodno-pravovoi diskurs [The Law of Eurasian Economic Union: International Legal Discourse]. – *Journal of Russian Law.* 2015. No. 11. P. 59-69. (In Russ.)
12. Meshkova T.A. [et al.]. EAES v menyayushchemsya geopoliticheckom kontekste: prioritety mezhdunarodnogo sotrudnichestva [The EAEU in a Changing Geopolitical Context: Priorities for International Cooperation]. – *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya.* 2019. Vol. 21. No. 1. P. 7-33. (in Russ.) DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-7-33
13. Morozov G.I. *Mezhdunarodnye organizatsii: nekotorye voprosy teorii* [International organizations: some issues of the theory]. Moscow: Mysl' Publ. 1974. 332 p. (In Russ.)
14. Rama-Montaldo M. International legal personality and implied powers of international organizations. – *British Year Book of International Law.* 1970. P. 111-155.
15. Reinisch A. *International Organizations before National Courts.* Cambridge: Cambridge University Press. 2000. 520 p.
16. Russell M. *Eurasian Economic Union: The Rocky Road to Integration.* Brussels: European Parliamentary Research Service and Directorate General for External Policies. 2017. 15 p.
17. Seyersted F. International Personality of Intergovernmental Organizations: Does Their Capacity Really Depend Upon Their Constitution. – *Indian Journal of International Law.* 1964. P. 1-74.
18. Shaw M. 2017. *International Law.* 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1033 p.
19. *Unity and Diversity in Development Ideas. Perspectives from the UN Regional Commissions.* Ed. by Y. Berthelot. Bloomington, Indiana: Indiana University Press. 2004. 274 p.

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Иванов,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1231-6072

Мария Михайловна Левина,
выпускница магистерской программы «Международное экономическое право», Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

About the Authors

Dmitry V. Ivanov,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1231-6072

Mariia M. Levina,
graduate of the Master's program "International Economic Law", Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

marylevis95@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6133-9513

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

marylevis95@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6133-9513

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-40-52

следовательская статья
Поступила в редакцию: 10.02.2020
Принята к публикации: 14.04.2020

Владимир Николаевич КОВАЛЬ
Севастопольский государственный университет
Университетская ул., д. 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация
v.n.koval@sevsu.ru
ORCID: 0000-0003-1255-920

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛОЦМАНОВ И ЛОЦМАНСКИХ ОБЩЕСТВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

ВВЕДЕНИЕ. *Статья посвящена анализу содержания основных законодательных актов, регулирующих деятельность лоцманов и лоцманских обществ в дореволюционной России. Актуальность исследования обеспечена недостаточной изученностью в отечественной науке специфики правового регулирования деятельности лоцманской службы в Российском государстве в дореволюционный период.*
МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Главными источниками исследования явились нормативные документы, прежде всего законодательные акты общегосударственного значения, посвященные торговому мореплаванию и опубликованные в Полном собрании законов Российской империи и Своде законов Российской империи, которыми были урегулированы вопросы финансового обеспечения и социального положения лоцманов в Российской империи, их ответственности. Методологию составили принципы, применяемые в юридических исследованиях, а также общенаучные и специальные методы правовых исследований (сравнительно-правовой, системный, формально-юридический методы, историко-юридический анализ).*
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Изучен отечественный опыт нормативной регламентации лоцманского дела, а именно рассмотрены Морской регламент 1722 г., Положение о морских лоцманах 1890 г., Устав Общества Санкт-Петербургских лоцманов 1896 г. и иные правовые акты данного периода. Установлена специфика правового регулирования лоцманской службы в дореволюционной России.*
ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Отмечено, что регламентация лоцманских обществ как одного из профессиональных союзов осуществлялась под контролем государства. Констатируется, что законодательство Российской империи, определяющее статус лоцмана в период XVIII – конца XIX в., было, по сравнению с законодательством европейских государств, вторичным и во многом отстающим от последнего. Акцентируется внимание на том, как с развитием законодательства изменялись структурная организация лоцманской службы, ее правовое положение.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *лоцманство, правовое регулирование, Российская империя, указ, организационно-правовые формы лоцманского обеспечения в России*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Коваль В.Н. 2020. Регламентация деятельности лоцманов и лоцманских обществ в дореволюционной России. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 40–52. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-40-52

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

HISTORY OF INTERNATIONAL LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-40-52

Research article
Received 10 February 2020
Approved 14 April 2020

Vladimir N. KOVAL
Sevastopol State University
33, ul. Universitetskaya, Sevastopol, Russian Federation, 299053
v.n.koval@sevsu.ru
ORCID: 0000-0003-1255-920X

REGULATION OF THE ACTIVITIES OF PILOTS AND PILOT SOCIETIES IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

INTRODUCTION. *The article analyzes the content of the main legislative acts regulating the activities of pilots and pilot societies in pre-revolutionary Russia. The relevance of the research is provided by the lack of knowledge in domestic science of the specifics of legal regulation of the pilot service in the Russian state in the pre-revolutionary period.*
MATERIALS AND METHODS. *The main sources of the research were normative documents, first of all, legislative acts of national significance, dedicated to commercial navigation and published in The Complete Collection of Laws of the Russian Empire and Code of Laws of the Russian Empire, which regulated the issues of financial security and social status of pilots in the Russian Empire, their responsibility. The methodology consists of the principles used in legal research, as well as general scientific and special methods of legal research (comparative legal, system, formal legal methods, historical and legal analysis).*
RESEARCH RESULTS. *The Russian experience of regulatory regulation of pilotage is studied: The Maritime Regulations of 1722, the Regulations on Sea Pilots of 1890, the Charter of the Society of Saint Petersburg Pilots of 1896 and other legal acts of this period are considered. The specifics of legal regulation of the pilot service in pre-revolutionary Russia are established.*
DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *It is noted that the regulation of pilot companies as one of the trade unions was carried out under the control of the state. It is stated that the legislation of the Russian Empire, which determines the status of a pilot in the period of the XVIII–XIX century, was, in comparison with the legislation of European States, secondary and in many respects lagging behind the latter. The author focuses on how the structural organization of the pilot service and its legal status changed with the development of legislation.*

KEYWORDS: *pilotage, legal regulation, Russian Empire, decree, organizational and legal forms of pilotage in Russia*

FOR CITATION: Koval V.N. Regulation of the Activities of Pilots and Pilot Societies in Pre-revolutionary Russia. – *Moscow Journal of International Law.* 2020. No. 2. P. 40–52. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-40-52

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Лоцманское дело в России – «возжевой» промысел – известно с древних времен. Лоцманы (провожатые) упоминаются в текстах договоров новгородцев с Ганзейским торговым союзом в XII–XIII вв., а непосредственно санкционировано занятие лоцманским промыслом в Российском государстве с XVII в. (на это указывает содержание грамоты царя Алексея Михайловича 1653 г.). «Корабельные вожи», «морские провожатые» неоднократно упоминаются в личных письмах, списках и указаниях Петра I о порядке организации лоцманской службы в балтийских портах, создании особой лоцманской команды в Петербурге.

В XVII – начале XVIII в. лоцманская проводка становится обязательной во многих крупных портах, и национальное законодательство о лоцманской деятельности в России начинает обретать характерные черты. Этому способствовал стремительный рост значения лоцманской деятельности, связанный с реформами Петра I. В период освоения Балтики и Белого моря термин «лоцман» был весьма распространенным среди русских мореходов. Лоцманская профессия – важнейшая для России, как одной ведущих морских держав, – с XVIII в. стала во многом определять место и роль России в глобальных и региональных международных отношениях.

Впрочем, до настоящего времени ощущается недостаток комплексных работ, посвященных процессу становления и развития правовой базы лоцманской деятельности на территории России. К рассмотрению отдельных аспектов истории регламентации лоцманской деятельности в своих трудах обращались такие ученые, как Г.В. Иванов, А.В. Зуев, Л.Б. Красавцев и др. [Красавцев 2006:206][1]. Особенности лоцманской деятельности на территории юга Российской империи и ход эволюции законодательства, регулирующего деятельность лоцманов в регионе Черного и Азовского морей в 1926–1930-х гг. анализировала А.П. Никитина [Никитина 2018:112]. Изучению правового регулирования деятельности лоцманской службы в 20-е годы XX в. в СССР посвящены работы А.Н. Шармоянца [Шармоянц 2018:100] и др. Однако вопросы определения статуса лоцманов в дореволюционной России остаются практически не освещенными; до настоящего времени крайне мало исследованной остается такая профессия, как лоцман, в то время как позитивный опыт нормативного регулирования лоцманской деятельности может представлять большой интерес в современности.

Исходя из того, что недостаточно изученной остается специфика правового регулирования деятельности лоцманской службы в Российском государстве в дореволюционный период, главными источниками исследования стали нормативные документы, прежде всего законодательные акты общегосударственного значения, посвященные торговому мореплаванию и опубликованные в Полном собрании законов Российской империи и Своде законов Российской империи, которыми были урегулированы вопросы финансового обеспечения и социального положения лоцманов в Российской империи, их ответственности.

Методологию исследования составляют принципы, применяемыми в юридических исследованиях: принцип объективности, предполагающий всесторонний анализ и оценку юридических фактов, исходя из чего каждое правовое явление рассматривается в его многогранности и противоречивости; принцип системности, учитывающий многообразные факторы; принцип историзма, позволяющий рассмотреть исторические процессы и правовые события в соответствии с конкретной исторической обстановкой. Использованы как общенаучные, так и специальные методы правовых исследований (сравнительно-правовой, системный, формально-юридический методы). Главную роль в исследовании играл историко-юридический анализ, при помощи которого рассматривались изменения в законодательстве, особенности его реализации (правоприменения) в особых, местных условиях.

2. Исследование

Длительное время лоцманский промысел регулировался морскими обычаями при недостаточности его законодательного регулирования в разных странах. Рост реальной угрозы безопасности мореплавания в XVI–XVII вв. под-

[1] См. также: Иванов Г.В. Особенности правового регулирования лоцманской проводки судов как договора оказания возмездных услуг. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М. 2006; Зуев А.В. Капитаны морских торговых судов Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.): подготовка, статус, повседневность. Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб. 2010.

нял значение лоцманского промысла во всех прибрежных государствах. В результате были установлены районы лоцманских проводок, урегулированы их отдельные виды, порядок лицензирования лоцманской деятельности. Государственный контроль за подготовкой лоцманов устанавливался Адмиралтейским эдиктом 1584 г. во Франции, правилами Тринитиха Хауза Самуила Пекуса в Англии. Ответственность лоцманов за незнание условий плавания в районе проводки и обязанность возместить все полученные суммы от капитана судна, а также выплатить половину обещанного ему дохода была установлена в Морском кодексе Фредерика II, короля Дании 1561 г., Статуте свободного города Гамбурга 1613 г., Морском кодексе шведского короля Карла XI 1667 г.

В России в XVII в. в зависимости от вида промысла, время и места его проведения, близости или удаленности от рынков сбыта и т.д. артели, связанные с производством водных промыслов, имели различную организацию, разные названия и свои тайные знания [Белобородова 2014:163]. Лоцманская служба, построенная на артельных началах, в форме цехов, представляла собой достаточно закрытую корпорацию, а лоцманское дело передавалось, как правило, по наследству. От отца к сыну переходило лоцманское мастерство: лоцманы хранили свои секреты, наследуя лоции – специальные тетради, в которые записывались полученные опытным путем знания, тонкости системы проводки судов.

Подобные союзы и общества, главной функцией которых было регулирование лоцманского промысла, существовали в Англии (например, Братство лоцманов при церковном приходе святого Климентия, устав которого был подписан королем Яковом I, лоцманские управления Лейта, Лондона, Пяти портов, Ньюкастля) и других государствах Европы (например, Общество лоцманов Гданьска, устав которого был утвержден Советом города 15 марта 1668 г.). Лоцманские общества корпоративного типа существовали во Франции и в Германии.

Первым опытом законодательного регулирования артельной деятельности в России стал Устав цехов, утвержденный Павлом I 12 ноября 1799 г., предусматривающий цеха трех видов: рабочие, ремесленные и служебные, в частности «те, кои промысел свой на открытом воздухе отправляют»[2]. Устав учредил учет состава артелей, ограничил ротацию артельщиков и конкуренцию между артелями, описывал порядок отправления ими работ.

После отмены в 1802 г. павловского указа законодательное регулирование в этой сфере стало носить спорадический характер: «К концу XIX — началу XX в. нормы о трудовых артелях оказались разбросанными по всему Своду Законов Российской империи и совершенно не согласованными между собой»[3]. На этом этапе уникальность лоцманского промысла обеспечивала его представителям возможность существования как замкнутой, привилегированной корпорации.

Государственное регулирование выгодной лоцманской профессии на начальном этапе оформления было обусловлено ее коммерциализацией; право на занятие лоцманской деятельностью давалось с торгов на откуп, что негативно отражалось на ее качестве и безопасности плавания и привело к постепенному переподчинению лоцманов таможне (например, в первой и старейшей в России Архангельской лоцманской службе, формировавшейся на начальных этапах в форме артелей «корабельных вожей»). В начале XVIII в. риски, связанные с различающейся год от года выручкой от проводки судов, число которых колебалось, несла артель, причем откуп рос каждый год.

Перед лоцманской корпорацией в первые годы XVIII в. была поставлена задача обеспечения непрерывных торговых контактов России с Европой через Архангельск, что включало перевозку товаров стратегического назначения и сбор торговых пошлин. Среди всех видов деятельности портовые артели в большей степени подверглись государственной регламентации, в том числе лоцманские, что было обусловлено исключительным экономическим значением севернорусской торговли, в первую очередь хлебной, с заграницей [Белобородова 2014:168]. Российские исследователи отмечают, что эволюция характера управления лоцманскими артелями была тесно связана с изменением политики государства в отношении водных ресурсов: начиная с XVIII в.

[2] Устав цехов от 12 ноября 1799 г. – *Полное собрание законов Российской империи.* Собрание второе. Т. XXV: 1798–1799. СПб. 1830. С. 865.

[3] Белоновская А.М. Становление и развитие артельной формы собственности и организации труда в России: вторая половина XIX – начало XX в.: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: РГГУ. 2010. С. 8.

в связи с развитием торгового судоходства империи свободное до того пользование водами стало рассматриваться как сфера преимущественно государственных интересов, что поставило на повестку дня вопрос о безопасном, в первую очередь прибрежном, плавании [Белобородова 2014:168].

С этого периода в России лоцманы стали входить в составы лоцманской государственной организации, на которую была возложена обязанность безопасной проводки судов в сложных районах, где необходимо точное знание местных условий плавания. Последующее нормативное регулирование деятельности лоцманов упрочило положение лоцманской службы как разновидности государственной. Лоцманы были подчинены губернской власти, и их начали называть «коронными».

Более раннее развитие законодательства, регулирующего лоцманский промысел, в странах Европы, чем в России, повлияло на изменение структурной организации лоцманской службы и рост функций лоцмана на борту судна. Лоцманская служба стала государственной, и была установлена государственная монополия на право ее осуществления в Бельгии, Норвегии, Швеции. Во Франции в XVII в. капитаны исполняли функции лоцманов открытого моря, в связи с чем должны были обладать специальными знаниями по судовождению (обучение проводилось в специальных гидрографических школах). В одном из важнейших очагов французской навигационной науки – старинном порте Дьепе – сформировалась знаменитая школа картографии, в которой с 1655 г. бесплатно преподавался курс навигации; Ж.-Б. Кольбером была основана бесплатная государственная школа со штатом 200 учеников для всех лоцманов Королевства Франции [Vergé-Franceschi 1991:153–155]. В 1696 г. лоцманская проводка стала обязательной в Финляндии, где по указу короля Карла XI была сформирована шведско-финляндская школа, которая находилась в подчинении коллегии Адмиралтейства. В 1738 г. в Финляндии было установлено правило об обязанности для судов глубиной не менее 5 футов использовать лоцманов в шведских и финских водах, однако через год оно было аннулировано. В течение нескольких следующих лет эта обязанность то восстанавливалась, то отменялась (за исключением национальных торговых судов глубиной 5 футов или более, которые были обязаны оплачивать лоцманский сбор в четверть платы за лоцманскую проводку) [Бразовская 2018:16].

Нормативный порядок деятельности лоцманов в России стал формироваться на основе сложившихся и действовавших к тому времени западноевропейских традиций. В 1709 г. была образована Лоцманская служба Санкт-Петербурга, а Лоцманское общество было подчинено Адмиралтейству по примеру Бельгии, Норвегии, Швеции, которые рассматривали лоцманскую службу как государственную и установили монополию на право ее осуществления. В 1710 г. в России была издана инструкция, устанавливающая требования к лоцманскому делу, права и обязанности лоцманов, их подчиненность, регулирование института лоцманских старост.

Такая практика была обычной и для стран Европы, где, как правило, были четко установлены функциональные обязанности лоцманов и критерии, предъявляемые к уровню их знаний. Лоцманы обязаны были знать особенности плавания в районе лоцманской проводки, необходимые для проводки конкретных типов проводимых судов, и быть способными на достаточном уровне оказывать навигационную помощь капитану судна. Требования к наличию опыта и прохождению определенных испытаний к лоцманам стали предъявляться в XVI–XVII вв. во Франции, в Англии и иных европейских державах (согласно требованиям французского Адмиралтейского эдикта 1584 г., британской лоцманской и лоцмейстерской корпорации Тринитиха Хауза Самуила Пекуса, датского Морского кодекса Фредерика II 1561 г. и т.д.).

Морской устав, принятый в России в 1722 г. и получивший название «Книга – Устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море», был составлен на основе одного из первых по времени подобных документов – русского Морского устава 1698 г., представляющего собой заимствования из голландского и датского уставов, а также на базе переводов на русский язык английского, французского, шведского уставов. Нормы Устава определяли права и обязанности всех служащих на флоте, порядок их взаимодействия и систему наказаний за совершение соответствующих преступлений.

Морской регламент, изданный в этом же году, содержал указание «иметь довольное число лоцманов во всех российских пристанях в Синус Финикус [Финский залив. – *В.К.*], где [и] сколько пристойно, для провожания кораблей и ставления баканов». Морским регламентом 1722 г. были введены правила взаимоотношений между лоцманами, «судовщиками», «корабельщиками»:

в нем содержалась рекомендация «судовщикам» и «корабельщикам» пользоваться услугами «присяжных лоцманов». Данные нормы упорядочили отношения, в которых участвовали «присяжные лоцманы», то есть «знающие ход весенней, летней и осенней воды, пороги явные или потаенные, карчи, или камни, или мели, по коим им вести корабль или судно». Одновременно для лоцманов были установлены определенные льготы, например, они освобождались от рекрутской повинности. Таким образом, в начале XVIII в. государство систематизировало регулирование лоцманского дела, оставляя лоцманам определенную долю самостоятельности, например право иметь лоцманские селения, которые хотя и не были выделены в отдельную волость, однако имели свой «лоцманский стан»[4].

Подобные особые привилегии были предоставлены позднее греческим селениям в городах Керчи и Ениколе, основанных жителями, реализующими лоцманскую деятельность, на основании Указа графа Орлова от 28 марта 1875 г. «О дозволении служившим во флоте под предводительством его грекам поселиться в городах Керчи и Ениколе с предоставлением им особых выгод», закрепившим право греческого населения иметь суда[5].

Получение Россией доступа к Балтийскому, Каспийскому и Черному морям вызвало необходимость дальнейшей систематизации и совершенствования правовых норм, касающихся лоцманской деятельности. Усиление командно-административных начал в организации отдельных видов хозяйственной деятельности периода абсолютизма также не могло не оказать влияние на лоцманское дело. Приоритетность обеспечения государственных интересов привела к законодательному оформлению отдельных предпринимательских практик и отраслей, таких как морское торговое и таможенное право, формированию регламентации их основных институтов.

Расширение сферы государственного регулирования лоцманской деятельности, в частности отдельных портовых лоцманских артелей, в России произошло во второй половине XVIII в. и было связано с динамичным развитием российского торгового судоходства и определением безопасности прибрежного плавания как сферы государственных интересов. В Положении о лоцманах 1781 г., которое было включено в Устав путей сообщения, лоцманами назывались «водоходцы, нанимающиеся для безопасного провождения судна до известного места». Требования к этому виду деятельности предусматривали получение свидетельства на право осуществления лоцманства: «портовые или прибережные проводники или лоцманы», как их называли в то время, действовали на основании выданных им свидетельств, подобных тем, которые получали ямщики. Их представители данного промысла должны были предъявлять при прибытии на судно, за которое они несли ответственность «до тех пор, пока корабль или судно не станет в безопасном месте на рейд, или в порт, или к пристани» .

В области навигации лоцманы были независимыми, однако формально они были подчинены капитану (шкиперу). Лоцманская проводка судна осуществлялась на основании заключенного в письменной форме договора; предусматривалась гражданско-правовая ответственность лоцмана за небрежность в период проводки, а также ответственность общества, в котором состоял конкретный провинившийся лоцман. Основанием освобождения от ответственности мог служить факт отказа капитана следовать указаниям лоцмана. Специальными правилами определялись обязанности лоцманов в случае их вызова на аварийное судно.

Основными законодательными актами, регулировавшими лоцманскую деятельность в этот период, являлись Инструкция 1710 г., Положение о лоцманах и Закон «О лоцманах и проводниках» 1781 г. Была создана законодательная база лоцманского промысла, которая определила права и обязанности лоцманов, порядок расстановки навигационных знаков, правила их подчинен-

[4] Общество Архангельских портовых лоцманов. – *Справочная и памятная книжка Архангельской губернии на 1875 г. и статистическое описание сельского населения и его промышленности в Архангельской губернии.* Архангельск: Губернская тип. И.В. Черепанова. 1874. С. 96.

[5] См.: Указ от 28 марта 1875 г. «О дозволении служившим во флоте под предводительством его грекам поселиться в городах Керчи и Ениколе с предоставлением им особых выгод». – *Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года.* Т. XX: 1775–1780. СПб. 1830. С. 101–104.

[6] Положение о лоцманах 1781 г. – *Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года.* Т. XXI: 1781–1783. СПб. 1830. С. 164–165.

ности старшему лоцману (старосте артели)[7]. Ответственность лоцманов за повреждение судна и его груза во время нахождения корабля под их руководством устанавливалась Уставом купеческого водоходства от 23 ноября 1781 г. (п. 296 гл. 13 «О крушении или гибели, о награде спасения и о лоцманах»)[8].

В XVIII – начале XIX в. лоцманская служба была подчинена капитанам (командирам) над морскими портами и фактически приравнивалась к правовому положению морских команд. Отличалась регламентация статуса «дальнеморских лоцманов», задачи которых приравнивались к выполнению функций капитана по проводке судна в открытом море.

Были утверждены положения, согласно которым лоцманы приводились к обязательной присяге, были пожалованы форменными кафтанами, а за преступления, связанные со службой, осуждались военным судом. Таким образом, в этот период лоцманская служба рассматривалась как разновидность государственной службы. Так, Общество архангельских портовых лоцманов, которое до начала XIX в. было в ведении губернской канцелярии и пользовалось правом на абсолютное самоуправление, в 1816 г. было подчинено лоц-капитану. Этому должностному лицу было вменено в обязанность «неусыпно наблюдать за лоцманами» с целью упорядочения лоцманской деятельности и увеличения их дисциплинированности [Исаев 1881:62].

Параллельно продолжилось формирование системы наказаний за проступки в лоцманской деятельности и правил их взаимоотношений с шкиперами. Например, Указом от 29 октября 1810 г. устанавливалась ответственность лоцмана в виде телесных наказаний (40 ударов палками) за неявку на работу (п. 34, 77); налагался временный или постоянный запрет провожать суда за неумышленное или умышленное повреждение судна, и т.д.[9]

Необходимо указать, что в странах Европы издавна были установлены жестокие виды наказаний, как, например, зафиксированные в Свитках Олерона – одном из основных морских законов Западной Европы в XIII–XIV вв., включенных в государственные законодательные системы. Его правила закрепляли «обычай моря, что если корабль потерян по вине лоцмана, матросы могут, если они хотят, отправить лоцмана на бушприт или в любое другое место и отрубить ему голову и не обязаны отвечать за это перед каким бы то ни было судьей, поскольку лоцман совершил высшую измену предпринятому им лоцманскому делу. И таков приговор» [Скаридов 2018:13–15]. С развитием законодательства, регламентирующего морскую торговлю, меры наказания становились более гуманными, такими как галеры, тюремное заключение, а позднее стали носить преимущественно административный и гражданско-правовой характер.

В практике отечественного регулирования ответственности за осуществление соответствующей деятельности без выполнения специальных условий или разрешения местных властей предусматривалось наказание в виде денежного штрафа или тюремного заключения.

Лоцманская служба, носящая государственный характер, в начале XIX в. стала формироваться в южнорусских портах, на Черном и Азовском морях, а также в районах Дальнего Востока. В 1812 и 1827 гг. были приняты положения, устанавливающие контроль Архангельской таможни за функционированием архангельской артели, в 1866–1867 гг. был утвержден Устав балластной артели Министерством внутренних дел [Ефименко 1869:184]. Лоцманы носили форму государственных служащих, и лоцманская проводка выполнялась военно-морским ведомством.

В 1856 г. при Военно-морском министерстве был создан Комитет для развития торгового флота, решения которого носили рекомендательный характер и не оказали существенного влияния на развитие морского потенциала России. Позже руководство морской деятельностью в значительной степени было передано Совету по делам торгового мореплавания, в котором в первые годы XX в. председательствовал великий князь, контр-адмирал Александр Михайлович. Под его руководством были разработаны мероприятия, направленные на развитие системы российского судоходства и портового хозяйства. Превратившись в совещательный орган, Совет по делам торгового мореплавания стал возглав-

[7] Устав путей сообщения. – *Свод законов Российской империи.* 3-е изд. Т. XII. Ч. I. СПб. 1857. С. 18–21.

[8] Устав купеческого водоходства от 23 ноября 1781 г. – *Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года.* Т. XXI: 1781–1783. СПб. 1830. С. 336.

[9] Указ от 29 октября 1810 г. – *Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года.* Т. XX: 1775–1780. СПб. 1830. С. 407.

ляться министром торговли и промышленности и включал в свой состав представителей от министерств финансов, внутренних дел, военного, морского министерств, министерств юстиции, путей сообщения, главного управления земледелия и землеустройства, а также от купечества приморских городов и пароходных компаний [10].

В начале XIX в., когда Керчь и Еникале вошли в состав Таврической губернии, началось формирование нормативно-правовой базы деятельности лоцманских обществ в этих районах. 8 ноября 1848 г. был принят Указ «Об установлении в пользу лоцманов сбора за провод через Эникольские мелководия судов», которым был установлен единообразный сбор с судовладельцев и шкиперов судов, в том числе в случае, если они не брали лоцманов: «за проход из Черного моря в Азовское и обратно 8 рублей серебром… сбор сей взимается при входе судов из Черного в Азовское море»[11].

В 1861 г. единообразные правила для деятельности лоцманов были установлены в Керченском проливе: оживление морской торговли по окончании Крымской войны подтолкнуло законодателя к принятию Указа № 37083 «О новых правилах для Еникольского лоцманского цеха». Его нормами были урегулированы деятельность лоцманских сообществ и их взаимодействие с государственными службами и учреждениями. Так, обязанность измерений глубины мелководий и фарватера в Еникольском проливе во время навигации была возложена на командира военной брандвахты, их результаты показывались системой специальных сигналов, служили для указания шкиперам о возможности пройти пролив и для решения спорных ситуаций между шкиперами и лоцманами.

Единая плата за лоцманскую проводку составляла 8 руб. с судна, вносилась шкиперами и поступала лоцманам путем раздела между ними поровну либо пропорционально их участию в работе согласно карантинным документам и квитанциям, подтвержденным подписью шкипера. Лоцманы могли на собственных судах выезжать на встречу подходящим судам, однако предусматривалось установленное количество лоцманов, которые должны были находиться в распоряжении начальника лоцманской станции.

Указ устанавливал обязанность лоцмана вести шнуровую книгу, в которую о качестве проведенной проводки делались записи шкипером и которая являлась доказательством в случае спора между шкипером и лоцманом. На лоцмана могла быть подана жалоба по процедуре, предусмотренной Указом, и лоцман мог быть привлечен к ответственности, однако и шкипер мог быть привлечен к ответственности, например, за удержание лоцмана на судне более нужного времени (штраф в размере 3 руб.). Указом также предусматривались штрафы за отказ оплачивать лоцманскую проводку или использование услуг лоцмана, не имеющего патента, которые взимались со шкиперов судна таможенными управлениями в портах Азовского моря и составляли 75 руб.

В этот период принятие в цеха лоцманов осуществлялось на основании результатов испытаний, которые проводились назначенными градоначальником флотскими офицерами (в том числе командиром лоц-судна), заведующим лоцманским цехом и депутатами от общества лоцманов. Лоцманы получали аттестат в познаниях и патент на право водить суда. Ограничивались только возраст лоцманов и их общее количество, которое не должно было превышать действительной в них потребности и могло регулироваться градоначальником.

Управление лоцманскими цехами осуществлялось особыми лицами, специалистами морского дела, – заведующими лоцманских цехов. Они утверждались градоначальниками и получали установленное содержание, а также 10% сборов лоцманов. Каждый цех выбирал старосту из лоцманского состава, его кандидатуру впоследствии должен был утверждать градоначальник. Избранные на три года лоцманские старосты исполняли обязанности держателя кассы лоцманов и вели переговоры с нанимателями и представителями власти, разрешали споры между самими лоцманами, и принятые ими «приговоры» утверждались командирами порта.

Регламентировались основания и суммы выплат пособия лоцманам, например, по общественным приговорам лоцманского цеха [Змерзлый 2014:40].

Согласно Указу лоцманские лодки выкрашивались однообразно, на нос наносился номер

[10] Зуев А.В. Указ. соч. С. 50.

[11] Указ от 8 ноября 1848 г. «Об установлении в пользу лоцманов сбора за провод через Эникольские мелководия судов». – *Полное собрание законов Российской империи.* Собрание второе. Т. XXIII. Отделение второе: 1848. – СПб. 1849. С. 23.

патента и на судне закреплялся отличительный флаг, а лоцман должен был носить форменную одежду и специальный медный знак.

Лоцман, вступающий в цех, обязан был внести в качестве обеспечения возможных взысканий и штрафов определенную сумму (или предоставить 5-процентный банковский билет, вкладной билет Государственного банка), а также должен был суметь доказать, что за счет собственных средств он способен завести лодку. Регламентировался сбор с платы, получаемой лоцманами со шкиперов за провод судов – 10%. Он использовался для оплаты общих цеховых расходов (суммы, которые причислялись к сбору, были определены мнением Госсовета, утвержденным 8 ноября 1848 г.).

Лоцман нес личную ответственность за свои действия и должен был самостоятельно компенсировать убытки, причиненные судну, за счет вступительного вклада (150 руб.). Устанавливался денежный штраф за отдельные правонарушения, связанные с правилами осуществления лоцманской деятельности (безосновательный отказ от работы, состояние опьянения при исполнении обязанностей, передача патента иному лицу и пр.). Исключение из лоцманских списков допускалось на основании общественного приговора лоцманского цеха с дозволения градоначальника.

Временные правила для Общества керчь-еникальских лоцманов были приняты 25 ноября 1888 г. Временные правила для Общества архангельских лоцманов, которые были утверждены 18 января 1886 г. и включены в общероссийский Устав путей сообщения (ст. 309–314), ввели детализацию прав и обязанностей лоцманской артели и стали регламентировать ее доходы. Данные нормы регулировали лоцманскую деятельность до конца XIX в.

Необходимо отметить, что в целом этот период был богат на появление норм, регулирующих лоцманский промысел. Так, в Англии были приняты законы о торговом судоходстве 1854 и 1894 гг. Первый общий свод правил о предотвращении столкновений судов в море был опубликован лоцманской корпорацией *Trinity House* в 1840 г. с целью систематизации и кодификации морских обычаев и правил по судовождению, а также их толкования.

На следующем этапе развития лоцманской службы в России в конце XIX — начале XX в. модернизация российской экономики и ее большая включенность в международную торговлю породили увеличение числа и разнообразия лоцманских артелей. Данный фактор вызвал необходимость разработки единого положения о морской лоцманской службе. В 1886 г. была создана особая комиссия под председательством члена Адмиралтейств-совета, генерал-лейтенанта Ф. Веселаго, разработавшая новое Положение о морских лоцманах, утвержденное 1 мая 1890 г. (далее – Положение 1890 г.)[12].

В 1890 г. были ликвидированы коронные лоцманы, а функционирование лоцманских обществ стало осуществляться на корпоративных началах, было законодательно закреплено их монопольное положение на проводку судов в определенных районах. Принятым в этом году Положением о морских лоцманах было установлено шесть лоцманских округов: Беломорский, Балтийский, Кронштадтский, Черноморский, Каспийский и Восточный. Управление лоцманской деятельностью в Российской империи должно было осуществляться Морским министерством при Главном гидрографическом управлении.

Основной организационной единицей лоцманской деятельности стало Общество лоцманов, представлявшее собой союз работников, который функционировал под строгим контролем государства и действовал на основании частных уставов, которые утверждались Морским министерством по согласованию с Министерством торговли и промышленности. Положением 1890 г. лоцманские общества были переподчинены лоцманским командирам и их помощникам, которые утверждались на должность приказами по Морскому ведомству. Возглавлялись общества лоцманов избираемыми старостами, и включали в свой состав старших лоцманов, младших лоцманов и учеников лоцманов; управление лоцманами осуществлялось начальниками торговых портов.

Лоцманскими товариществами назывались малочисленные объединения, которые не входили в состав конкретного лоцманского общества и действовали на основании письменного договора участников, утверждаемого местным губернатором или градоначальником. Они управлялись старостами.

[12] См.: Положение о морских лоцманах от 1 мая 1890 г. – *Полное собрание законов Российской империи.* Собрание третье. Т. X. Отделение первое. СПб. 1893. С. 340–345.

Лоцманские сообщества оставались самоорганизующимися, однако Положение 1890 г. усилило контроль государства над ними. Регламентации подверглись процесс зачисления в состав лоцманских обществ и товариществ и гражданская ответственность лоцманов. Порядок зачисления в лоцманские общества (товарищества) предполагал уплату взноса в аварийный фонд. К лоцманам предъявлялись жесткие требования, в частности к знанию основ судовождения, гидрологического режима участка, где им предстояло работать, иностранного языка, а также к способности ориентироваться в различных ситуациях. Была регламентирована гражданско-правовая ответственность лоцманов, которая исходила из их обязанности доскональ ного знания путей, по которым следуют судна. Согласно Положению 1890 г. устанавливалась возможность исключения из артели лоцманов за провинности судоходным начальством, а также их отстранения от должности на период разбирательства и принятия решения судом.

Положение 1890 г. впоследствии вошло в гл. 11 Устава торгового и внесло изменения в правовое положение лоцманов. Уставы Общества санкт-петербургских лоцманов и Общества николаевских и херсонских лоцманов устанавливали правовое положение лоцмана как советника капитана и закрепляли, что «присутствие лоцмана на судне не освобождает шкипера (капитана) от ответственности по управлению оным». Лоцманская проводка перестала являться обязательной, и в отдельных случаях власти устанавливали ее необходимость с целью безопасности мореплавания. Формой лоцманской деятельности в этот период оставалась артель, как наиболее естественная разновидность объединений для российской специфики экономической жизни.

Нормативное регулирование речных лоцманских артелей по некоторым аспектам отличалось от регулирования морского лоцманства, поскольку они продолжали руководствоваться обычным правом и находились под контролем местных судоходных чиновников (например, дистанционных смотрителей из путейских офицеров), утверждавших вхождение в состав артелей и переводы на старшие должности, избрание их глав (сотских), систематически проверявших их работу и наказывавших за нарушение дисциплины. Местные чиновники также контролировали обучение (от одного года до пяти лет) лоцманских учеников.

Речные артели лоцманов Европейского Севера России испытывали на себе не столько государственное, сколько ведомственное администрирование [Белобородова 2014:168].

Важнейшими фигурами в процессе осуществления речного торгового судоходства в Воронежской губернии были лоцман и капитан речного судна. Лоцманы являлись предводителями артели судорабочих [Ливенцев 2016:29]. Определяющим фактором подбора лоцманов являлся практический опыт, авторитет, включающий прохождение более низких должностей – судорабочего, хожалого и лоцманского помощника – и знание мелей на речном пути, так как специальных учебных заведений для лоцманов не существовало и наниматели специальных документов, подтверждающих их обучение, не требовали.

Речных лоцманов характеризовало отсутствие внутренней иерархии, подтвержденной документами о государственной аттестации: как правило, лоцман, ведущий головную барку, считался старшим и носил название караванного; остальные лоцманы именовались рабочими. Также отсутствовали организации, подобные цеховым, отстаивающие трудовые права лоцманов по отношению к работодателям [Ливенцев 2016:29]. Плата таким лоцманам на Днепре в середине XIX в. была установлена государством. Лоцманы вели караваны по всему речному пути. Их наем осуществлялся исходя из навыков навигации – знания мелей и фарватера рек Воронежской губернии [Ливенцев 2016:32].

Законодательное регулирование деятельности речных лоцманов в целом стало более динамичным в середине XIX в. Так, 4 января 1848 г. был принят Указ № 21851 «О назначении от каждой станицы Войска Донского лоцманов для препровождения по реке Северному Донцу пароходов и судов», согласно которому от каждой станицы по приговорам обществ предписывалось подготовить по три лоцмана из состава служащих казаков. Звание лоцмана приравнивалось к полевой и внутренней службе, однако без содержания от войска, сроком 30 лет[13].

[13] Указ от 4 января 1848 г. «О назначении от каждой станицы Войска Донского лоцманов для препровождения по реке Северному Донцу пароходов и судов» – *Полное собрание законов Российской империи.* Собрание второе. Т. XXIII. Отделение первое: 1848. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1849. С. 3.

Например, остались свидетельства, что в одном из крупнейших ареалов развития лоцманского промысла, в верховьях р. Свири (Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии), лоцманское дело (по мнению подполковника П. Меньшикова) существовало «больше по преданию и руководствуется обычным правом, а не каким-нибудь законоположением» [Меньшиков 1901:9]. Речные лоцманские артели находились под контролем чиновников округа путей сообщения — «дистанционных смотрителей из путейских офицеров», которые имели право утверждать приговоры артелей по приему или отчислению лоцманов, за плату в 200–300 руб. избирать главу артели — сотского, – штрафовать лоцманов за пьянство. Срок обучения лоцманских учеников (от года до пяти лет) и перевод их в так называемые старшие также полностью зависели от дистанционного смотрителя[14].

3. Заключение

Можно констатировать, что эволюция норм, регулирующих лоцманский промысел в России, составляет несколько этапов. Официальное зарождение лоцманской службы относится к началу XVII в. При этом на раннем этапе формирования организационно-правовой формы лоцманского обеспечения в России произошел процесс монополизации лоцманской службы и ее превращения в государственную.

На всех этапах развития Российского государства морские профессии находились под непосредственным вниманием со стороны государства. Морская деятельность контролировалась сначала Адмиралтейством, а позднее Военно-морским министерством, высшими государственными органами, руководящими этим видом деятельности в России. Централизацию и систематизацию нормативного регулирования лоцманской деятельности обусловливали ускорение процесса создания торгового флота, постепенное сосредоточение судового состава в руках крупных акционерных обществ, возрастание грузооборота русских портов и соответствующая необходимость развития береговой инфраструктуры. Этот процесс являлся этапом введения системы централизованного управления морским хозяйством в целом.

В XVIII в. начали формироваться юридические основы гражданско-правовой ответственности лоцманов за результаты их деятельности (см., например, Указ от 24 августа 1780 г. «О поступании с лоцманами за разбитие и оставление барок по указу 1720 года апреля 1»)[15].

На следующем этапе развития законодательства претерпели изменения структура лоцманской службы и правовое положение лоцмана в период проводки. К началу XIX в. в России были сформированы основы статуса лоцманов, который подразумевал их гражданскую свободу (они не были крепостными, и, согласно локальным актам, их, как правило, нельзя было принуждать заниматься чем-либо, в том числе нести общепринятые повинности). Необходимость и важность лоцманской деятельности была основанием для освобождения земель лоцманских поселений от некоторых казенных податей, а самих лоцманов – от рекрутской повинности и общепринятых взносов, платежей. Отдельными актами были установлены социальные гарантии в отношении престарелых лоцманов. Подобная практика была характерна и для европейских государств, например, на французском флоте в XVIII – начале XIX в. за службу государству на протяжении не менее шести лет моряки пользовались такими привилегиями, как свобода от воинской обязанности и небольшая пенсия после ухода со службы, а на британском флоте питание, лечение в случае получения увечья на службе осуществлялись за государственный счет (для этих целей из зарплаты лоцмана удерживались шесть пенсов в месяц). В Великом княжестве Финляндском лоцманы находились под особым покровительством закона; вознаграждение они получали в зависимости от числа проведенных судов, при этом все деньги делились поровну между лоцманами (за вычетом процентов) [Бразовская 2018:17]. Закрепление этих обычаев в государственных, административных актах имело большое значение для формирования правового статуса лоцманов, которое продолжилось в более поздних лоцманских уставах.

Можно констатировать, что законодательство Российской империи, определяющее статус лоцмана в период XVIII – конца XIX в., было, по сравнению с законодательством европейских государств, вторичным и во многом отстаю-

[14] См.: Лоцманские артели на р. Свири. – *Неделя: Газета политическая и литературная.* 1870. № 43–44.

[15] Указ от 24 августа 1780 г. «О поступании с лоцманами за разбитие и оставление барок по указу 1720 года апреля 1» – *Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года.* Т. XX: 1775–1780. СПб. 1830. С. 971–972.

щим от последнего. Национальный российский нормативный материал нередко входил в противоречие с иностранным законодательством: в отличие от зарубежных правил этого периода правовое регулирование торгового мореплавания в России отличалось импульсивностью и не носило системного характера.

Для лоцманской деятельности была характерна высокая степень ответственности. Общим для развития лоцманского промысла как в России, так и за рубежом явилось образование лоцманских обществ как основной формы его существования, что было вызвано рискованностью лоцманского дела, прежде всего значительными размерами подлежавших возмещению в случае аварии судна убытков. Эта особенность привела к возникновению соответствующих форм коллективной ответственности.

Еще одной характерной чертой нормативного регулирования лоцманской профессии являлся двойственный характер норм и установленных правил, одновременно носящих как «материальный», гражданско-правовой, так и явно «административный», императивный, публичный характер.

Коронные лоцманы были ликвидированы в России в 1890 г. и с этого периода лоцманская служба начала работать на основе корпоративных правил. К концу XIX в. лоцманская деятельность стала осуществляться частными лицами из числа местных жителей.

Список литературы

1. Белобородова И.Н. 2014. Водопромысловые артели Европейского Севера России: к проблеме государственного регулирования самоорганизующихся сообществ (середина XIX – начало XX в.). – *Управленческое консультирование*. № 4. С. 161–173.
2. Бразовская Я.Е. 2018. Общие положения правового регулирования лоцманской проводки в Финляндии. – *Океанский менеджмент*. № 2. С. 16–22.
3. Ефименко П.С. 1869. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Вып. 3. Кн. 1. Архангельск: Губернская тип. 336 с.
4. Змерзлый Б.В. 2014. Предпосылки к подготовке и принятию «Временных правил для Общества Керчь-Еникальских лоцманов» 25 ноября 1888 г. – *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки»*. Т. 27. № 1. С. 33–43.
5. Исаев А.А. 1881. *Артели в России*. Ярославль: Печатня губернского правления. 336 с.
6. Красавцев Л.Б. 2006. *Торговое мореплавание на Европейском Севере России во второй половине XIX – начале XX в. Проблемы развития и правового регулирования: Монография*. Архангельск: Поморский государственный университет. 206 с.
7. Ливенцев Д.В. 2016. Участники торгового судоходства в Воронежской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – *Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика*. № 1. С. 28–35.
8. Меньшиков П. 1901. Некоторые недостатки в судоходно-административном надзоре на Мариинской системе в пределах Вытегорского Округа. СПб.: Типолитография С.М. Муллер. 120 с.
9. Никитина А.П. 2018. Основные начала организации лоцманского дела на юге Российской империи. – *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки»*. Т. 4. № 4. С. 112–125.
10. Скаридов А.С. 2018. Адмиралтейское и морское право зарубежных стран. СПб.: Academus. 173 с.
11. Шармоянц А.Н. 2018. Особенности правового регулирования лоцманской службы в 20–30-е годы XX века в СССР. – *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки»*. Т. 4. № 3. С. 100–111.
12. Vergé-Franceschi M. 1991. Marine et éducation sous l'Ancien Régime. Paris: Éditions du CNRS. 470 p.

References

1. Beloborodova I.N. Vodopromyslovye arteli Evropeiskogo Severa Rossii: k probleme gosudarstvennogo regulirovaniya samoorganizuyushchikhsya soobshchestv (seredina XIX – nachalo XX v.) [Water Trade Artels of the European North of Russia: on a Problem of State Regulation of Self-organizing Communities (the middle of XIX – the beginning of the XX century)]. – *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2014. No. 4. P. 161–173. (In Russ.)
2. Brazovskaya Ya.E. Obshchie polozheniya pravovogo regulirovaniya lotsmanskoi provodki v Finlyandii [General Provisions of Legal Regulation of Pilotage in Finland]. – *Okeanskii menedzhment*. 2018. No. 2. P. 16–22. (In Russ.)
3. Efimenko P. S. Sbornik narodnykh yuridicheskikh obychaev Arkhangel'skoi gubernii. Vyp. 3. Kn. 1 [Collection of Folk Legal Customs of the Arkhangelsk Province. Issue 3. Book 1]. Arkhangel'sk: Gubernskaya tipografiya Publ. 1869. 336 p. (In Russ.)
4. Isaev A.A. *Arteli v Rossii* [Artels in Russia]. Yaroslavl': Pechatnya gubernskogo pravleniya 1881. 336 p. (In Russ)
5. Krasavtsev L.V. *Torgovoe moreplavanie na Evropeiskom Severe Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. Problemy razvitiya i pravovogo regulirovaniya: monografiya* [Merchant Shipping in the European North of Russia in the Second Half of the XIX – early XX Century. Problems of Development and Legal Regulation: a monograph]. Arkhangel'sk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet Publ. 2006. 206 p. (In Russ.)
6. Liventsev D.V. Uchastniki torgovogo sudokhodstva v Voronezhskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale

XX vv. [The participants of merchant shipping in the voronezh province in the second half of XIX – early XX centuries]. – *Bereginya. 777. Sova: obshchestvo, politika, ekonomika.* 2016. No. 1. P. 28–35. (In Russ.)
7. Men'shikov P. *Nekotorye nedostatki v sudokhodno-administrativnom nadzore na Mariinskoi sisteme v predelakh Vytegorskogo Okruga* [Some shortcomings in the navigational and administrative supervision of the Mariinsky system within the Vytegorsky Okrug]. Saint Petersburg: Tipo-litografiya S.M. Muller Publ. 1901. 120 p. (In Russ.)
8. Nikitina A.P. Osnovnye nachala organizatsii lotsmanskogo dela na yuge Rossiiskoi imperii [The Basic Principles of the Organization of a Pilot Business to the South of the Russian Empire]. – *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki.* 2018. Vol. 4. No. 4. P. 112–125. (In Russ.)
9. Sharmoyants A.N. Osobennosti pravovogo regulirovaniya lotsmanskoi sluzhby v 20–30-e gody XX veka v SSSR [Features of Legal Regulation Sea Pilotage Service in the 20–30s of XX century in the USSR]. – *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki.* 2018. Vol. 4. No. P. 100–111. (In Russ.)
10. Skaridov A.S. Admiralteiskoe i morskoe pravo zarubezhnykh stran [Admiralty and Maritime Law of Foreign Countries]. Saint Petersburg: Academus Publ. 2018. 173 p. (In Russ.)
11. Vergé-Franceschi M. Marine et éducation sous l'Ancien Régime. Paris: Éditions du CNRS. 1991. 470 p.
12. Zmerzlyi B.V. 2014. Predposylki k podgotovke i prinyatiyu "Vremennykh pravil dlya Obshchestva Kerch'-Enikal'skikh lotsmanov" 25 noyabrya 1888 g. [Prerequisites for the Preparation and Adoption of "Provisional Rules for the Society of Kerch-Yenikalsky Pilots" November 25, 1888] – *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki.* 2014. Vol. 27. No. 1. P. 33–43. (In Russ.)

Информация об авторах

Владимир Николаевич Коваль,
доктор юридических наук, директор Юридического института, Севастопольский государственный университет

299053, Российская Федерация, Севастополь, Университетская ул., д. 33

v.n.koval@sevsu.ru
ORCID:0000-0003-1255-920X

About the Authors

Vladimir N. Koval,
Doctor of Juridical Sciences, Director of Judicial Institute, Sevastopol State University

33, ul. Universitetskaya, Sevastopol, Russian Federation, 299053

v.n.koval@sevsu.ru
ORCID:0000-0003-1255-920X

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-53-64

Research article
Received May 2, 2020
Approved June 14, 2020

Dustin LEWIS
Harvard Law School Program on International Law and Armed Conflict
175J, Massachusetts Avenue Langdell, Cambridge, MA, United States of America, 02138
dlewis@law.harvard.edu
ORCID: 0000-0003-3843-7665

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE EMPLOYMENT OF ARTIFICIAL-INTELLIGENCE-RELATED TECHNOLOGIES IN ARMED CONFLICT

INTRODUCTION. *In recent years, increased attention has been dedicated at the international level to legal issues concerning the possible employment of artificial-intelligence-related technologies in hostilities in armed conflict. Most prominently, discussions in the framework of the Convention on Certain Conventional Weapons (CCW) have addressed juridical aspects relative to emerging technologies in the area of lethal autonomous weapons systems.*

MATERIALS AND METHODS. *I analyze contemporary intergovernmental debates in the context of the CCW, international legal frameworks pertaining to armed conflict, and developments in relevant technologies. I do so to trace current trajectories and generate an analytical framework to help apply legal responsibility.*

RESEARCH RESULTS. *A disagreement has arisen among certain States in the context of the CCW as to whether to develop a new primary legal norm or whether existing international humanitarian law is sufficient. Taking account of that current normative impasse, I propose an analytical framework aimed at ensuring the applicability of international legal responsibility in respect of the employment of AI-related technologies in armed conflict.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *Given the range of relevant technologies, the employment of AI in armed conflict may occur across diverse thematic and functional areas: not only in the conduct of hostilities, including weapons, but also detention, humanitarian services, maritime systems, and many other areas. Identification of the general concepts and specific attributes necessary to apply international legal responsibility across the array of implicated areas may help provide a framework through which to respect the law, guide behavior, pursue accountability, and generate areas of greater normative consensus.*

KEYWORDS: *artificial intelligence, armed conflict, international humanitarian law, international criminal law, state responsibility, war crimes, weapons, means and methods of warfare, detention, warships*

FOR CITATION: Lewis D. International legal regulation of the employment of artificial-intelligence-related technologies in armed conflict. –*Moscow Journal of International Law.* 2020. No. 2. P. 53–64. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-53-64

The author declares the absence of conflict of interest.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-53-64

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 02.05.2020
Принята к публикации: 14.06.2020

Дастин ЛЬЮИС
Harvard Law School Program on International Law and Armed Conflict
Massachusetts Avenue Langdell, 175J, Cambridge, MA, 02138, United States of America,
dlewis@law.harvard.edu
ORCID: 0000-0003-3843-7665

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ, В ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ

ВВЕДЕНИЕ. *В последние годы юридические вопросы, касающиеся возможного использования технологий, связанных с искусственным интеллектом, в военных действиях в ходе вооруженного конфликта, стали предметом повышенного внимания на международном уровне. Наиболее масштабные дискуссии по правовым аспектам, связанным с новыми технологиями в области смертоносных автономных систем вооружений, ведутся в рамках Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (КНО).*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Статья посвящена актуальным межправительственным дебатам в рамках КНО, международно-правовым рамкам, относящимся к вооруженному конфликту, развитию соответствующих технологий. Автор прослеживает текущие направления дискуссий и формирует аналитическую основу для содействия применению юридической ответственности.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Государства-участники КНО придерживаются различных позиций по вопросу о том, имеется ли потребность в принципиально новом правовом регулировании или же существующего международного гуманитарного права достаточно. Принимая во внимание эти непримиримые разногласия, автор предлагает аналитические рамки, направленные на обеспечение применимости международно-правовой ответственности в отношении использования в вооруженном конфликте технологий, связанных с искусственным интеллектом.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Учитывая спектр упомянутых технологий, использование искусственного интеллекта в вооруженном конфликте может осуществляться в различных тематических и функциональных областях: не только в ходе ведения военных действий, включая применение оружия, но и при задержании, оказании гуманитарного содействия, в военно-морских системах, а также многих других сферах. Идентификация общих концепций и специфических характеристик, необходимых для реализации международно-правовой ответственности применительно к спектру таких областей может помочь выработке схем, обеспечивающих уважение права, регулирование поведения, реализацию ответственности, а также расширению потенциально консенсусных сфер правового регулирования.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *искусственный интеллект, вооруженный конфликт, международное гуманитарное право, международное уголовное*

право, ответственность государств, военные преступления, вооружения, средства и методы ведения войны, задержание, военные корабли

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Льиюс Д. 2020.Международно-правовое регулирование использования технологий, связанных с искусственным интеллектом, в вооруженном конфликте. – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 53–64. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-53-64

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

1. Introduction

Especially since 2014, dozens of States have dedicated significant attention to certain legal aspects concerning the possible employment of artificial intelligence (AI) and related technologies in the conduct of hostilities in armed conflict. In particular, in the context of the Convention on Prohibitions or Restrictions on the Use of Certain Conventional Weapons Which May Be Deemed to Be Excessively Injurious or Have Indiscriminate Effects (CCW), numerous States — as well as members of civil society, academia, and other sectors — have exchanged views on diverse aspects of the possible design, development, testing, ex-ante review, fielding, employment, post-hoc assessment, transfer, and imposition of responsibility relative to "emerging technologies in the area of lethal autonomous weapons systems"[1]. Views on these matters have been expressed in other intergovernmental fora as well, including in the United Nations General Assembly First Committee. Hundreds of commentaries have been published in international scholarly discourse [Lewis, Modirzadeh, Blum 2016:106–128]. Moreover, many legal and policy proposals and analyses have been put forward, not only by States but also by other actors, including non-governmental organizations.

In this article, I seek to propose an analytical framework aimed at the identification of the general concepts and specific attributes necessary to apply international legal responsibility in this area. First, to set the stage, I trace the current status of the CCW's Group of Governmental Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems. I also put forward contextual factors that may help explain the increased attention to AI in armed conflict as well as a central disagreement that has arisen around it (section 2). Second, I submit a framework aimed at ensuring international legal responsibility in respect of employments of AI-related technologies in armed conflict (section 3). Finally, I conclude by inviting international actors to elaborate their understandings of the general concepts and specific attributes necessary to apply responsibility in this area.

For this article, I assume a wide definition of artificial intelligence-related technologies drawn from AI science broadly construed [Sayler 2019:1–4][2]. The research underlying this article was undertaken in the context of a research and policy project of the Harvard Law School Program on International Law and Armed Conflict entitled "International Legal and Policy Dimensions of War Algorithms: Enduring and Emerging Concerns"[3].

2. Current trajectories concerning the CCW's Group of Governmental Experts

In 2016, following informal meetings of experts over a few years, the Fifth Review Conference of the High Contracting Parties to the CCW established a Group of Governmental Experts (GGE) on Emerg-

[1] Meeting of the High Contracting Parties to the Convention on Prohibitions or Restrictions on the Use of Certain Conventional Weapons Which May Be Deemed to Be Excessively Injurious or to Have Indiscriminate Effects. Final report. December 13, 2019 (hereafter CCW 2019). URL: https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/4F3F92951E0022D9C12584F50034C2F4/$file/CCW+MSP+2019+9.pdf (accessed 12.01.2020).

[2] See also: Lewis D.A. *Legal reviews of weapons, means and methods of warfare involving artificial intelligence: 16 elements to consider. – ICRC Humanitarian Law and Policy Blog.* March 21, 2019. URL: https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2019/03/21/legal-reviews-weapons-means-methods-warfare-artificial-intelligence-16-elements-consider/ (accessed 29.04.2020).

[3] See: Harvard Law School Program on International Law and Armed Conflict: *"International Legal and Policy Dimensions of War Algorithms: Enduring and Emerging Concerns".* URL: https://pilac.law.harvard.edu/international-legal-and-policy-dimensions-of-war-algorithms (accessed 29.04.2020).

ing Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems. The GGE held meetings in 2017, 2018, and 2019. The 2019 Meeting of High Contracting Parties to the CCW agreed, by consensus, on a multipart mandate for the GGE for the 2020–2021 period. The GGE is scheduled to meet for a total of ten days in 2020 and between ten to twenty days in 2021, to be decided by the Meeting of the High Contracting Parties in 2020. (At the time of writing, it is uncertain whether the coronavirus pandemic may impact these scheduled meetings.) Under the agreement of the High Contracting Parties to the CCW, the GGE's recommendations will be reported, as appropriate, for consideration at the 2020 Meeting of High Contracting Parties and the 2021 Sixth Review Conference[4].

a. Context

The GGE operates in a context marked by the following five sets of factors.

First, developments have arisen in certain technical fields resulting in new or amplified technological capabilities that might be employed in armed conflict. Those developments include increases in the efficiency of algorithms, computing power, sensor capacity, and the volume and range of available data. Another set of developments relates to an increase in the potential physical distance or amount of time (or both) that constructed systems with partial or full automatic or autonomous navigation may be able to travel at sea, on land, in air, or in outer space. Furthermore, developments in the fields of miniaturization of constructed systems and of interactive capacities between humans and machines (sometimes called "human-machine teaming") and among machines (sometimes referred to as "swarming") may be relevant as well [Ekelhof, Persi Paoli 2020:9–56].

Second, regarding military operations, some armed forces are increasingly relying on combinations of algorithmic, computational, and other data-driven tools and techniques [Kania 2020:2–7; Sayler 2019:9–36; Boulanin, Verbruggen 2017:19–112]. That increased reliance turns in part on perceptions that those technological developments could facilitate military advantages, including increases in speed, accuracy, and economy of resources and decreases in the number of personnel placed at risk of physical harm. Relevant technologies have already been employed in respect of the following sets of tasks:

- The formulation, collection, and evaluation of intelligence involved in military operations;
- The formulation, identification, nomination, and prioritization of targets involved in attacks;
- The choice and selection of weapons, means, and methods of warfare; and
- The making of certain evaluative decisions and normative judgments involved in compliance with legal rules pertaining to the conduct of hostilities, including concerning binding IHL provisions on distinction, proportionality, and precautions in attack [Ekelhof 2018: 14–28][5].

Third, the GGE mandate concerns weapons specifically and, in certain respects, the conduct of hostilities more broadly. However, the potential employment of AI techniques and methods in situations of armed conflict may impact several other areas as well. These areas include detention[6], humanitarian services[7], uninhabited military maritime systems [Nasu, Letts 2020:83–97], and legal advice[8].

Fourth, the discussions in the GGE have arisen against several background elements, including the following:

- Different conceptions among international actors regarding what constitutes the exercise of sufficient human agency, control, judgment, or some combination thereof with respect to particular forms of military operations involving relevant technologies;
- The sheer complexity of existing and emerging technologies in this area, as well as the rapid pace and scale of developments; and

[4] CCW 2019. P. 5.

[5] See also: Ekelhof M.A.C. The Distributed Conduct of War: Reframing Debates on Autonomous Weapons, Human Control and Legal Compliance in Targeting. Diss. Ph.D. Candidate. Amsterdam. 2019. P. 127-225.

[6] See: Bridgeman T. The viability of data-reliant predictive systems in armed conflict detention. – *ICRC Humanitarian Law and Policy Blog*. April 8, 2019. URL: https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2019/04/08/viability-data-reliant-predictive-systems-armed-conflict-detention/ (accessed 29.04.2020); Deeks A. *Detaining by algorithm*. – *ICRC Humanitarian Law and Policy Blog*. March 25, 2019. URL: https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2019/03/25/detaining-by-algorithm/ (accessed 29.04.2020).

[7] See: Lewis D.A. AI and Machine Learning Symposium: Why Detention, Humanitarian Services, Maritime Systems, and Legal Advice Merit Greater Attention. – *Opinio Juris Blog*. April 28, 2020. URL: http://opiniojuris.org/2020/04/28/ai-and-machine-learning-symposium-ai-in-armed-conflict-why-detention-humanitarian-services-maritime-systems-and-legal-advice-merit-greater-attention/ (accessed 29.04.2020).

[8] Ibid.

- Secrecy and a lack of trust among certain (sets of) States concerning their respective military-technological capabilities in this area.

Fifth, there is a lack of an agreed definition or set of characteristics relative to "emerging technologies in the area of lethal autonomous weapons systems." States and other participants in the GGE have put forward definitions that vary widely[9].

b. Mandate

One part of the GGE's mandate during the 2020–2021 period concerns the exploration and agreement on possible recommendations for options related to emerging technologies in the area of lethal autonomous weapons systems, such as for potential challenges to IHL[10]. Included among the categories of possible options raised for addressing the humanitarian and international security challenges posed in this area are a legally binding instrument, a political declaration, and clarity on the implementation of existing obligations under international law, in particular IHL[11]. Another part of the GGE's current mandate pertains to the formulation of consensus recommendations concerning the clarification, consideration, and development of aspects of the normative and operational framework on emerging technologies in the area of lethal autonomous weapons systems[12].

c. Areas of normative consensus and disagreement

To date, the GGE has obtained at least a measure of normative consensus, in particular as reflected in the elaboration of certain guiding principles. Included among them are the following principles: IHL continues to apply fully to all weapons systems, including the potential development and use of lethal

[9] Statement by India to the GGE "Characterisation of the Systems under consideration in order to promote a common understanding on Concepts and Characteristics relevant to the objectives and purposes of the Convention". March 25, 2019. URL: https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/F8C1F0AEE961CA93C12583CC00353A09/$file/25+March+2019+-+5(d).pdf (accessed 29.04.2020); Statement by the International Committee of the Red Cross to the GGE. March 25, 2019. URL: https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/7EA110E50853887DC12583CC003032E7/$file/ICRC+GGE+LAWS+ICRC+statement+agenda+item+5c+25+03+2019.pdf (accessed 29.04.2020); Proposal by Ireland "Working Definition". August 29, 2018. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/ccw/2018/gge/documents/29August_Proposal_Definition_Ireland.pdf (accessed 29.04.2020); Submission by Estonia and Finland to the GGE "Categorizing lethal autonomous weapons systems - A technical and legal perspective to understanding LAWS". August 24, 2018. URL: https://undocs.org/CCW/GGE.2/2018/WP.2 (accessed 29.04.2020); Submission by China to the GGE "Position Paper". April 11, 2018. URL: https://undocs.org/en/CCW/GGE.1/2018/WP.7 (accessed 29.04.2020); Statement Submitted by Germany to the GGE "On a Working Definition of LAWS /"Definition of Systems under Consideration". April 9–13, 2018, URL: https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/2440CD1922B86091C12582720057898F/$file/2018_LAWS6a_Germany.pdf (accessed 29.04.2020); Submission by the Russian Federation to the GGE "Russia's Approaches to the Elaboration of a Working Definition and Basic Functions of Lethal Autonomous Weapons Systems in the Context of the Purposes and Objectives of the Convention". April 4, 2018. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/ccw/2018/gge/documents/GGE.1-WP6-English.pdf (accessed 29.04.2020); Submission by the United States to the GGE "Characteristics of Lethal Autonomous Weapons Systems". November 10, 2017. URL: https://undocs.org/en/CCW/GGE.1/2017/WP.7 (accessed 29.04.2020); Submission by Belgium to the GGE "Towards a Definition of Lethal Autonomous Weapons Systems". November 7, 2017. URL: https://undocs.org/en/CCW/GGE.1/2017/WP.3 (accessed 29.04.2020); Submission of the Netherlands to the GGE "Examination of various dimensions of emerging technologies in the area of lethal autonomous weapons systems, in the context of the objectives and purposes of the Convention". October 9, 2017. URL: https://undocs.org/en/CCW/GGE.1/2017/WP.2 (accessed 29.04.2020); Statement by Switzerland to the Meeting of Experts of the Convention on Certain Conventional Weapons "A purpose-oriented working definition for autonomous weapons systems". April 12, 2016. URL:https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/A204A142AD3E3E29C1257F9B004FB74B/$file/2016.04.12+LAWS+Definitions_as+read.pdf (accessed 29.04.2020); Statement submitted by France to the CCW Meeting of Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems "Non Paper: Characterization of a LAWS". April 11–16, 2016. URL: https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/5FD844883B46FEACC1257F8F00401FF6/$file/2016_LAWSMX_CountryPaper_France+CharacterizationofaLAWS.pdf (accessed 29.04.2020); Statement of Italy to the CCW Meeting of Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems "Towards a working definition of LAWS". April 11–15, 2016. URL: https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/06A06080E6633257C1257F9B002BA3B9/$file/2016_LAWS_MX_towardsaworkingdefinition_statements_Italy.pdf (accessed 29.04.2020); Statement of the United Kingdom to the Informal Meeting of Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems. April 11–15, 2016. URL: https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/44E4700A0A8CED0EC1257F940053FE3B/$file/2016_LAWS+MX_Towardaworkingdefinition_Statements_United+Kindgom.pdf (accessed 29.04.2020).

[10] CCW 2019. P. 5.

[11] Group of Governmental Experts on Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons System: of the 2019 session "Convention on Prohibitions or Restrictions on the Use of Certain Conventional Weapons Which May Be Deemed to Be Excessively Injurious or to Have Indiscriminate Effects". September 25, 2019. P. 7. (hereafter, GGE 2019). URL: https://undocs.org/en/CCW/GGE.1/2019/3 (accessed 29.04.2020).

[12] CCW 2019. P. 5.

autonomous weapons systems; human responsibility for decisions on the use of weapons systems must be retained since accountability cannot be transferred to machines; and accountability for developing, deploying, and using any emerging weapons system in the framework of the CCW must be ensured in accordance with applicable international law[13]. The IHL provisions that most commonly arise in these debates concern distinction, proportionality, and precautions in attack [Singer 2018:213–499; Lewis, Modirzadeh, Blum 2016:64–76]. Focus has also been placed on reviews of weapons, means and methods of warfare[14].

However, disagreements have also arisen. The most prominent divergence concerns whether existing IHL is sufficient to address the range of issues that may arise in this area or whether a new norm needs to be elaborated (and, if so, what the content of that norm should be and what form(s) it should take). For example, calls have been made for the elaboration of a new legal norm aimed at the regulation, prohibition, or some combination thereof of lethal autonomous weapons systems or at least certain weapons involving an autonomous attribute in the "critical functions" of selection of targets and engagement in attacks[15]. In 2018, for instance, Austria, Brazil, and Chile proposed that the High Contracting Parties to the CCW should decide "to establish an open-ended Group of Governmental Experts to negotiate a legally-binding instrument to ensure meaningful human control over critical functions in lethal autonomous weapon systems"[16]. The primary contention underlying this and related proposals is often framed in the following terms: the exercise of control by machines — without sufficient capacity for human intervention, oversight, control, judgment, or some combination thereof — over decisions or conduct pertaining to the use of force in armed conflict is illegitimate and (should be) unlawful.

At the other end of the spectrum, certain States have expressed the position that existing IHL is sufficient in this area and that emerging technologies do not present insuperable barriers to compliance with IHL and the application of responsibility. Furthermore, in the view of at least some of these States, including the United States of America, the employment of weapons with an automatic or autonomous attribute may yield purported increases in capabilities to (among other things) enhance distinction between civilians and military objectives through greater precision and accuracy. According to that position, the employment of such technologies may result in greater protection of civilians, increased compliance with IHL, and heightened realization of some of the (other) humanitarian aims underlying IHL[17].

---

[13] CCW 2019. P. 10.

[14] Submission by Argentina to the GGE "Questionnaire on the Legal Review Mechanisms of New Weapons, Means and Methods of Warfare". March 29, 2019. URL: https://undocs.org/en/CCW/GGE.1/2019/WP.6 (accessed 29.04.2020); Submission by Australia to the GGE "The Australian Article 36 Review Process". August 30, 2018. URL: https://undocs.org/en/CCW/GGE.2/2018/WP.6 (accessed 29.04.2020); Submission by the United States to the GGE "Autonomy in Weapon System". November 10, 2017. URL: https://undocs.org/en/CCW/GGE.1/2017/WP.6 (accessed 29.04.2020); Submission by the Netherlands and Switzerland to the GGE, *Weapons Review Mechanisms*. November 7, 2017. URL: https://undocs.org/en/CCW/GGE.1/2017/WP.5 (accessed 29.04.2020). See also: Goussac N. Safety net or tangled web: Legal reviews of AI in weapons and war-fighting. – *ICRC Humanitarian Law and Policy Blog.* April 18, 2019. URL: https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2019/04/18/safety-net-tangled-web-legal-reviews-ai-weapons-war-fighting/ (accessed 29.04.2020); Lewis D.A. Legal reviews of weapons, means and methods of warfare involving artificial intelligence: 16 elements to consider. – *ICRC Humanitarian Law and Policy Blog*. March 21, 2019. URL: https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2019/03/21/legal-reviews-weapons-means-methods-warfare-artificial-intelligence-16-elements-consider/ (accessed 29.04.2020).

[15] Campaign to Stop Killer Robots "Country Views on Killer Robots". April 13, 2018. URL: https://www.stopkillerrobots.org/wp-content/uploads/2018/04/KRC_CountryViews_13Apr2018.pdf (accessed 29.04.2020); Statement by the Campaign to Stop Killer Robots to the GGE. March 27, 2019. URL:https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/6FDBADBE15A26515C12583CB003E9791/$file/KRC_StmtCCW_27Mar2019_TODELIVER.pdf (accessed 29.04.2020).

[16] Submission by Austria, Brazil, and Chile to the GGE "Proposal for a Mandate to Negotiate a Legally-binding Instrument that addresses the Legal, Humanitarian and Ethical Concerns posed by Emerging Technologies in the Area of Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS)". August 29, 2018. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/ccw/2018/gge/documents/29August_Proposal_Mandate_ABC.pdf (accessed 29.04.2020).

[17] Submission by the United States to the GGE "Implementing International Humanitarian Law in the Use of Autonomy in Weapon Systems". March 28, 2019. URL: https://undocs.org/en/CCW/GGE.1/2019/WP.5 (accessed 29.04.2020); Submission by the Russian Federation to the GGE, "Potential opportunities and limitations of military uses of lethal autonomous weapons systems". March 8, 2019. URL: https://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/489AAB0F44289865C12583BB0063B977/$file/GGE+LAWS+2019_Working+Paper+Russian+Federation_E.pdf (accessed 29.04.2020); Submission by the United States to the GGE "Humanitarian benefits of emerging technologies in the area of lethal autonomous weapon systems". April 3, 2018. URL: https://undocs.org/en/CCW/GGE.1/2018/WP.4 (accessed 29.04.2020); Submission by the United States to the GGE "Autonomy in Weapon System". November 10, 2017. URL: https://undocs.org/en/CCW/GGE.1/2017/WP.6 (accessed 29.04.2020).

3. A proposed analytical framework aimed at identifying general concepts and specific attributes necessary to apply international legal responsibility

Taking account of the rapid pace of technological developments and the current normative impasse in the GGE among certain States, in this section I propose an analytical framework through which to evaluate possible employments of AI-related technologies in armed conflict. In short, I submit that international actors ought to identify the general concepts and specific attributes necessary to apply international legal responsibility to States, international organizations, and individuals in this area. The identification of those general concepts and specific attributes across the diverse range of possibly implicated thematic areas — from weapons to detention to humanitarian services to warships — may provide a useful approach through which States and other international actors can seek to respect the law, guide behavior, and pursue accountability.

The proposed responsibility-focused framework might be especially relevant in respect of *a priori* assessments concerning the possible development, procurement, testing, fielding, or employment of particular AI-related technologies in armed conflict. By evaluating those technologies against the identified general concepts and specific attributes, States and other international actors may determine which of the technologies are capable of being employed in a manner that ensures the possibility to apply responsibility. In doing so, those actors may discern the necessary and sufficient conditions under which responsibility may be applied in respect of those technologies. Through this framework, international actors can also ascertain which employments of AI-related technologies are not capable of being used in a manner that permits the application of responsibility. By doing so, those actors may identify which employments may arguably be impermissible on that basis. For example, this analytical process can help enumerate what forms of predictability and reliability it may arguably be necessary to ensure — as well as what specific personal, temporal, geographical, and material constraints it may be necessary to impose — so that a particular employment of AI-related technologies in armed conflict respects the law[18]. Furthermore, by sharing their understandings — in the GGE or other fora — of the identified general concepts and specific attributes necessary to apply responsibility in this area, international actors can help generate areas of greater normative consensus and promote legal stability.

At least two objections to an approach that focuses solely or at least primarily on responsibility may be anticipated. First, because it focuses on the content of existing obligations, a responsibility-focused framework may arguably not reflect calls to elaborate new substantive primary obligations. That objection presumes, however, that those calls already provide sufficient detail as to what precisely such a new obligation would entail. Whether or not those calls do provide such detail is a matter of dispute. The process of thinking through what would constitute a comprehensive list of general concepts and specific attributes could yield a greater understanding of what is already legally required and, indeed, could do so at a level of granularity that is, by and large, currently lacking in international discourse. In turn, that understanding could help inform multilateral debate as to what elements of the existing legal framework are or are not necessary or sufficient to apply responsibility. It could also help inform the development of national measures aimed at respecting the law. In these ways, the responsibility-focused approach proposed here may be of value to all States, irrespective of their position with respect to the current normative impasse at the GGE.

A second possible objection relates to the notion that international law currently does not address the responsibility of non-State parties to armed conflict as comprehensively or systematically as it addressees the responsibility of States, international organizations, or individuals. Be that as it may, according to the principle of equality of belligerents, IHL applies equally to all parties to an armed conflict, including to non-State parties in non-international armed conflicts [Sassòli 2019:585–587]. In light of that principle, a comprehensive list of general concepts and specific attributes necessary to apply responsibility to States, international organizations, and individuals may be considered to also apply, mutatis mutandis, in respect of a non-State party to an armed conflict.

It bears emphasis that the following does not represent a comprehensive list of all of the possibly relevant general concepts and specific attributes necessary to apply responsibility in this area. Due to time limitations and space restrictions, I outline only

[18] Submission by the International Committee of the Red Cross to the GGE "Autonomy, artificial intelligence and robotics: Technical aspects of human control". August 20, 2019. URL: https://www.icrc.org/en/download/file/102852/autonomy_artificial_intelligence_and_robotics.pdf (accessed 29.04.2020).

a handful of examples, with a focus on the responsibility of States and individuals. I therefore do not address the responsibility of international organizations or other actors that may be considered to have international legal personality.

a. Responsibility of States

The underlying concepts of responsibility of States are general in character. Those concepts — namely, attribution, breach, excuses, and consequences — are assumed and apply unless excluded, for example through variances grounded in individual treaties or rules[19].

Regarding the general State-responsibility concept of *attribution*, it is axiomatic that, to apply responsibility, State conduct must be attributable to each relevant State. Accordingly, an employment of AI-related technologies in armed conflict by a State must be susceptible of being ascribed to that State. This aspect concerns the specific element of attributability. As an example, in situations of partnered warfare where two or more States are involved jointly in the employment of AI-related technologies to assist in the identification and prioritization of targets in an attack, the possibility to attribute that conduct to each relevant State may arguably need to be ensured. (Where an international organization is involved in partnered warfare, the rules of attribution concerning international organizations would (also) be implicated.)

Regarding the general State-responsibility concept of *breach*, an employment of AI-related technologies in armed conflict may implicate hundreds of primary obligations originating in IHL and other fields of law applicable in respect of armed conflict. Consider two of the several possible examples that may be drawn from IHL provisions.

First, under Article 48 of Additional Protocol I of 1977 and its customary-law counterpart, the parties shall at all times distinguish between the civilian population and combatants and between civilian objects and military objectives and accordingly shall direct their operations only against military objectives[20]. Extrapolating from that provision, the general State-responsibility concept of breach may arguably entail an obligation to ensure — with respect to military operations involving AI-related technologies — the specific attributes of: (i) discernibility of the civilian population; (ii) discernibility of combatants; (iii) discernibility of civilian objects; (iv) discernibility of military objectives; (v) distinguishability of (i) from (ii) and of (iii) from (iv); and (vi) capability to direct military operations only against (iv). An employment in a military operation of AI-related technologies lacking one (or more) of those specific attributes ok preclude the application of responsibility and may arguably be impermissible on that ground. Thus, for instance, an employment by a State of machine-learning techniques to assist in the collection or evaluation of intelligence pertaining to military operations may arguably need to entail those specific attributes. Whether — and, if so, the extent to which — AI-related technologies may or may not be relied upon to (help) make the evaluative decisions and normative judgments involved in specific attributes (i) through (v) is a key area that warrants attention.

Second, pursuant to Article 57, paragraph 2, lit. *b* of Additional Protocol I of 1977, "an attack shall be cancelled or suspended if it becomes apparent that the objective is not a military one or is subject to special protection or that the attack may be expected to cause incidental loss of civilian life, injury to civilians, damage to civilian objects, or a combination thereof, which would be excessive in relation to the concrete and direct military advantage anticipated"[21]. Extrapolating with respect to this provision, the general State-responsibility concept of breach may arguably entail an obligation for the party to ensure — with respect to precautionary measures concerning an attack involving AI-related technologies — the specific attributes, where relevant, of: (i) cancellability; (ii) suspensibility; (iii) discernibility of (non-)military-objective status; (iv) discernibility of (non-)special-protection status; (v) discernibility of incidental loss of civilian life that may be caused; (vi) discernibility of injury to civilians that may be caused; (vii) discernibility of damage to civilian objects that may be caused; (viii) discernibility of a combination of incidental loss of civilian life, injury to civilians, and damage to civilian objects; (ix) discernibility of the concrete and direct military advantage anticipated; and (x) capability to evaluate whether (v), (vi), (vii), or (viii) would be excessive in relation to (ix). An employment by a State of AI-related technologies in an attack lacking one

[19] Crawford J.R. State Responsibility. – *Max Planck Encyclopedia of Public International Law.* 2006. URL: https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1093 (accessed 29.04.2020).

[20] Protocol additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the protection of victims of international armed conflicts (Protocol I). Adopted June 8, 1977, entry into force December 7, 1978 (hereafter Additional Protocol I). URL: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/icrc_002_0321.pdf (accessed 29.04.2020).

[21] Article 57(2)(b) of the Additional Protocol I.

(or more) of those specific attributes would preclude the application of responsibility and may arguably be impermissible on that ground. Thus, for instance, the employment by a State of machine-learning techniques to assist in the identification of targets may arguably need to entail those specific attributes. Whether — and, if so, the extent to which — AI-related technologies may or may not be relied upon to (help) make the evaluative decisions and normative judgments involved in specific attributes (iii) through (x) is a key area that warrants attention regarding this set of specific attributes.

Regarding the general State-responsibility concept of legal *consequences*, attention may be drawn to cessation, which, according to the International Law Commission, is one of the two general consequences of an internationally wrongful act.[22] (Reparation is the other general consequence.) This general State-responsibility concept of cessation entails that a State responsible for an internationally wrongful act is under an obligation to cease that act if it is continuing, and, if circumstances so require, to offer appropriate assurances and guarantees of non-repetition.[23] The general State-responsibility concept of legal consequences thus concerns what could be characterized as the specific attributes of: (i) discernibility of an initial breach; and (ii) discernibility of wrongful-act continuation. For instance, an employment by a State of machine-learning techniques to assist in the identification and prioritization of targets in a series of attacks may arguably need to be undertaken in a manner that ensures the possibility to discern whether that employment constitutes an initial breach, and, if so, whether ongoing employments continue that breach. Given its nature, the general State-responsibility concept of consequences is arguably premised on ensuring the possibility of the exercise of external scrutiny. Accordingly, a possible guidepost to realize the specific attributes of (i) discernibility of initial breach and (ii) discernibility of wrongful-act continuation could be that an employment of AI-related technologies in armed conflict may arguably need to be capable of being subject to external juridical scrutiny.

Finally, regarding the general State-responsibility concepts of attribution, breach, and consequences, all conduct involving the employment of AI-related technologies in armed conflict concerns what might be characterized as the specific attribute of reconstructability. That attribute relates to the possibility to sufficiently piece together — before, during, and after employment — the inputs, functions, dependencies, and outputs of the computational components adopted, and by whom, in respect of such an employment[24]. A guidepost for the specific attribute of reconstructability in this area might be that such an employment is capable of being subject to juridical scrutiny, perhaps including by a judicial organ[25].

b. Responsibility of individuals under the international criminal law of war crimes

Certain general secondary rules of responsibility may be put forward, at least on a provisional basis, around responsibility of individuals under the international criminal law of war crimes. Those general individual-responsibility concepts might include attribution, prohibited conduct, mental elements, modes of responsibility, and penalties. It is arguable that those general concepts may be assumed and apply unless excluded, for example through the operation of a recognized and applicable excuse. (As a threshold matter, the imposition of individual responsibility under the international criminal law of war crimes assumes that a court may exercise jurisdiction in respect of a particular person, crime, territory, and period.) Some specific attributes may be identified by extrapolating from these general concepts and by drawing from particular textual provisions of the 1998 Rome Statute of the International Criminal Court (ICC Statute)[26]. For the purposes of the following analysis, it is assumed that the content of the excerpted provisions of the ICC Statute is applicable in respect of an employment of AI-related technologies in an armed conflict.

Regarding the general individual-responsibility concept of *attribution*, the ICC Statute lays down that the Court shall have jurisdiction over natural persons[27]. Accordingly, to ensure the possibility to

[22] International Law Commission: Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries. – *Yearbook of the International Law Commission.* 2001. Vol. II. Part 2. P. 89.

[23] Ibid. P. 88.

[24] Lewis D.A. *Legal reviews of weapons, means and methods of warfare involving artificial intelligence: 16 elements to consider. – ICRC Humanitarian Law and Policy Blog.* March 21, 2019. URL: https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2019/03/21/legal-reviews-weapons-means-methods-warfare-artificial-intelligence-16-elements-consider/ (accessed 29.04.2020).

[25] Ibid.

[26] International Criminal Court: Rome Statute of the International Criminal Court. Adopted July 17, 1998, entry into force July 1, 2002 (hereafter ICC Statute). URL: https://www.icc-cpi.int/resource-library/documents/rs-eng.pdf (accessed 29.04.2020).

[27] Article 25(1) of the ICC Statute.

ascribe individual responsibility, an employment of AI-related technologies in armed conflict — at least one involved in conduct prohibited as a war crime — may arguably need to be susceptible of being attributed to one or more natural persons. This aspect thus concerns the specific element of attributability. Whether — and, if so, the extent to which — particular AI-related technologies may or may not be employed in a manner that facilitates the ascription of individual criminal responsibility is a key area that warrants greater attention.

Regarding the general individual-responsibility concept of *prohibited conduct*, the ICC Statute lists several forms of conduct (whether in the form of an act or an omission) that constitute war crimes so long as they are committed, as with all war crimes under the ICC Statute, as part of a plan or policy or as part of a large-scale commission of such crimes[28]. To ensure the possibility to apply the general individual-responsibility concept of prohibited conduct, an employment of AI-related technologies in armed conflict — at least one involved in conduct prohibited as a war crime — may arguably need to be susceptible of being assessed as to whether or not it satisfies the material elements of a possibly relevant form of prohibited conduct. There is a large array of forms of prohibited conduct under the international criminal law of war crimes. To enumerate which specific attributes would need to be ensured in respect of a particular employment of AI-related technologies in armed conflict, the material elements underlying each form of possibly relevant conduct prohibited as a war crime concerning that employment would need to be identified and transposed into specific attributes.

To give one of the numerous possible examples, under the ICC Statute the following conduct is characterized as a war crime when undertaken in an international armed conflict: attacking or bombarding, by whatever means, towns, villages, dwellings, or buildings which are undefended (in the sense of being open for unresisted occupation[29]) and which are not military objectives[30]. Extrapolating with respect to this provision, the general individual-responsibility concept of prohibited conduct may arguably entail an obligation for a relevant individual to ensure — with respect to an attack or bombardment that involves the employment of AI-related technologies and that possibly implicates at least one of the enumerated objects — the specific attributes of: (i) discernibility of towns; (ii) discernibility of villages; (iii) discernibility of dwellings; (iv) discernibility of buildings; (v) discernibility of whether an object at issue in (i)–(iv) is or is not open for unresisted occupation; (vi) discernibility of military-objective status; and (vii) capability to evaluate whether an object at issue in (i)–(iv) is or is not a military objective. An employment of AI-related technologies lacking one or more of these specific attributes, with respect to a relevant attack or bombardment, may arguably preclude the application of individual criminal responsibility and would be impermissible on that basis. For instance, consider the possibility that an individual contemplates employing machine-learning techniques to help identify targets in an attack against a building that is purportedly defended and that ostensibly constitutes a military objective. If those AI-related technologies lack the specific attributes (iv) through (vii), that employment would preclude the application of individual responsibility. Whether — and, if so, the extent to which — AI-related technologies may or may not be relied upon to (help) make the evaluative decisions and normative judgments involved in specific attributes (v) through (vii) is a key area that warrants attention regarding this set of specific attributes.

Concerning the general individual-responsibility concept of *mental elements*, under the ICC Statute a person shall be criminally responsible and liable for punishment for a crime within the jurisdiction of the Court only if the material elements are committed with intent and knowledge, unless otherwise provided[31]. Under that provision, a person has intent where, in relation to conduct, that person means to engage in the conduct, and, in relation to a consequence, that person means to cause that consequence or is aware that it will occur in the ordinary course of events[32]. Also under that provision of the ICC Statute, knowledge means awareness that a circumstance exists or a consequence will occur in the ordinary course of events, and know and knowingly shall be construed accordingly[33]. Extrapolating from those provisions,

[28] Article 8(1) of the ICC Statute.

[29] Official Records of the Assembly of States Parties to the Rome Statute of the International Criminal Court. First session. September 3–10, 2002. P. 132. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/603/35/PDF/N0260335.pdf?OpenElement (accessed 29.04.2020).

[30] Article 8(2)(b)(v) of the ICC Statute.

[31] Article 30(1) of the ICC Statute.

[32] Article 30(2) of the ICC Statute.

[33] Article 30(3) of the ICC Statute.

at least two specific attributes arguably necessary to the application of individual responsibility with respect to mental elements concerning war crimes under the ICC Statute may be identified.

First, regarding the mental element of *intent*, a relevant employment of AI-related technologies in armed conflict — at least one involved in conduct prohibited as a war crime — may arguably need to facilitate a relevant natural person (or persons), in relation to conduct, to mean to engage in the conduct, or, in relation to a consequence, to mean to cause that consequence or to be aware that it will occur in the ordinary course of events. This aspect thus concerns the specific attributes of: (i) meaning to engage in certain conduct; (ii) meaning to cause a certain consequence; or (iii) being aware that a certain consequence will occur in the ordinary course of events. Whether — and, if so, the extent to which — certain AI-related technologies may or may not be employed in a manner that facilitates an exercise of those specific attributes concerning intent is another key area that warrants greater attention.

Second, with respect to the mental element of *knowledge*, an employment of AI-related technologies in armed conflict — at least one involved in conduct prohibited as a war crime — may arguably need to facilitate awareness either that a certain circumstance exists or that a certain consequence will occur in the ordinary course of events. This aspect thus concerns the specific aspects of: (i) being aware that the circumstance exists; or (ii) being aware that the consequence will occur in the ordinary course of events. Whether — and, if so, the extent to which — certain AI-related technologies may or may not be employed in a manner that facilitates an exercise of those specific attributes concerning knowledge is yet another key area that warrants greater attention.

Regarding the general individual-responsibility concept of *modes of responsibility*, under the ICC Statute a person shall be criminally responsible and liable for punishment for a crime within the jurisdiction of the Court under certain circumstances[34]. Those circumstances include where that person either commits such a crime (whether as an individual, jointly with another, or through another person, regardless of whether that other person is criminally responsible)[35] or where that person, for the purpose of facilitating the commission of such a crime, aids, abets, or otherwise assists in its commission or its attempted commission (including providing the means for its commission)[36]. Other modes of responsibility listed in the ICC Statute concern ordering, soliciting, or inducing the commission of a crime[37] or contributing to the commission or attempted commission of a crime in any other way by a group of persons acting with a common purpose[38]. Finally, the ICC Statute provides a basis for the Court to exercise jurisdiction on other grounds of criminal responsibility, namely certain forms of military-commander responsibility and (other forms of) superior responsibility[39].

To ensure the possibility to apply individual responsibility with respect to war crimes under the ICC Statute, an employment of AI-related technologies — at least where involved in conduct prohibited as war crimes — may arguably need to be susceptible of being assessed with respect to possibly relevant modes of responsibility. For example, it may be extrapolated, concerning situations involving possible facilitation of a war crime under the ICC Statute, that an employment of AI-related technologies may arguably need to permit the ascertainment of the following specific attributes: (i) discernibility of aiding; (ii) discernibility of abetting; and (iii) discernibility of otherwise assisting in the commission or attempted commission of a possibly relevant war crime.

Regarding the general individual-responsibility concept of *penalties*, the ICC Statute provides that the Court may impose imprisonment as well as order a fine or a forfeiture of proceeds, property, and assets derived directly or indirectly from the crime (or both)[40]. To ensure the possibility to apply individual responsibility in respect of war crimes under the ICC Statute, an employment of AI-related technologies — at least one involved in conduct prohibited as war crimes — may arguably need to be susceptible of the imposition of these penalties. This aspect thus concerns the specific attributes of: (i) possibility for a natural person to be imprisoned; (ii) possibility for a natural person to be fined; or (iii) (as relevant) forfeitability of proceeds, property, and assets.

[34] Article 25(3) of the ICC Statute.
[35] Article 25(3)(a) of the ICC Statute.
[36] Article 25(3)(c) of the ICC Statute.
[37] Article 25(3)(b) of the ICC Statute.
[38] Article 25(3)(d) of the ICC Statute.
[39] Article 28 of the ICC Statute.
[40] Article 77(1) of the ICC Statute.

4. Conclusion

One avenue to help identify and address legal concerns regarding the possible employment of AI-related technologies in armed conflict is for international actors to elaborate and share their understandings as to what would constitute a comprehensive list of the general concepts and specific attributes against which those employments should be assessed in order to ensure the applicability of responsibility. Doing so might strengthen the practical capacity of the law to regulate behavior in this area, enhance legal stability, and generate further areas of normative consensus among States.

References

1. Boulanin V., Verbruggen M. *Mapping the Development of Autonomy in Weapons Systems.* 2017. 147 p. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-11/siprireport_mapping_the_development_of_autonomy_in_weapon_systems_1117_1.pdf (accessed 29.04.2020).
2. Ekelhof M., Persi Paoli G. *Swarm Robotics: Technical and Operational Overview of the Next Generation of Autonomous Systems.* Geneva: United Nations Institute for Disarmament Research. 2020. 8 p. URL: https://unidir.org/sites/default/files/2020-04/UNIDIR_Swarms_SinglePages_web.pdf (accessed 29.04.2020).
3. Ekelhof M.A.C. Lifting the Fog of Targeting: "Autonomous Weapons" and human control the lens of military targeting. – *Naval War College Review*. 2018. Vol. 73. No. 3. P. 61–94.
4. Kania E. *"AI Weapons" in China's Military Innovation*. 2020. 23 p. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/04/FP_20200427_ai_weapons_kania_v2.pdf (accessed 29.04.2020).
5. Lewis D.A., Modirzadeh N.K., Blum G. *War-Algorithm Accountability.* 2016. 245 p. URL: https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/28265262/War-Algorithm-Accountability-August-2016.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 29.04.2020).
6. Nasu H., Letts D. The Legal Characterization of Lethal Autonomous Maritime Systems: Warship, Torpedo, or Naval Mine?. – *International Law Studies.* 2020. Vol. 96. P. 79–97.
7. Sassòli M. *International Humanitarian Law: Rules, Controversies, and Solutions to Problems Arising in Warfare.* Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Limited. 2019. 656 p.
8. Sayler K. M. *Artificial Intelligence and National Security. Congressional Research Service. Report No. R45178.* November 21, 2019. 43 p. URL: https://fas.org/sgp/crs/natsec/R45178.pdf (accessed 29.04.2020).
9. Singer T. *Dehumanisierung der Kriegführung: Herausforderungen für das Völkerrecht und die Frage nach der Notwendigkeit menschlicher Kontrolle.* Berlin: Springer. 2018. 551 p.

About the Authors

Dustin Lewis,
LL.M., Research Director, Harvard Law School Program on International Law and Armed Conflict

175J, Massachusetts Avenue Langdell, Cambridge, MA, United States of America, 02138

dlewis@law.harvard.edu
ORCID: 0000-0003-3843-7665

Информация об авторах

Дастин Льюс,
LL.M, руководитель научно-исследовательских работ, Harvard Law School Program on International Law and Armed Conflict

02138, United States of America, Cambridge, MA, Massachusetts Avenue Langdell, 175J

dlewis@law.harvard.edu
ORCID: 0000-0003-3843-7665

МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-65-76

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 12.04. 2020
Принята к публикации: 16.06. 2020

Вячеслав Вячеславович ГАВРИЛОВ
Дальневосточный федеральный университет
Суханова ул., д. 8, Владивосток, 690950, Российская Федерация
Gavrilov.vv@dvfu.ru
ORCID: 0000-0001-7298-2961

Роман Игоревич ДРЕМЛЮГА
Дальневосточный федеральный университет
Суханова ул., д. 8, Владивосток, 690950, Российская Федерация
Dremliuga.ri@dvfu.ru
ORCID: 0000-0003-1607-1228

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЛАВАНИЯ МОРСКИХ СУДОВ БЕЗ ЭКИПАЖА

ВВЕДЕНИЕ. *В статье на основе положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и других правовых документов проанализированы актуальные вопросы текущего и перспективного международно-правового регулирования использования морских автономных надводных судов (МАНС), способных в ближайшее время полностью преобразовать сферу судоходства и международных морских перевозок.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Проблемы, затронутые в работе, структурно подразделены на три основные группы. Первая из них связана с антропоцентризмом права «доцифровой эпохи», т. е. с его неспособностью работать с другими автономными субъектами, кроме людей и различными формами их организации. Вторая определяется специфическими характеристиками самих автономных систем, в числе которых выделяется их недетерминированность и способность к самообучению. Третья группа имеет прямое отношение к правовому обеспечению кибернетической безопасности МАНС в новых условиях.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *При написании работы авторы исходили из того, что проблема распространения действия норм международного морского права на МАНС не может быть решена простым переносом их регулирующего воздействия на новые субъекты (объекты) – системы искусственного интеллекта или сами автономные суда. Подобная переадресация невозможна, поскольку человеческий и искусственный интеллект используют совершенно различные алгоритмы принятия решений.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Основной вывод работы заключается в том, что широкое внедрение МАНС в практику международных морских перевозок станет переломным моментом не только для самого порядка их осуществления, но и для алгоритма правового регулирования этой сферы общественных отношений. Поскольку основным результатом появления автономных судов станет постепенное снижение роли человеческого фактора в управлении ими в пользу искусственного интеллекта и сопутствующих ему автоматизированных систем, международ-*

ное морское право вряд ли сможет продолжать действовать в существующем виде. Потребуется большая работа по адаптации и изменению его норм в соответствии с новыми реалиями «цифровой эпохи» развития человечества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *международное морское право, морские автономные надводные суда, искусственный интеллект, Конвенция ООН по морскому праву, правовое регулирование, кибербезопасность, навигация.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гаврилов В.В., Дремлюга Р.И. 2020. Актуальные вопросы международно-правового регулирования плавания морских судов без экипажа. – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 65–76. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-65-76

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL LAW OF THE SEA

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-65-76

Research article
Received April 12, 2020
Approved June 15 2020

Viatcheslav V. GAVRILOV
Far Eastern Federal University
8, ul. Sukhanova, Vladivostok, Russian Federation, 690950
Gavrilov.vv@dvfu.ru
ORCID: 0000-0001-7298-2961

Roman I. DREMLIUGA
Far Eastern Federal University
8, ul. Sukhanova, Vladivostok, Russian Federation, 690950
Dremliuga.ri@dvfu.ru
ORCID: 0000-0003-1607-1228

KEY ISSUES OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF AUTONOMOUS MARITIME NAVIGATION

INTRODUCTION. *On the basis of provisions of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea and other legal documents, the article analyzes topical issues of the current and future international legal regulation of the use of maritime autonomous surface ships (MASS), which are capable of completely transforming the shipping and international maritime transportation industry in the near future.*

MATERIALS AND METHODS. *The issues raised in the article are structurally divided into three main groups. The first one is connected with the anthropocentrism of the 'pre-digital era' law – that is, with its inability to work with other autonomous subjects except for people and various forms of their organization. The second is determined by specific characteristics of autonomous systems themselves, among which their non-determinism and ability to self-study should be noted. The third group is directly related to the legal support of MASS cybersecurity in the new conditions.*

RESEARCH RESULTS. *When writing the article, the authors proceeded from the fact that the issue of extending the application of international maritime law to MASS cannot be solved by simply transferring its regulatory impact to new subjects (objects) – artificial intelligence systems or autonomous ships themselves. Such a transfer is impossible, since human and artificial intelligence use completely different decision-making algorithms.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The main conclusion of the article is that the widespread integration of MASS into the practice of international maritime transportation will be a turning point not only for the very procedure for its performance, but also for the algorithm of legal regulation of this sphere of public relations. Since the emergence of autonomous ships will mainly result in a gradual decrease of the human component in managing them in favor of artificial intelligence and related automated systems, international law of the sea is unlikely to continue to operate in its current form. It will take a lot of work to adapt and change its norms in accordance with the new realities of the 'digital era' of human development.*

KEYWORDS: *international law of the sea, maritime autonomous surface ships, artificial intelligence, UN Convention on the Law of the Sea, legal regulation, cybersecurity, navigation*

FOR CITATION: Gavrilov V.V., Dremliuga R.I. Key Issues of International Legal Regulation of Autonomous Maritime Navigation. – *Moscow Journal of International Law.* 2020. No 2. P. 65–76. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-65-76

ACKNOLEGMENTS: *The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 18-29-16129.*

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Одной из ключевых особенностей нашего времени является широкое использование искусственного интеллекта (ИИ) во всех сферах общественной жизни. Автономные электронные системы сегодня пишут стихи и песни, выдают кредиты, диагностируют заболевания и учат детей. Современную жизнь трудно представить себе без социальных сетей, виртуальных помощников и других специализированных ИИ, обеспечивающих качественно новое социально-культурное и производственно-технологическое развитие человечества в XXI веке.

По общему признанию одним из наиболее перспективных направлений применения искусственного интеллекта в экономике ближайшего будущего станет его широкое использование в национальных и международных системах беспилотного автомобильного транспорта. По прогнозам экспертов, уже к 2023 году количество самоуправляемых машин достигнет 700 тысяч единиц, а в 2025 году объем их продаж превысит 40 % мирового рынка легковых автомобилей. Кроме того, планируется, что к 2035 году в стоимостном выражении ежегодные продажи беспилотных транспортных средств вырастут до 364 млрд долларов США, а в количественном до 30 млн единиц[1]. При этом основными рынками ускоренного внедрения автономного вождения станут США, Китай и Европа, где уже сегодня серьезно задумываются над решением не только технических, но и юридических вопросов использования ИИ в транспортных системах[2].

Однако несравненно более масштабные перспективы в этом направлении имеет морской транспорт, на долю которого сегодня приходится 90 % всего объема международных перевозок[3]. Использование автономных транспортных средств в этой сфере способно принести огромную экономическую выгоду за счет существенного снижения как случаев аварийности на море,

[1] См.: Беспилотные автомобили (мировой рынок). Доступ: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Беспилотные_автомобили_(мировой_рынок)#.D0.98.D1.81.D1.81.D0.BB.D0.B5.D0.B4.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D0.B5_Frost_.26_Sullivan (дата обращения: 22.03.2020).

[2] См., например: U.S. Department of Transportation: Federal Automated Vehicles PolicySeptember 2016. URL: http://www.transportation.gov/AV/federal-automated-vehicles-policy-september-2016 (accessed 22.03.2020).

[3] См.: Морские перевозки – особенности и полезная информация. – *Reartek*. 01.07.2018. Доступ: https://www.reartek.com/how-to-choose-a-company/ (дата обращения: 25.03.2020).

так и затрат на оплату труда судовой команды и других связанных с ней расходов[4].

Автономному судну не нужны помещения под жилые каюты, рабочие отсеки и места общего пользования. Поэтому его проектирование и строительство обойдутся гораздо дешевле. Указанная экономия пространства должна также уменьшить объем потребляемого топлива, так как судно станет легче. Энергозатраты снизятся и благодаря отсутствию необходимости поддерживать жизнедеятельность человека на корабле в ходе плавания. Отсюда очевидно, что постепенная замена традиционных судов автономными – это один из наиболее перспективных путей повышения экономической эффективности и безопасности мореплавания в целом и морских перевозок грузов в частности.

Из-за своих очевидных преимуществ технологии беспилотного мореплавания не могли не попасть в сферу интересов разработчиков морских военных и торговых судов. Поэтому сегодня многие из них уже активно используются в прибрежном мореплавании. Так, например, в конце 2018 г. компания Rolls-Royce успешно провела испытание первого полностью автономного морского парома, предназначенного для навигации у южных берегов Финляндии[5]. Наметившиеся тенденции развития беспилотных технологий были восприняты и в портовом кластере, в рамках которого в разных странах мира уже активно создается инфраструктура для автономных судов[6].

Вместе с тем, несмотря на всю свою перспективность, идея практического внедрения беспилотных морских перевозок сталкивается сегодня с рядом препятствий, перечень которых не ограничивается только техническими или финансовыми проблемами. Не меньшую значимость в их ряду имеет вопрос о надлежащей правовой базе, способной обеспечить адекватное регулирование отношений с участием ИИ в качестве «цифрового капитана» судна, и о том, насколько автономные суда отвечают требованиям современного международного морского права [Chircop 2017; Veal, Tsimplis 2019].

2. Понятие морского автономного надводного судна

Практическую значимость этого вопроса подчеркивает тот факт, что еще в марте 2017 г. Комитетом по безопасности на море (КБМ) Международной морской организации (ИМО) было зарегистрировано обращение ряда ее государств-членов, содержащее информацию о перспективных возможностях развития автоматизации морских судов, а также использования цифровизации и информационных технологий в процессе их строительства и эксплуатации. При этом ключевым для данного документа стал тезис о том, что в условиях неуклонного развития современных технологий задача ИМО должна заключаться в их встраивании в существующую нормативно-правовую базу таким образом, чтобы обеспечить их повсеместное эффективное применение, с одной стороны, и не допустить принятия на национальном и (или) региональном уровнях решений, ограничивающих такую возможность, с другой[7].

В результате детального обсуждения этого вопроса Комитет согласился с тем, что ИМО «должна предпринимать активные действия и взять на себя ведущую роль в данном вопросе», а также принял решение о включении в повестку дня КБМ на период 2018–2019 гг. вопроса об «Исследованиях по определению регулятивной сферы для использования морских автономных надводных судов (МАНС)» с намеченным сроком выполнения в 2020 году[8]. Необходимость интеграции новых технологий в морское судоходство

[4] См.: Meling P. What are the benefits of adopting autonomy technology for the maritime industry?. – *ShipInsight*. November 5, 2019. URL: https://shipinsight.com/articles/what-are-the-benefits-of-adopting-autonomy-technology-for-the-maritime-industry (accessed 25.03.2020).

[5] См.: Baron J. Rolls Royce's Autonomous Ship Gives Us a Peek into The Future of Sea Transport. – *Forbes*. January 7, 2019. URL: https://www.forbes.com/sites/jessicabaron/2019/01/07/rolls-royces-autonomous-ship-gives-us-a-peek-into-the-future-of-sea-transport/#77ac6fa6659f (accessed 25.03.2020).

[6] См., например: How should ports prepare for autonomous shipping? – *Ship Tecnology*. December 3, 2018. URL: https://www.ship-technology.com/features/ports-autonomous-shipping/ (accessed 25.03.2020).

[7] См.: Maritime Organization: Maritime Safety Committee 98th session. Agenda item 22. March 28, 2017. URL: http://www.crs.hr/Portals/0/docs/eng/imo_iacs_eu/imo/msc_reports/MSC%2098-23%20-%20MSC%2098%20report.pdf?ver=2017-08-31-103755-450 (accessed 28.03.2020).

[8] См.: International Maritime Organization: Maritime Safety Committee 98th session. Agenda item 23. June 28, 2017. Para. 20. URL: http://www.imla.co/sites/default/files/msc_98-23_-_report_of_the_maritime_safety_committee_on_itsninety-eighth_session_secretariat.pdf (accessed 28.03.2020).

и их учета в нормативно-правовой базе ИМО была также подчеркнута в Стратегическом плане развития Международной морской организации на период 2018–2023 гг.[9]

Здесь необходимо оговориться, что в научной литературе и нормативных актах до сих пор не выработано единого термина в отношении определения самого понятия автономных морских судов. Поэтому в различных источниках они могут называться по-разному: «беспилотные надводные корабли», «роботизированные суда», «корабли без экипажа», «автоматизированные суда» и т. п. Указанное обстоятельство вносит серьезную путаницу в дело дальнейшего правового регулирования отношений с участием МАНС, так как его эффективность в значительной степени зависит от терминологической ясности и последовательности в определении понятия этой ключевой категории.

Не стоит забывать и о том, что понимание содержания термина «автономность» также может быть различным. Поэтому сегодня автономным может быть признано как судно, обладающее функцией автоматического определения своего курса или обеспечения бесперебойной работы собственных двигателей, так и корабль, способный самостоятельно ходить по морю без капитана и команды на борту при помощи автоматизированной системы управления или береговых средств дистанционного контроля.

Указанное обстоятельство было отмечено ИМО, выделившей четыре степени автономности морских надводных судов. Первая из них характерна для кораблей с частичной автоматизацией текущих процессов и операций, а также наличием инструментов поддержки принятия решений, которые вырабатываются командой, находящейся на борту. Транспортные средства второй степени автономности могут управляться дистанционно, но моряки на них также присутствуют. Отличительной чертой судов третьей группы также является возможность дистанционного управления ими, но уже без команды на борту. Наконец, корабли высшей, четвертой степени автономности характеризуются наличием на них операционной системы, способной самостоятельно принимать решения и совершать другие значимые действия[10].

Принимая во внимание указанное обстоятельство, Международная морская организация предложила для целей последующего нормативного регулирования определять МАНС как суда, «способные функционировать на различных уровнях независимости от взаимодействия с человеком»[11]. Из этого следует, что нельзя поставить знак равенства между терминами «автономное» и «беспилотное» судно, так как не всякое МАНС должно быть обязательно без команды на борту. В то же время тенденция постепенного сокращения «человеческого вмешательства» в управление движением судна и в осуществление различных производственных операций на его борту прослеживается, в данном случае, достаточно четко.

С точки зрения технических областей знания любая автономная система независимо от сферы ее применения неразрывно связана с понятием «искусственный интеллект», который, по сути, является сложной компьютерной программой, анализирующей среду и принимающей решения за человека [Rashidi et al. 2019; Fagnant, Kockelman 2014; Egeland 2016]. Современные системы ИИ отличает высокая степень сложности, что превращает их в непрозрачную систему (в технической литературе «черный ящик» (англ. – black box)) даже для разработчика [Levy 2019]. Кроме того, такие системы могут самообучаться, а значит, их реакция на определенные события окружающего мира может со временем меняться.

Все эти характеристики распространяются и на системы управления автономных судов. Поэтому с технической точки зрения МАНС можно определить как суда, на которых часть навигационных или других решений принимается ИИ независимо от человека. При этом корабли, которые долгое время могут функционировать без человеческого вмешательства и (или) контроля, принято называть «полностью автономными» (англ. – Full autonomous ship). В данной статье акцент будет сделан на проблемах правового регулирования статуса и отношений с участием

[9] См.: International Maritime Organization: Strategic Plan for the Organization for the Six-Year Period 2018 to 2023. December 8, 2017. URL: https://www.liscr.com/sites/default/files/liscr_imo_resolutions/A%2030-Res.1110%20-%20Strategic%20Plan%20For%20The%20OrganizationFor%20The%20Six-Year%20Period%202018%20To%202023%20(Secretariat).pdf (accessed 28.03.2020).

[10] См.: IMO takes first steps to address autonomous ships. Briefing. May 25, 2018. URL: http://www.imo.org/en/MediaCentre/PressBriefings/Pages/08-MSC-99-MASS-scoping.aspx (accessed 28.03.2020).

[11] Ibid.

именно этой категории МАНС, так как с юридической точки зрения в некоторых аспектах они существенно отличаются от «обычных» судов или судов с низкой степенью автономности.

3. Проблемы правового регулирования отношений с участием МАНС

Принимая во внимание это обстоятельство, проблемы, возникающие в процессе правового регулирования автономного судоходства, можно условно разделить на три группы. Первая из них связана с антропоцентризмом права «доцифровой» эпохи, т. е. с его неспособностью работать с другими автономными субъектами, кроме людей и различных форм их организации (юридическими лицами, общественными организациями, государством и др.) [Chesterman 2020: 248-250]. Вторая определяется самими характеристиками современных автономных систем ИИ: его недетерминированностью, самообучаемостью и т. п. Третий блок проблем имеет прямое отношение к правовому обеспечению физической и кибернетической безопасности МАНС в новых условиях.

3.1. МАНС и антропоцентризм современного международного морского права

В рамках первой группы ключевым является ответ на вопрос о том, являются ли МАНС собственно судами в контексте современного международного морского права, и могут ли его нормы распространять свое действие на отношения с их участием? Многие исследователи полагают, что ответ на этот вопрос должен быть положительным. Так, например, Дж. Краска считает, что категории морского права, «используемые для определения таких терминов, как «корабль» или «судно», могут быть также применимы к беспилотным системам на море… В большинстве случаев правила, регулирующие отношения с участием надводных кораблей, подводных лодок и самолетов, управляемых людьми, применяются *mutatis mutandis* к беспилотным системам, работающим в той же области» [Kraska 2010: 50]. Другие авторы, поддерживая эту точку зрения, отмечают, что Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (Конвенция 1982 г.) не называет команду корабля необходимым элементом юридического понятия «судно». Поэтому «положения Конвенции о правах и обязанностях государств в области международного транспорта также применимы к беспилотным кораблям» [Lafte, Jafarzad 2018: 333].

Известный канадский юрист-международник А. Киркоп, который провел детальный анализ более десятка других многосторонних договоров, принятых в области международного морского права, также не обнаружил в них жесткой связи между понятием «судно» и необходимостью наличия на нем команды. «В большинстве случаев, – отмечает он, – термин «судно» определяется в этих соглашениях путем перечисления его специальных характеристик и (или) конкретных функций, которые оно выполняет» [Chircop 2017: 116-117]. Тем не менее, А. Киркоп справедливо полагает, что многие источники международного морского права, не предусматривая императивной необходимости присутствия команды на судне для подтверждения его юридического статуса, исходят из предположения наличия людей на борту в процессе осуществления им навигации, стоянки в порту, реагирования на форс-мажорные обстоятельства, правонарушения и т. п. [Chircop 2017: 118].

Другими словами, антропоцентризм международного морского права, не проявляясь напрямую на уровне юридического понятия морского судна, достаточно четко ощущается при формулировании юрисдикционных полномочий государства флага, прибрежного государства или государства порта в его отношении.

За примерами здесь далеко ходить не надо. Например, п. 1. ст. 94 Конвенции 1982 г. возлагает на государство обязанность по эффективному осуществлению в административных, технических и социальных вопросах своей юрисдикции и контроля над судами, плавающими под его флагом. При этом, однако, п. 4 (b) этой же статьи устанавливает, что в рамках этой деятельности прибрежное государство должно обеспечить, чтобы «каждое судно возглавлялось капитаном и офицерами соответствующей квалификации, в частности, в области судовождения, навигации, связи и судовых машин и оборудования, а экипаж по квалификации и численности соответствовал типу, размерам, механизмам и оборудованию судна»[12]. Таким образом, базовой обязанностью государств – участников Конвенции 1982 г. в отношении судов, плавающих под

[12] Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. Доступ: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 06.04.2020).

их флагом, является обеспечение их нахождения под контролем людей определенной квалификации и подготовки. Еще более жесткие правила на этот счет встречаются в ст. 29 Конвенции 1982 г., которая содержит определение военного корабля. В соответствии с этой статьей такое судно должно находиться «под командованием офицера, который состоит на службе правительства» соответствующего государства и «иметь экипаж, подчиненный регулярной военной дисциплине».

На первый взгляд может показаться, что наличие таких требований в Конвенции 1982 г. делает ее положения неприменимыми к МАНС или, по крайней мере, к автономным военным кораблям. На такую трактовку ее норм уже, в частности, ссылался Китай во время спора с США по поводу задержания его беспилотного судна в Южно-Китайском море [United States Confronts… 2017]. Однако более детальный анализ ситуации показывает, что положения Конвенции 1982 г. в данном случае могут быть истолкованы и другим образом.

Здесь сразу необходимо оговориться, что, по нашему мнению, было бы неправильным считать, что проблема распространения действия норм международного морского права, оговаривающих необходимость человеческого «присутствия» на борту, на МАНС может быть решена простым переносом регулирующего воздействия этих норм на новые субъекты (объекты) – системы ИИ или сами автономные суда. Подобная переадресация невозможна хотя бы потому, что человеческий и искусственный интеллект используют совершенно различные алгоритмы принятия решений. Поэтому, очевидно, что в перспективе общественные отношения с участием полностью автономных морских судов должны будут регулироваться на принципиально иной правовой основе с возможным выделением ИИ в качестве самостоятельного субъекта.

Пока же в качестве капитана и команды корабля, применительно к МАНС высокой степени автономности, некоторые исследователи предлагают рассматривать не людей, находящихся на борту соответствующего судна, а группы специалистов, осуществляющих удаленный контроль за его навигацией. «Физическое местонахождение экипажа обычно не рассматривается в существующих конвенциях ИМО, – подчеркивает Х. Рингбом, – поэтому некоторые ключевые функции, включая навигационные решения и требования к связи, могут выполняться удаленно, не слишком сильно конфликтуя с существующими правилами, при условии, что технические характеристики эквивалентны» [Ringbom 2019: 156-157]. А. Киркоп также считает, что «если главная цель требования об укомплектовании экипажем заключается в обеспечении надлежащей эксплуатации и навигации судна, то можно утверждать, что МАНС можно эксплуатировать дистанционно или автономно в той же степени, что и пилотируемое судно, если будут соблюдены условия безопасности мореплавания и охраны окружающей среды» [Chircop 2017: 120].

Подобное расширенное толкование Конвенции 1982 г. и других соглашений, принятых в области международного морского права, в меньшей степени может быть применимо к ситуациям, когда речь идет об отношениях с участием третьих лиц, например, об обязанности капитана оказывать помощь терпящим бедствие, предусмотренной п. 1 ст. 98 Конвенции 1982 г. И дело здесь даже не в технических сложностях, возникающих в процессе использования МАНС в этих целях, а в потенциальном конфликте итоговых решений, которые могут быть приняты человеком и ИИ в подобных случаях.

Статья 98 Конвенции 1982 г. устанавливает, что капитан должен осуществлять свою обязанность по спасению, «не подвергая серьезной опасности судно, экипаж или пассажиров». Капитан будет оценивать такую опасность, исходя из общей оценки сложившейся ситуации, личного опыта и, не в последнюю очередь, интуиции. Логику рассуждений «стоящей у штурвала» судна автономной системы ИИ просчитать будет гораздо труднее, так как непонятно, как ею в данном случае будет интерпретировано само понятие «серьезная опасность». Например, будет ли она иметь место в случае, когда ценой спасения судна с 2000 пассажирами на борту будет 10 % вероятность гибели самого МАНС? А 50-процентная? Необходимость такого выбора может возникнуть и в случае отсутствия угрозы жизни людей. Например, что в конкретной ситуации автономная система управления посчитает более опасным: потерю груза стоимостью 1 000 000 долларов США или разлив в море 1 000 баррелей нефти?

В области автономного автомобильного автотранспорта такая дилемма получила название «проблема вагонетки» (англ. – trolley problem) [Wu 2020]. Она исходит из того, что принятие решений искусственным интеллектом в критической ситуации подразумевает сложный этический выбор. При управлении транспортным

средством человеком такой проблемы не возникает из-за ограниченности его возможностей по обработке информации. От человека требуется лишь следовать установленным процедурам и соблюдать правила.

Тщательное изучение норм международного морского права показывает, что решение проблемы распространения их действия на МАНС не может быть достигнуто за счет их расширительного толкования и определения в качестве членов команды специалистов, осуществляющих удаленное управление кораблем, и в целом ряде других случаев. Одним из таких примеров являются положения ст. 220 Конвенции 1982 г., предусматривающей право прибрежного государства принимать принудительные меры в отношении судна, которое нарушает его законы или международные нормы о предотвращении загрязнения с судов, если такое нарушение совершено в территориальном море или исключительной экономической зоне. Принимая подобные меры в отношении МАНС, прибрежное государство почти наверняка столкнется с необходимостью получения ответа на вопрос, стоит ли человек за таким нарушением и, если да, то как оно будет осуществлять юрисдикцию в отношении физического или юридического лица, находящегося за пределами его территориальной юрисдикции? Подобные проблемы неизбежны и при применении ст. 218 Конвенции 1982 г., предоставляющей прибрежному государству сходные права по проведению расследований в отношении судов за нарушение ими международных стандартов, установленных через компетентную международную организацию.

Отсутствие команды на борту МАНС может также усложнить или даже сделать неразрешимой ситуацию, когда в отношении автономного корабля в соответствии с международным морским правом должны проводиться действия по его физическому осмотру, проверке документов о состоянии судна, даче запроса и получению разрешения о предоставлении убежища, осуществлению швартовки или лоцманской проводки МАНС в водах другого государства, предупреждению столкновения судов, загрязнения окружающей среды и т. п. Очевидно, что регулирование подобных процедур на международном уровне должно осуществляться при помощи новых международно-правовых соглашений или по меньшей мере норм международного морского права, вносящих изменения в соглашения действующие.

Изложенное выше позволяет прийти к промежуточному выводу о том, что «цифровая революция» и появление автономных надводных судов достаточно остро поставили перед доктриной и практикой международного морского права вопрос о том, в какой степени его регулятивные рамки применимы сегодня к эксплуатации на море транспортных средств, управляемых ИИ, а в какой они нуждаются в корректировке или даже полной модификации с тем, чтобы обеспечить распространение на МАНС тех навигационных прав и юрисдикционных полномочий, которыми обладают сегодня обычные суда с человеческой командой на борту. Поиск ответа на него потребует объединения усилий большого количества исследователей различных специальностей ведущих морских держав мира, так как только в этом случае может быть выработано решение, отвечающее интересам всех заинтересованных субъектов и адекватно отражающее ключевые особенности регулирования отношений с участием ИИ[13]. Причем необходимость учета последних в обновленном регулятивном механизме должно иметь не декларативное, а основополагающее значение, способное изменить само существо такого регулирования.

3.2. Специфика МАНС как потенциального субъекта правоотношений

Современные системы искусственного интеллекта в большинстве своем основываются не на жестко прописанных правилах, а на алгоритмах, способных в процессе решения задачи вырабатывать неоптимальные для традиционных схем правового регулирования эвристические решения [Lazarowska 2019].

Кроме того, не следует забывать, что для повышения эффективности управляющих систем МАНС в процессе решения ими сложных задач навигации в непредсказуемой морской среде многие исследователи предлагают использовать для этих целей автономные системы, основанные на методах «машинного обучения» [Scheidweiler et al. 2019; Wright 2019]. В этом слу-

[13] Именно поэтому в рамках данной статьи не представляется возможным дать сколько-нибудь детальный ответ на вопрос о том, какие источники современного международного морского права в результате появления МАНС должны быть по-новому истолкованы, какие потребуют изменений, а какие должны быть разработаны «с нуля».

чае, однако, достигнув цели адаптации МАНС к функционированию в сложной среде реального мира, человечество может столкнуться с проблемой утраты контроля за процессом обучения их ИИ, который станет заниматься этим самостоятельно и превратится для внешнего наблюдателя в ту самую непрозрачную систему или «черный ящик», о которых говорилось выше. При таких условиях первичный разработчик системы ИИ МАНС сможет только с некоторой долей вероятности сказать о перспективах ее поведения в тех условиях, которые он имитировал на начальных этапах обучения. Кроме того, самообучающаяся система с течением времени может по-разному реагировать на одинаковые события внешнего мира [Wang et al. 2019].

Очевидно, что подобная специфика функционирования и недетерминированность поведения систем ИИ, которые с неизбежностью проявятся в перспективных моделях МАНС, потребуют особого подхода к регулированию отношений с их участием, а также разработки новых стандартов тестирования и эксплуатации судов, в которые они будут интегрированы.

3.3. Обеспечение кибернетической безопасности эксплуатации МАНС

Эффективность использования автономных судов в международных морских перевозках напрямую зависит от корректности работы их электронных систем, которые могут стать мишенью для хакеров. Поэтому с внедрением МАНС следует ожидать обострения проблемы обеспечения их кибербезопасности [McGillivary 2018]. Такая перспектива закономерна, так как кибервзлом автономного судна способен предоставить злоумышленникам доступ к его компьютерным сетям, результатом чего может стать получение ими полного контроля над МАНС[14].

Реальность указанной угрозы свидетельствует о необходимости разработки специального международного договора, который бы поставил заслон на пути совершения такого рода противоправных деяний, так как при отсутствии согласованных заинтересованными государствами правовых механизмов, применяемых в этой области, преступники могут сознательно выбирать наиболее безопасную в этом отношении национальную юрисдикцию и, тем самым, минимизировать для себя возможные негативные правовые последствия.

Конечно, на начальном этапе для решения этой задачи могут быть использованы положения Будапештской конвенции о киберпреступности 2001 г. Но ее значение в решении этого вопроса будет носить только временный и переходный характер, так как, во-первых, это международно-правовое соглашение направлено на решение более общих задач борьбы с преступлениями, совершаемыми через Интернет, и, во-вторых, к настоящему времени его подписали только страны Европейского Союза и Северной Америки, которые не представляют все ведущие морские державы[15].

Однако, решение проблемы кибербезопасности автономных судов – это не только привлечение к ответственности виновных за посягательства на компьютерные системы или компьютерную информацию. В значительной степени указанная деятельность заключается также в установлении и осуществлении контроля за соблюдением единых минимальных стандартов, предъявляемых к киберсистемам МАНС в целях обеспечения безопасности морской навигации.

При этом нельзя сказать, что у Международной морской организации нет никакого опыта решения этих вопросов. В ее рамках несколько лет назад был разработан сначала временный[16], а потом постоянный стандарт для оценки рисков кибербезопасности[17]. Однако эти документы не содержали упоминания о МАНС, и поэтому некоторые специалисты считают, что большая

[14] См.: Murray M. Worried about cyber pirates hijacking autonomous ships? Focus on port cybersecurity first. – *HelpNetSecurity*. August 27, 2019. URL: https://www.helpnetsecurity.com/2019/08/27/hijacking-autonomous-ships/ (accessed 06.04.2020).

[15] См.: Будапештская конвенция от 23 ноября 2001 г. Доступ: https://www.coe.int/ru/web/impact-convention-human-rights/convention-on-cybercrime#/ (дата обращения: 06.04.2020).

[16] См.: International Maritime Organization: Interim guidelines on maritime cyber risk management. June 1, 2016. URL: http://www.imo.org/en/OurWork/Security/Guide_to_Maritime_Security/Documents/MSC.1-CIRC.1526%20(E).pdf (accessed 06.04.2020).

[17] См.: International Maritime Organization: Guidelines on maritime cyber risk management. July 5, 2017. URL: http://www.imo.org/en/OurWork/Facilitation/docs/FAL%20related%20nonmandatory%20instruments/MSC-FAL.1-Circ.3.pdf (accessed 06.04.2020).

часть вопросов, связанных с автономным судоходством, данными документами не может быть урегулирована [Katsikas 2017].

Указанный пример показывает, что ИМО пока не в полной мере отреагировало на вызовы «цифровой революции», ясно продемонстрировавшие необходимость адекватного международно-правового регулирования и стандартизации рисков кибербезопасности применительно к МАНС. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что речь в данном случае идет о сфере общественных отношений, изменения в которой происходят очень быстро. Тем не менее запоздание с правовым регулированием отношений в этой области на 3–5 лет может привести к тому, что автономные суда станут крайне уязвимыми для хакерских атак на первых этапах своего практического применения. Поэтому не исключено, что если в ближайшем будущем международно-правовой документ по обеспечению кибербезопасности МАНС не будет разработан, то мы рискуем столкнуться с ситуацией, когда автономные суда будут использоваться хакерами для перевозки незаконных грузов, хранения нелегальной информации или в качестве базы для взлома других морских и наземных компьютерных систем [Kavallieratos, Katsikas 2019].

4. Заключение

Суммируя изложенное выше, можно смело утверждать, что широкое внедрение МАНС в практику международных морских перевозок станет переломным моментом не только для самого порядка их осуществления, но и для алгоритма правового регулирования этой сферы общественных отношений. Поскольку основным результатом появления автономных судов станет постепенное снижение роли человеческого фактора в управлении ими в пользу искусственного интеллекта и сопутствующих ему автоматизированных систем, международное морское право вряд ли сможет продолжать действовать в существующем виде. Потребуется большая работа по адаптации и изменению его норм в соответствии с новыми реалиями «цифровой эпохи» развития человечества. В рамках этой деятельности основной упор должен быть сделан на упреждающее правовое регулирование соответствующих механизмов и процедур с тем, чтобы предотвратить хаотичное и непредсказуемое использование автономных систем ИИ на морском транспорте и заложить единые правовые основы для дальнейшей разработки национального законодательства в этой области.

Список литературы

1. Chesterman S. 2020. Artificial Intelligence and the Problem of Autonomy – *Notre Dame Journal on Emerging Technologies*. Vol. 1. Issue 2. P. 211-250.
2. Chircop A. 2017. Testing international legal regimes: The advent of automated commercial vessels. – *German Yearbook of International Law*. Vol. 60. P. 109-142.
3. Egeland K. 2016. Lethal Autonomous Weapon Systems under International Humanitarian Law. – *Nordic Journal of International Law*. Vol. 85. Issue 2. P. 89-118. DOI: https://doi.org/10.1163/15718107-08502001
4. Fagnant D., Kockelman K.M. 2014. The Travel and Environmental Implications of Shared Autonomous Vehicles, Using Agent-Based Model Scenarios. – *Transportation Research Part C: Emerging Technologies*. Vol. 40. P. 1-13. DOI: https://doi.org/10.1016/j.trc.2013.12.001
5. Katsikas S.K. 2017. Cyber Security of the Autonomous Ship. – *Proceedings of the 3rd ACM Workshop on Cyber-Physical System Security – CPSS '17*. Abu Dhabi. P. 55-56. DOI: http://dx.doi.org/10.1145/3055186.3055191
6. Kavallieratos G., Katsikas S., Gkioulos V. 2019. Cyber-Attacks Against the Autonomous Ship. – *Computer Security. SECPRE 2018, CyberICPS 2018. Lecture Notes in Computer Science.* Ed. by S. Katsikas [et al.]. Vol 11387. Cham: Springer. P. 20-36. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-12786-2_2
7. Kraska J. 2010. The Law of Unmanned Naval Systems in War and Peace – *Journal of Ocean Technology*. Vol. 5. Issue 3. P. 44-68.
8. Lafte M.B., Jafarzad O., Ghahfarokhi N.M. 2018. International navigation rules governing the unmanned vessels. – *Research in Marine Sciences*. Vol. 3. Issue 2. P. 329-341.
9. Lazarowska A. 2019. Research on algorithms for autonomous navigation of ships. – *WMU Journal of Maritime Affairs*. Vol. 18. Issue 2. P. 341-358. DOI: https://doi.org/10.1007/s13437-019-00172-0
10. Levy R. 2019. The Black Box Problem. – *RUSI Journal*. Vol. 164. Issue 5. P. 82-87.
11. McGillivary P. 2018. Why Maritime Cybersecurity Is Policy Priority and How It Can an Ocean Be Addressed – *Marine Technology Society Journal*. Vol. 52. Issue 5. P. 44-57. DOI: https://doi.org/10.4031/MTSJ.52.5.11
12. Rashidi T.H. [et al.]. 2020. What we know and do not know about connected and autonomous vehicles. – *Transportmetrica A: Transport Science*. Vol. 16. Issue 3. P. 987-1029. DOI: https://doi.org/10.1080/23249935.2020.1720860
13. Ringbom H. 2019. Regulating Autonomous Ships – Concepts, Challenges and Precedents. – *Ocean Development and International Law*. Vol. 50. Issue 2-3. P. 141-169. DOI: https://doi.org/10.1080/00908320.2019.1582593
14. Scheidweiler T [et al.]. Dynamic 'Standing Orders' for Autonomous Navigation System by means of Machine Learning. – *Journal of Physics: Conference Series*. 2019. Vol. 1357. DOI: https://doi.org/10.1088/1742-6596/1357/1/012046. URL: https://iopscience.iop.org/

article/10.1088/1742-6596/1357/1/012046/pdf (accessed 25.03.2020).
15. United States Confronts China over Seizure of Unmanned Drone in the South China Sea. 2017. – *American Journal of International Law.* Vol. 111. Issue 2. P. 513-517. DOI: https://doi.org/10.1017/ajil.2017.33
16. Veal R., Tsimplis M., Serdyc A. 2019. The legal status and operation of unmanned maritime vehicles. – *Ocean Development and International Law.* Vol. 50. Issue 1. P. 23-48. DOI: https://doi.org/10.1080/00908320.2018.1502500
17. Wang C. [et al]. 2019. Path Planning of Maritime Autonomous Surface Ships in Unknown Environment with Reinforcement Learning. – *Cognitive Systems and Signal Processing. ICCSIP 2018. Communications in Computer and Information Science.* Ed. by F. Sun, H. Liu, D. Hu. Vol. 1006. Singapore: Springer. P. 127-137. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-13-7986-4_12
18. Wright R.W. 2019. Intelligent Autonomous Ship Navigation using Multi-Sensor Modalities. – *International Journal of Marine Navigation and Safety of Sea Transportation.* Vol. 13. Issue 3. P. 503-510. DOI: https://doi.org/10.12716/1001.13.03.03
19. Wu S.S. 2020. Autonomous vehicles, trolley problems, and the law. – *Ethics and Information Technology.* Vol. 22. No. 1. P. 1-13. DOI: https://doi.org/10.1007/s10676-019-09506-1

References

1. Chesterman S. Artificial Intelligence and the Problem of Autonomy – *Notre Dame Journal on Emerging Technologies.* 2020. Vol. 1. Issue 2. P. 211-250.
2. Chircop A. Testing international legal regimes: The advent of automated commercial vessels. – *German Yearbook of International Law.* 2017. Vol. 60. P. 109-142.
3. Egeland K. Lethal Autonomous Weapon Systems under International Humanitarian Law. – *Nordic Journal of International Law.* 2016. Vol. 85. Issue 2. P. 89-118. DOI: https://doi.org/10.1163/15718107-08502001
4. Fagnant D., Kockelman K.M. The Travel and Environmental Implications of Shared Autonomous Vehicles, Using Agent-Based Model Scenarios. – *Transportation Research Part C: Emerging Technologies.* 2014. Vol. 40. P. 1-13. DOI: https://doi.org/10.1016/j.trc.2013.12.001
5. Katsikas S.K. Cyber Security of the Autonomous Ship. – *Proceedings of the 3rd ACM Workshop on Cyber-Physical System Security – CPSS '17.* Abu Dhabi. 2017. P. 55-56. DOI: http://dx.doi.org/10.1145/3055186.3055191
6. Kavallieratos G., Katsikas S., Gkioulos V. Cyber-Attacks Against the Autonomous Ship. – *Computer Security. SECPRE 2018, CyberICPS 2018. Lecture Notes in Computer Science.* Ed. by S. Katsikas [et al.]. Vol 11387. Cham: Springer. 2019. P. 20-36. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-12786-2_2
7. Kraska J. The Law of Unmanned Naval Systems in War and Peace – *Journal of Ocean Technology.* 2010. Vol. 5. Issue 3. P. 44-68.
8. Lafte M.B., Jafarzad O., Ghahfarokhi N.M. International navigation rules governing the unmanned vessels. – *Research in Marine Sciences.* 2018. Vol. 3. Issue 2. P. 329-341.
9. Lazarowska A. Research on algorithms for autonomous navigation of ships. – *WMU Journal of Maritime Affairs.* 2019. Vol. 18. Issue 2. P. 341-358. DOI: https://doi.org/10.1007/s13437-019-00172-0
10. Levy R. The Black Box Problem. – *RUSI Journal.* 2019. Vol. 164. Issue 5. P. 82-87.
11. McGillivary P. Why Maritime Cybersecurity Is Policy Priority and How It Can an Ocean Be Addressed – *Marine Technology Society Journal.* 2018. Vol. 52. Issue 5. P. 44-57. DOI: https://doi.org/10.4031/MTSJ.52.5.11
12. Rashidi T.H. [et al.]. What we know and do not know about connected and autonomous vehicles. – *Transportmetrica A: Transport Science.* 2020. Vol. 16. Issue 3. P. 987-1029. DOI: https://doi.org/10.1080/23249935.2020.1720860
13. Ringbom H. Regulating Autonomous Ships – Concepts, Challenges and Precedents. – *Ocean Development and International Law.* 2019. Vol. 50. Issue 2-3. P. 141-169. DOI: https://doi.org/10.1080/00908320.2019.1582593
14. Scheidweiler T [et al.]. Dynamic 'Standing Orders' for Autonomous Navigation System by means of Machine Learning. – *Journal of Physics: Conference Series.* 2019. Vol. 1357. DOI: https://doi.org/10.1088/1742-6596/1357/1/012046. URL: https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1357/1/012046/pdf (accessed 25.03.2020).
15. United States Confronts China over Seizure of Unmanned Drone in the South China Sea. – *American Journal of International Law.* 2017. Vol. 111. Issue 2. P. 513-517. DOI: https://doi.org/10.1017/ajil.2017.33
16. Veal R., Tsimplis M., Serdyc A. The legal status and operation of unmanned maritime vehicles. – *Ocean Development and International Law.* 2019. Vol. 50. Issue 1. P. 23-48. DOI: https://doi.org/10.1080/00908320.2018.1502500
17. Wang C. [et al]. Path Planning of Maritime Autonomous Surface Ships in Unknown Environment with Reinforcement Learning. – *Cognitive Systems and Signal Processing. ICCSIP 2018. Communications in Computer and Information Science.* Ed. by F. Sun, H. Liu, D. Hu. Vol. 1006. Singapore: Springer. 2019. P. 127-137. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-13-7986-4_12
18. Wright R.W. Intelligent Autonomous Ship Navigation using Multi-Sensor Modalities. – *International Journal of Marine Navigation and Safety of Sea Transportation.* 2019. Vol. 13. Issue 3. P. 503-510. DOI: https://doi.org/10.12716/1001.13.03.03
19. Wu S.S. Autonomous vehicles, trolley problems, and the law. – *Ethics and Information Technology.* 2020. Vol. 22. No. 1. P. 1-13. DOI: https://doi.org/10.1007/s10676-019-09506-1

Информация об авторах

Вячеслав Вячеславович Гаврилов,
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного публичного и частного права, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет

690950, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Gavrilov.vv@dvfu.ru
ORCID: 0000-0001-7298-2961

Роман Игоревич Дремлюга,
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного публичного и частного права, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет

690950, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Суханова,8

Dremliuga.ri@dvfu.ru
ORCID: 0000-0003-1607-1228

About the Authors

Viatcheslav V. Gavrilov,
Doctor of Judicial Sciences, Associate Professor, Head of Public and Private International Law Department, Law School, Far Eastern Federal University

8, ul. Sukhanova, Vladivostok, Russian Federation, 690950

Gavrilov.vv@dvfu.ru
ORCID: 0000-0001-7298-2961

Roman I. Dremliuga,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Public and Private International Law Department, School of Law, Far Eastern Federal University

8, ul. Sukhanova, Vladivostok, Russian Federation, 690950

Dremliuga.ri@dvfu.ru
ORCID: 0000-0003-1607-1228

МЕЖДУНАРОДНАЯ БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-77-87

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 12.02.2020
Принята к публикации: 19.05.2020

Екатерина Александровна АРХИПОВА
Университет прокуратуры Российской Федерации
Азовская ул., д. 2-1, Москва, 117638, Российская Федерация
e.arkhipova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-0358-3438

Вячеслав Николаевич ДОДОНОВ
Университет прокуратуры Российской Федерации
Азовская ул., д. 2-1, Москва, 117638, Российская Федерация
2596619@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8923-2286

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ, РАССЛЕДОВАНИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ И В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ. *В настоящей работе на основе анализа международных актов, а также практики их применения рассматриваются проблемы международно-правового регулирования взаимодействия при выявлении, расследовании и предупреждении преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и в сфере компьютерной информации.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Материал для исследования включает соглашения о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г. и в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г., а также другие международно-правовые документы в рассматриваемой сфере. В работе использованы сравнительно-правовой, сравнительно-исторический и другие научные методы познания общего и частного характера.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Результатом проведенного исследования является общая оценка состояния международно-правовой базы взаимодействия государств при выявлении, рас-*

следовании и предупреждении преступлений в информационно-телекоммуникационной сфере, а также анализ той ее части, которая имеет юридическую силу для Российской Федерации. Раскрыты структура, проблемные моменты и направления развития международно-правового регулирования в указанной сфере.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *На основе проблемного анализа современного опыта международно-правового регулирования сотрудничества в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и в сфере компьютерной информации, авторы пришли к выводу, что существующая международно-правовая база для такого сотрудничества носит недостаточный характер и нуждается в совершенствовании как на универсальном, так и на региональном уровне.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *информационно-телекоммуникационные сети, киберпреступность, компьютерная информация, компьютерные преступления, борьба с преступлениями в сфере высоких технологий, международное сотрудничество, СНГ*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Архипова Е.А., Додонов В.Н. 2020. Международно-правовые проблемы сотрудничества при выявлении, расследовании и предупреждении преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и в сфере компьютерной информации. – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 77–87. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-77-87

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-77-87

Research article
Received 12 March 2020
Approved 19 May 2020

Ekaterina A. ARKHIPOVA
University of Prosecutor's Office of the Russian Federation
2-1, ul. Azovskaya, Moscow, Russian Federation, 117638
e.arkhipova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-0358-3438

Vyacheslav N. DODONOV
University of Prosecutor's Office of the Russian Federation
2-1, ul. Azovskaya, Moscow, Russian Federation, 117638
2596619@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8923-2286

INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS OF COOPERATION IN THE DETECTION, INVESTIGATION AND PREVENTION OF CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS AND IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

INTRODUCTION. *Based on the analysis of international acts, as well as the practice of their application, the authors consider the international legal problems of interaction in the detection, investigation and prevention of crimes committed using information and telecommunication networks and in the field of computer information.*

MATERIALS AND METHODS. *The materials for the study include the Agreement on cooperation of the CIS member States in the fight against crimes in the field of computer information of June 1, 2001, the Agreement on cooperation of the CIS member States in the fight against crimes in the field of information technology of September 28, 2018, as well as other international legal documents in this area. The paper uses comparative, comparative-historical and other scientific methods of research, general and particular ones.*

RESEARCH RESULTS. *The result of the study is a general assessment of the state of the international legal framework for the interaction of countries in the detection, investigation and prevention of crimes in the information and telecommunication sector, as well as an analysis of the part of it that has legal force for the Russian Federation. The structure, problems and directions of development of international legal regulation in this area are revealed.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *Based on the problematic analysis of the current experience of international legal regulation of cooperation in the fight against crimes committed using information and telecommunication networks and in the field of computer information, the authors concluded that the existing international legal framework for such cooperation is insufficient and needs to be improved both at the universal and regional level.*

KEYWORDS: *information and telecommunication networks, cybercrime, computer information, computer crimes, fighting crimes in the field of high technologies, international cooperation, CIS*

FOR CITATION: Arkhipova E.A., Dodonov V.N. International Legal Problems of Cooperation in the Detection, Investigation and Prevention of Crimes Committed Using Information and Telecommunication Networks and in the Field of Computer Information. – *Moscow Journal of International Law.* 2020. No. 2. P. 77–87. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-77-87

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Компьютерная преступность является одним из самых специфических, сложно устроенных и динамично развивающихся видов преступности. Современная киберпреступность – серьезная угроза как для отдельных государств, так и для всего мирового сообщества [Бессонов 2013:232; Волеводз 2002:47].

Преступления в сфере высоких технологий имеют глобальный характер и элементы транснациональности, что делает международное сотрудничество ключевым фактором принятия эффективных мер противодействия.

Основными целями международного сотрудничества являются:

1) совершенствование международно-правового регулирования в соответствующей области;

2) гармонизация национальных законодательств на основе международных норм и рекомендаций;

3) достижение единства (координации) действий государств в лице национальных правоохранительных органов при выявлении, расследовании и предупреждении преступлений.

Как и в других сферах, сотрудничество государств в борьбе с рассматриваемым видом преступности базируется на конвенциальном (договорно-правовом) и институциональном (в рамках международных организаций) механизмах.

2. Международно-правовая база сотрудничества

Современное состояние международного сотрудничества в борьбе с киберпреступлениями характеризуется следующими особенностями:

- тенденцией к фрагментации сотрудничества в рамках региональных организаций и интеграционных объединений, создающих свои механизмы сотрудничества [Волеводз 2001:29];
- отсутствием четкого понимания явления и общих определений основных используемых понятий, в том числе в научном дискурсе;
- наличием правового вакуума, при котором развитие законодательной базы суще-

ственно отстает от эволюции информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), состоящей в том числе в появлении новых форм киберпреступности;

– противоречиями между государствами по вопросам процедур сотрудничества, затрагивающих принцип суверенитета [Шматкова 2016:720].

Универсальными международными документами в рассматриваемой области выступили Конвенция Совета Европы о киберпреступности, заключенная в Будапеште 23 ноября 2001 г. (далее – Будапештская конвенция), а также Протокол к ней от 28 января 2003 г., добавляющий в перечень преступлений распространение информации расистского и другого характера, подстрекающей к насильственным действиям, ненависти или дискриминации отдельного лица или группы лиц, основывающимся на расовой, национальной, религиозной или этнической принадлежности[1].

Несмотря на название указанных документов, к их реализации присоединились также более 20 государств, не являющихся членами Совета Европы, таких как Австралия, Аргентина, Израиль, Маврикий, Канада, США, ЮАР, Япония и др. Таким образом, по состоянию на 1 апреля 2019 г., Конвенцию и протокол к ней ратифицировали 65 государств.

Россия в этом договоре не участвует в силу распоряжения Президента РФ от 22 марта 2008 г. № 144-рп «О признании утратившим силу распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности»»[2]. Хотя при его подписании Россия оставляла за собой право определиться с участием в Конвенции при условии возможного пересмотра положений п. «b» ст. 32 данного документа, которые «могут причинить ущерб суверенитету и безопасности государств – участников Конвенции и правам их граждан». Согласно этому пункту договаривающаяся сторона может без согласия другой стороны получать через компьютерную систему на своей территории доступ к хранящимся на территории другой стороны компьютерным данным или получить их, если эта сторона имеет законное и добровольное согласие лица, которое имеет законные полномочия раскрывать эти данные этой стороне через такую компьютерную систему.

Таким образом, в настоящий момент Россия не имеет единого специального договора с ведущими зарубежными странами о борьбе с компьютерными преступлениями, несмотря на тот факт, что наше государство последовательно выступает с инициативой разработки универсальной конвенции по международному противодействию информационной преступности под эгидой ООН[3]. Тем не менее перспективы принятия такого акта остаются пока крайне туманными из-за противодействия западных государств.

В этих условиях в качестве правовой основы для международного взаимодействия при выявлении, расследовании и предупреждении преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе в сфере компьютерной информации, можно рассматривать узкопрофильные документы договорного характера, которые могут быть применимы в случаях, когда данные виды преступлений совершены с использованием ИКТ. К таким конвенциям можно отнести, к примеру, Конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 г. (ст. 7)[4]; Конвенцию ООН против транснациональной организован-

[1] Конвенция Совета Европы о киберпреступности от 23 ноября 2001 г. Доступ: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680081580 (дата обращения: 19.12.2019); Дополнительный протокол к Конвенции о преступлениях в сфере компьютерной информации, об инкриминировании расистских актов и совершенного акта ксенофобии при помощи информационных систем от 28 января 2003 г. Доступ: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/0900001680081611 (дата обращения: 19.12.2019).

[2] Распоряжение Президента РФ от 22 марта 2008 г. № 144-рп «О признании утратившим силу распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности»». Доступ: http://www.kremlin.ru/acts/bank/27059 (дата обращения: 15.12.2019).

[3] Проект конвенции ООН «О сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности» был подготовлен Россией как альтернатива Будапештской конвенции и передан в Генассамблею ООН.

[4] Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 г. – *Справочно-правовая система «Гарант»*. Доступ: http://base.garant.ru/2570351/ (дата обращения: 15.12.2019).

ной преступности от 15 ноября 2000 г. (ст. 29)[5]; Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (принят 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН)[6].

В рамках СНГ договорно-правовое сотрудничество в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий базируется на Соглашении о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г. (далее – СПКИ)[7], которое вступило в силу для России 17 октября 2008 г. Договаривающимися сторонами являются Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Украина.

В СПКИ определены четыре состава преступления, которые государства – участники Соглашения обязуются закрепить в своем уголовном законодательстве, если они совершены умышленно: (1) неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации; (2) создание, использование или распространение вредоносных программ; (3) нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети; (4) незаконное использование программ для ЭВМ и баз данных, являющихся объектами авторских прав.

Наиболее детальную регламентацию в СПКИ получила процедура направления и исполнения запроса об оказании содействия (ст. 6–8).

СПКИ основано на традиционном представлении о правовой помощи. Так, В.П. Талимончик справедливо относит данный факт к числу недостатков указанного Соглашения. Он пишет: «Вызывает удивление, что система электронных запросов на оказание правовой помощи не нашла своего применения в рамках СНГ. Поразительным является тот факт, что СПКИ... основано также на традиционном представлении о правовой помощи. Оно вкратце упоминает о новых технологиях при направлении запроса о правовой помощи, не упоминая о них при ответе» [Талимончик 2008:29].

В научной литературе отмечены и другие явные недочеты СПКИ:

1) в договоре, координирующем международное сотрудничество в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, не учтена природа данного вида преступлений, хотя такой документ должен содержать нормы, закрепляющие специальные процессуальные формы сотрудничества;

2) не называются компетентные органы для работы с запросами. В ч. 1 ст. 4 СПКИ говорится, что сотрудничество между сторонами в рамках настоящего Соглашения осуществляется между компетентными органами непосредственно. В то же время установление четкого списка уполномоченных для сотрудничества органов могло бы упростить применение Соглашения ;

3) в ст. 7 СПКИ, которая посвящена процедуре исполнения запросов, во-первых, не содержится четко определенных случаев, когда исполнение запроса может быть приостановлено. Во-вторых, несмотря на специфику преступлений в сфере высоких технологий, ст. 6 требует обязательного письменного подтверждения запроса;

4) соглашением не рассматривается такая перспективная процессуальная форма сотрудничества, как создание совместных следственных групп;

5) наконец, СПКИ не предусматривает положений для решения ряда вопросов, затрагивающих суверенитет государства (вопросы конкурирующей юрисдикции, передачи уголовного производства) [Мороз 2016:12].

Как видно, договорно-правовое сотрудничество в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий в рамках СНГ нуждалось в улучшении. Учитывая правовые недочеты СПКИ, 28 сентября 2018 г. государства – участники СНГ заключили Соглашение о сотрудничестве в борь-

[5] Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. – *Справочно-правовая система «Гарант»*. Доступ: http://base.garant.ru/2561303/ (дата обращения: 15.12.2019).

[6] Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. – *Справочно-правовая система «Гарант»*. Доступ: http://base.garant.ru/12126241/ (дата обращения: 15.12.2019).

[7] Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г. – *Собрание законодательства РФ*. 2009. № 13. Ст. 1460.

[8] В соответствии с Нотой МИД России от 3 августа 2015 г. № 6839/1дснг и Нотой Исполнительного комитета СНГ от 10 августа 2015 г. № 3-1/919 Следственный комитет Российской Федерации является компетентным органом.

бе с преступлениями в сфере информационных технологий (далее – Соглашение 2018 г.)[9]. Договаривающимися сторонами в данном Соглашении выступают Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Узбекистан. Отметим существенно суженный состав участников по сравнению с СПКИ.

В настоящее время в Российской Федерации проходит процедура ратификации данного Соглашения. С момента вступления в силу этого документа для ратифицировавших его государств утратит силу СПКИ (в отношениях между государствами – участниками Соглашения).

В новом Соглашении устранен ряд недостатков предыдущего документа: название акта более точно отражает предмет регулирования; более полно даны определения всех значимых понятий; расширен круг уголовно наказуемых деяний в сфере информационных технологий. Так, согласно ч. 1 ст. 3 нового Соглашения стороны признают в соответствии с национальным законодательством в качестве уголовно наказуемых следующие деяния в сфере информационных технологий, если они совершены умышленно:

а) уничтожение, блокирование, модификация либо копирование информации, нарушение работы информационной (компьютерной) системы путем несанкционированного доступа к охраняемой законом компьютерной информации;

б) создание, использование или распространение вредоносных программ;

в) нарушение правил эксплуатации компьютерной системы лицом, имеющим к ней доступ, повлекшее уничтожение, блокирование или модификацию охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние причинило существенный вред или тяжкие последствия;

г) хищение имущества путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных, либо путем введения в компьютерную систему ложной информации, либо сопряженное с несанкционированным доступом к охраняемой законом компьютерной информации;

д) распространение с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или иных каналов электрической связи порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего;

е) изготовление в целях сбыта либо сбыт специальных программных или аппаратных средств получения несанкционированного доступа к защищенной компьютерной системе или сети;

ж) незаконное использование программ для компьютерных систем и баз данных, являющихся объектами авторского права, а равно присвоение авторства, если это деяние причинило существенный ущерб;

з) распространение с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или иных каналов электрической связи материалов, признанных в установленном порядке экстремистскими или содержащих призывы к осуществлению террористической деятельности или оправданию терроризма.

Сохраняя общее правило о письменной форме запроса об оказании содействия, Соглашение 2018 г. все же допускает, что «запрос и материалы исполненного запроса могут передаваться по техническим каналам связи в случае, если об этом есть двусторонняя договоренность между компетентными органами Сторон либо эти каналы определены иными международными договорами, участниками которых являются Стороны» (ч. 2 ст. 6).

Перспективным для России является развитие международного сотрудничества в борьбе с компьютерными преступлениями в формате Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС). В связи с этим можно упомянуть Соглашение между правительствами государств – членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (Екатеринбург, 16 июня 2009 г.). В числе основных направлений сотрудничества в этом документе названы противодействие угрозам использования информационно-коммуникационных технологий в террористических целях и противодействие информационной преступности (ст. 3 Соглашения). После вступления Соглашения в силу стороны приступили к его практической реализации: была начата работа по выстраиванию комплексного механизма взаимодействия шести

[9] Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г. – *Справочно-правовая система «Гарант»*. Доступ: http://base.garant.ru/72087644/#help (дата обращения: 15.09.2019).

стран-участников (помимо России, это Соглашение подписали Казахстан, Китай, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан).

В 2018 г. страны – участники ШОС договорились об организации мониторинга террористических угроз в Интернете в рамках работы Совета региональной антитеррористической структуры (РАТС).

Международное взаимодействие России с иностранными государствами по вопросам сотрудничества в борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий осуществляется также на основании двусторонних межправительственных соглашений. К числу таких документов можно отнести Соглашение между Правительством РФ и Правительством Французской Республики о сотрудничестве в борьбе с преступностью и в области внутренней безопасности от 10 февраля 2003 г., в ст. 1 которого прямо предусмотрено техническое и оперативное сотрудничество в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, в том числе связанными с использованием Интернета и других средств связи[10].

Сотрудничество в области информационной безопасности и вопросов, касающихся киберпреступности предусмотрено Соглашением между Правительством РФ и Правительством Малайзии о сотрудничестве в области информационных и коммуникационных технологий от 5 августа 2003 г.[11]

Отмечая значительный прогресс, достигнутый в развитии и внедрении новейших информационно-коммуникационных технологий, Российская Федерация и Республика Индия заключили в 2016 г. межправительственное соглашение о сотрудничестве в области обеспечения безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий[12].

Сотрудничество в правоохранительной области в целях расследования дел, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий в террористических и криминальных целях, закреплено также в Соглашении между Правительством РФ и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 6 сентября 2018 г.[13]

Взаимодействие компетентных органов иностранных государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации предусмотрено также Соглашением между Правительством РФ и Правительством Королевства Бельгии о сотрудничестве в борьбе с преступностью от 20 декабря 2000 г.[14] К сожалению, до настоящего времени это Соглашение не вступило в силу в соответствии со ст. 19, предусматривающей направление и получение сторонами уведомлений о выполнении внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Федеративной Республики Бразилии о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной и коммуникационной безопасности от 14 мая 2010 г., разработанное сторонами в русле реализации положений резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 2 декабря 2009 г. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности»[15], а также в целях противостояния угрозам международной информационной и коммуникационной без-

[10] Соглашение между Правительством РФ и Правительством Французской Республики о сотрудничестве в борьбе с преступностью и в области внутренней безопасности от 10 февраля 2003 г. – *Бюллетень международных договоров.* 2005. № 8. С. 62.

[11] Соглашение между Правительством РФ и Правительством Малайзии о сотрудничестве в области информационных и коммуникационных технологий от 5 августа 2003 г. – *Бюллетень международных договоров.* 2004. № 1. С. 77.

[12] Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Индии о сотрудничестве в области обеспечения безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий от 15 октября 2010 г. – *Бюллетень международных договоров.* 2017. № 4. С. 83–88.

[13] Соглашение между Правительством РФ и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 6 сентября 2018 г. – *Официальный интернет-портал правовой информации.* Доступ: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904290008 (дата обращения: 22.12.2019).

[14] Соглашение между Правительством РФ и Правительством Королевства Бельгии о сотрудничестве в борьбе с преступностью от 20 декабря 2000 г. – *Справочно-правовая система «Гарант».* Доступ: http://base.garant.ru/71672372/ (дата обращения: 26.12.2019).

[15] Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН на 64-й сессии 2 декабря 2009 г. (по докладу Первого комитета (A/64/386)), 64/25 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Доступ: https://undocs.org/ru/A/RES/64/25 (дата обращения: 17.11.2019).

опасности, не вступило в силу по тем же основаниям (ст. 11).

В правовом пространстве международного взаимодействия государств в борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий важное место занимают и межведомственные договоренности с компетентными органами иностранных государств. В их числе можно упомянуть следующие документы:

– Соглашение между Правительством РФ и Правительством Греческой Республики о сотрудничестве МВД России и Министерства общественного порядка Греческой Республики в области борьбы с преступностью (Афины, 6 декабря 2001 г.)[16];

– Меморандум о взаимопонимании между Следственным комитетом РФ и Полицией Государства Израиль (Тель-Авив, 15 ноября 2012 г.)[17];

– Меморандум о взаимопонимании между Следственным комитетом при прокуратуре РФ и Министерством внутренней безопасности США в лице Службы иммиграционных и таможенных расследований США (Вашингтон, 26 марта 2010 г.)[18].

В первом из этих договоров предусмотрено, что компетентные органы сторон будут осуществлять взаимодействие в предупреждении, выявлении, пресечении и раскрытии «преступлений в сфере высоких технологий, включая компьютерные преступления». В втором и третьем в качестве одной из областей, в которой стороны выражают стремление к сотрудничеству, названа борьба с «мошенничеством, совершаемым с использованием компьютерной техники».

Несмотря на вариативность правовых норм, сегодня назрела необходимость принятия международного правового акта, направленного на уголовно-правовую охрану информационной безопасности, содержащего классификацию преступлений против информационной безопасности и рекомендации государствам по криминализации деяний против информационной безопасности в национальном законодательстве[19].

3. Институциональная база сотрудничества

Международные организации, такие как ОЭСР, Совет Европы, РАТС, Европейский союз, ООН и Интерпол, играют важную роль в выработке единого подхода, координации международных усилий и выстраивании международного сотрудничества в борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий. Так, например, первое всестороннее исследование проблемы киберпреступности и уголовно-правовых мер по борьбе с ней в международном масштабе было предпринято ОЭСР, которая проанализировала возможности гармонизации норм, предусматривающих уголовную ответственность за киберпреступления, а также представила криминологическое определение компьютерного преступления[20].

Интерпол ввел в обиход кодификатор компьютерных преступлений и способов их совершения, которым присвоил каждому компьютерному преступлению определенный буквенный индекс, расположив их в порядке уменьшения общественной опасности совершенного деяния [Русскевич 2018:113].

Большое значение для взаимодействия государств — участников Европейского союза имеет деятельность Европола и Евроюста, принимающих непосредственное участие в борьбе с киберпреступностью на пространстве Европейского союза [Шматкова, Волеводз 2017:156]. В работе Европола используется система аналитических рабочих картотек (analysis work files), формируемых из сосредоточенных в его информационной системе данных в целях анализа, определяемого как обработка или использование данных для поддержки уголовных расследований [Волеводз, Дамирчиев 2011:118-119]. Система действующих аналитических картотек включает картотеку по киберпреступности *Cyborg* [Якимова, Нарутто 2016:371].

---

[16] См.: Соглашение между Правительством РФ и Правительством Греческой Республики о сотрудничестве Министерства внутренних дел РФ и Министерства общественного порядка Греческой Республики в области борьбы с преступностью от 6 декабря 2001 г. – *Бюллетень международных договоров.* 2004. № 12. С. 61–66.

[17] Меморандум о взаимопонимании между Следственным комитетом РФ и Полицией Государства Израиль от 15 ноября 2012 г. – *Справочно-правовая система «Гарант».* Доступ: http://base.garant.ru/71679482/ (дата обращения: 11.12.2019).

[18] Текст документа не опубликован в открытых источниках.

[19] Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М. 2018. С. 12.

[20] Computer-Related Crime: Analysis of Legal Policy. Paris: OECD. 1986.

Формирование единого решения проблемы компьютерной преступности на региональном уровне было реализовано Комитетом министров Совета Европы[21], который определил минимально необходимый к включению в национальное законодательство список киберпреступлений. Кроме того, в рамках Совета Европы успешно действуют Европейская группа по обучению и борьбе с киберпреступностью и Европейский комитет по проблемам преступности, основными задачами которых являются оказание содействия государствам-участникам в гармонизации законодательств в сфере киберпреступности и получении электронных доказательств, расширение возможностей для эффективного международного сотрудничества в этой области.

Деятельность Межправительственной группы экспертов открытого состава по киберпреступности в рамках ООН, созданной по инициативе Российской Федерации по итогам XII Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Салвадор, 2010 г.) [Волеводз, Тарасенко 2010:4], также направлена на наращивание потенциала в борьбе с киберпреступностью путем информационной и консультативной поддержки национальных компетентных органов и их взаимодействия с зарубежными партнерами. Вместе с тем Управление ООН по наркотикам и преступности использует свой специализированный опыт в области реагирования систем уголовного правосудия для оказания технической помощи в предупреждении киберпреступлений и повышении осведомленности о них, международном сотрудничестве, а также в сборе данных, исследованиях и анализе в области киберпреступности.

4. Заключение

В свете вышеизложенного представляется, что основные меры по борьбе с преступностью в сфере высоких технологий, принимаемые на международном уровне, должны быть связаны с действиями по реформированию законодательства на национальном уровне. Национальные и международные усилия должны дополнять друг друга, обеспечивая тем самым координацию шагов по борьбе с киберпреступностью и гармонизацию национальных законодательств.

Впрочем, на этом пути остается пока немало нерешенных проблем. Как справедливо отмечает Т.Л. Тропина, имеющиеся международные инструменты, направленные на обеспечение кибербезопасности, характеризуются мозаичностью, являются фрагментарными и, скорее, конкурируют между собой, что не способствует гармонизации уголовного и уголовно-процессуального законодательств государств [Тропина 2012:86].

Следует также согласиться с утверждением, что международно-правовые механизмы, позволяющие отстаивать суверенное право государств на регулирование информационного пространства, в том числе в национальном сегменте сети Интернет, не установлены. Именно поэтому требуется, «чтобы на решение вопросов кибербезопасности были обращены совместные усилия различных субъектов, как государственных, так и частных» [Huey, Nhan, Broll. 2013:81]. На сегодняшний день большинство государств вынуждены ««на ходу» адаптировать государственное регулирование сферы информации и информационных технологий к новым обстоятельствам»[22].

Таким образом, можно констатировать, что международно-правовая база для борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и в сфере компьютерной информации, сегодня носит недостаточный, фрагментарный характер и нуждается в совершенствовании как на универсальном, так и на региональном уровне. Основным препятствием на этом пути является несогласованность позиций государств по ряду вопросов, наиболее существенным из которых является допустимая степень ограничения национального суверенитета в сфере регулирования киберпространства. При этом следует учитывать, что традиционные механизмы международного сотрудничества, включая запросы, взаимопомощь и другие подобные инструменты, применявшиеся в XIX в. и ранее, являются не-

[21] Recommendation No. R(89)9 of the Committee of Ministers to member states on computer-related crime (adopted by the Committee of Ministers on 13 September 1989 at the 428th meeting of the Ministers' Deputies). URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016804f1094 (accessed 12.12.2019).

[22] Пункт 17 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/3 (дата обращения: 10.05.2019).

подходящими в эру, когда преступления могут совершаться из любой точки земного шара со скоростью света [Smith, Grabosky, Urbas 2004:60].

Вместе с тем при выработке средств и методов борьбы с киберпреступностью следует помнить о латентности данного вида преступлений. По оценкам экспертов, латентность «компьютерных преступлений» в США достигает 80%, в Великобритании — 85%, в ФРГ — 75%, в России — более 90%. По данным международной службы по обеспечению безопасности в области киберугроз *Symantec Security*, «каждую секунду в мире подвергаются кибератаке 12 человек, а ежегодно в мире совершается около 556 млн киберпреступлений, ущерб от которых составляет более 100 млрд дол. США» [Карпова 2014:46].

Список литературы

1. Бессонов С.А. 2013. История и зарубежный опыт правовой регламентации компьютерных преступности. – *Территория науки*. № 2. С. 231–237.
2. Волеводз А.Г. 2002. *Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества.* М.: ООО Издательство «Юрлитинформ». 496 с.
3. Волеводз А.Г. 2001. Международно-правовые основы международного сотрудничества в обнаружении, отслеживании, сохранении и изъятии компьютерной информации. – *Международное публичное и частное право.* № 4. С. 28 – 41.
4. Волеводз А., Дамирчиев Э. 2011. Европейская полицейская организация в свете Лиссабонского договора. – *Уголовное право.* № 2. С. 114-120.
5. Волеводз А.Г., Тарасенко С.М. 2010. К итогам XII Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. – *Международное уголовное право и международная юстиция.* № 4. С. 3 - 5.
6. Карпова Д.Н. 2014. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение. – *Власть*. № 8. С. 46–50.
7. Мороз Н.О. 2016. Актуальные вопросы международного сотрудничества в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий в рамках СНГ. – *Международное уголовное право и международная юстиция.* № 3. С. 12–14.
8. Мысина А.И. 2019. Международно-правовые основы сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий. – *Международное право.* № 1. С. 18–27. DOI: 10.25136/2306-9899.2019.1.29027
9. Ревин В.П. 2017. Актуальные проблемы сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий. – *Международное сотрудничество Евразийских государств: политика, экономика, право.* № 1. С. 83–91.
10. Русскевич Е.А. 2018. Международно-правовые подходы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. – *Международное уголовное право и международная юстиция.* № 3. С. 10–13.
11. Талимончик В.П. 2008. Конвенция о киберпреступности и унификация законодательства. – *Информационное право.* № 2. С. 27–30.
12. Тропина Т.Л. 2012. Борьба с киберпреступностью: возможна ли разработка универсального механизма? – *Международное правосудие.* № 3. С. 86–95.
13. Шматкова Л.П. 2016. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступлениями: состояние и перспективы. – *Молодой ученый.* № 28. С. 720–723.
14. Шматкова Л.П., Волеводз А.Г. 2017. Формирование и современный этап совершенствования правового регулирования противодействия киберпреступлениям в Европейском союзе. – *Библиотека уголовного права и криминологии.* № 3. С. 154-159.
15. Якимова Е.М., Нарутто С.В. 2016. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью. – *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права.* Т. 10. № 2. С. 369–378. DOI: 17150/1996-7756.2016.10(2).369-378
16. Huey L., Nhan J., Broll R. 2013. 'Uppity Civilians' and 'Cyber-Vigilantes': The role of the general public in policing cyber-crime. – *Criminology and Criminal Justice.* Vol. 13. No. 1. P. 81–97. DOI: 10.1177/1748895812448086.
17. Smith R.G., Grabosky P., Urbas G. 2004. *Cyber Criminals on Trial.* Cambridge: Cambridge University Press. 263 p. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511481604

References

1. Bessonov S.A. Istoriya i zarubezhnyi opyt pravovoi reglamentatsii komp'yuternykh prestupnosti [History and Foreign Experience in the Legal Regulation of Computer Crime]. – Territoriya nauki. 2013. No. 2. P. 231–237. (In Russ.)
2. Huey L., Nhan J., Broll R. Uppity Civilians and Cyber-Vigilantes: The role of the general public in policing cybercrime. – *Criminology and Criminal Justice.* 2013. Vol. 13. No. 1. P. 81–97. DOI: 10.1177/1748895812448086.
3. Karpova D.N. Kiberprestupnost': global'naya problema i ee reshenie [Cybercrime: A Global Challenge and Its Solution]. – *Vlast'*. 2014. No. 8. P. 46–50. (In Russ.)
4. Moroz N.O. Aktual'nye voprosy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v bor'be s prestupnost'yu v sfere vysokikh tekhnologii v ramkakh SNG [Topical Issues of International Cooperation in Crime Prevention in the Field of High Technologies within the Framework of the Commonwealth of Independent States (CIS)]. – *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya.* 2016. No. 3. P. 12–14. (In Russ.)
5. Mysina A.I. Mezhdunarodno-pravovye osnovy sotrudnichestva gosudarstv po protivodeistviyu prestupleniyam v sfere informatsionnykh tekhnologii [International Legal Framework for Cooperation between States in Combating Crimes in the Field of Information Technology]. – *Mezhdunarodnoe pravo.* 2019. No. 1. P. 18–27. (In Russ.) DOI: 10.25136/2306-9899.2019.1.29027

6. Revin V.P. Aktual'nye problemy sotrudnichestva gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv v bor'be s prestupleniyami, sovershaemymi s ispol'zovaniem informatsionnykh tekhnologiy [Actual Problems of Cooperation of States – Participants of the Commonwealth of Independent States in Fight against Crimes Committed Using Information Technologies]. – *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo.* 2017. No. 1. P. 83–91. (In Russ.)
7. Russkevich E.A. Mezhdunarodno-pravovye podkhody protivodeistviya prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii [International Law Approaches to Combating Crimes Committed Using Information and Communication Technology]. – *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya.* 2018. No. 3. P. 10–13. (In Russ.)
8. Shmatkova L.P. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s kiberprestupleniyami: sostoyanie i perspektivy [International Cooperation in the Fight against Cybercrime: state and prospects]. – *Molodoi uchenyi*. 2016. No. 28. P. 720–723. (In Russ.)
9. Shmatkova L.P., Volevodz A.G. Formirovanie i sovremennyi etap sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya protivodeistviya kiberprestupleniyam v Evropeiskom soyuze. [Formation and current stage of improving legal regulation of countering cybercrimes in the European Union]. – *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii*. 2017. No. 3. P. 154-159. (In Russ.)
10. Smith R.G., Grabosky P., Urbas G. *Cyber Criminals on Trial.* Cambridge: Cambridge University Press. 2004. 263 p. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511481604
11. Talimonchik V.P. Konventsiya o kiberprestupnosti i unifikatsiya zakonodatel'stva [Convention on Cybercrime and the Unification of Legislation]. – *Informatsionnoe pravo*. 2008. No. 2. P. 27–30. (In Russ.)
12. Tropina T.L. Bor'ba s kiberprestupnost'yu: vozmozhna li razrabotka universal'nogo mekhanizma? [Addressing the Problem of Cybercrime: is it possible to develop universal legal framework on the international level?]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2012. No. 3. P. 86–95 (In Russ.)
13. Volevodz A.G. *Protivodeistvie komp'yuternym prestupleniyam: pravovye osnovy mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [Countering computer crimes: legal framework for international cooperation]. Moscow: OOO Izdatel'stv0o "Yurlitinform" Publ. 2002. 496 p. (In Russ.)
14. Volevodz A.G. Mezhdunarodno-pravovye osnovy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v obnaruzhenii, otslezhivanii, sokhranenii i iz"yatii komp'yuternoi informatsi [International legal framework for international cooperation in the detection, tracking, preservation and seizure of computer information]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo.* 2001. No. 4. P. 28 – 41. (In Russ.)
15. Volevodz A.G., Tarasenko S.M. K itogam XII Kongressa Organizatsii Ob"edinennykh Natsii po preduprezhdeniyu prestupnosti i ugolovnomu pravosudiyu [Towards the end of the XII United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice]. – *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiy.* 2010. No. 4. P. 3 - 5. (In Russ.)
16. Volevodz A., Damirchiev E. Evropeiskaya politseiskaya organizatsiya v svete Lissabonskogo dogovora. [European police organization in the light of the Lisbon Treaty]. – *Ugolovnoe pravo*. 2011. No. 2. P. 114-120. (In Russ.)
17. Yakimova E.M., Narutto S.V. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s kiberprestupnost'yu [International Cooperation in Cybercrime Counteraction]. – *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2016. Vol. 10. No. 2. P. 369–378. (In Russ.) DOI:.17150/1996-7756.2016.10(2).369-378

Информация об авторах

Екатерина Александровна Архипова,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела научного обеспечения международного сотрудничества прокуратуры и сравнительного правоведения, Университет прокуратуры Российской Федерации

117638, Российская Федерация, Москва, Азовская ул., д. 2-1

e.arkhipova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-0358-3438

Вячеслав Николаевич Додонов,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения международного сотрудничества прокуратуры и сравнительного правоведения, Университет прокуратуры Российской Федерации

117638, Российская Федерация, Москва, Азовская ул., д. 2-1

2596619@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8923-2286

About the Authors

Ekaterina A. Arkhipova,
Cand. Sci. (Law), Senior Researcher at the Department of Scientific Support for International Cooperation of the Prosecutor's Office and Comparative Law, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

2-1, ul. Azovskaya, Moscow, Russian Federation, 117638

e.arkhipova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-0358-3438

Vyacheslav N. Dodonov,
Cand. Sci. (Law), Leading Researcher at the Department of Scientific Support for International Cooperation of the Prosecutor's Office and Comparative Law, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

2-1, ul. Azovskaya, Moscow, Russian Federation, 117638

2596619@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8923-2286

МЕЖДУНАРОДНОЕ СПОРТИВНОЕ ПРАВО

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-88-101

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 23.05. 2020
Принята к публикации: 20.06.2020

Лариса Ивановна ЗАХАРОВА
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, Москва, 125993, Российская Федерация
lizakharova@msal.ru
ORCID: 0000-0003-4968-0134

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СПОРТЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ И КОРПОРАТИВНЫХ СТАНДАРТОВ

ВВЕДЕНИЕ. *В некоторых областях регулирования международной спортивной деятельности доминирующая роль принадлежит lex sportiva (например, установление правил спортивных соревнований) или праву, созданному государством / государствами (например, борьба с преступностью в спортивной сфере). В ряде сфер регулирующее воздействие одновременно оказывают и международное спортивное право, и lex sportiva. Целью статьи является рассмотрение того, как два данных нормативных комплекса способствуют соблюдению прав человека в спорте. Три задачи, которые преследовал автор, – подвергнуть анализу процесс интерференции регулятивных усилий на примерах запрета дискриминации, применения lex mitior, противодействия допингу в спорте.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *В каждом из трех рассматриваемых случаев перечислены применимые международно-правовые акты и акты lex sportiva, изучена отечественная и зарубежная доктрина, привлечены материалы практики Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) и Спортивного арбитражного суда (CAC). Из общенаучных методов использовались субстратный (содержательный), структурный и системный подходы, в качестве использованных частнонаучных методов следует назвать сравнительно-правовой и герменевтический подходы.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Раскрыто содержание международно-правовых и корпоративных стандартов, сформировавшихся в сфере запрета дискриминации, применения lex mitior, противодействия допингу. В результате их сравнения автор приходит к следующим выводам: международное право и lex sportiva единодушны в вопросе о необходимости искоренения дискриминации в спорте; lex sportiva стремится к применению правового стандарта lex mitior; в сфере борьбы с допингом выявлен ряд несоответствий между международно-правовыми и корпоративными стандартами, признаваемыми lex sportiva.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Запрет дискриминации являет собой пример гармонизации, в результате которой требования международного спортивного права и lex sportiva взаимно дополняют и усиливают друг друга. Второй изученный случай – пример успешной рецепции lex sportiva правовой концепции lex mitior, давно известной национальному и международному праву. При противодействии допингу на современном этапе доминирует lex sportiva, и несоблюдение в полном объеме требований «должной процедуры» и, в частности, презумпции невиновности профессиональных спортсменов не может не вызывать обеспокоенность академического сообщества и ЕСПЧ.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *международное право, lex sportiva, запрет дискриминации, lex mitior, нарушение антидопинговых правил, Организация Объединенных Наций (ООН), ЕСПЧ, КАС, Международная федерация футбола (ФИФА), Союз европейских футбольных ассоциаций (УЕФА), Футбол против расизма в Европе (ФАРЕ)*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Захарова Л.И. 2020. Права человека в спорте: взаимодействие международно-правовых и корпоративных стандартов. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 88-101. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-88-101

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL SPORTS LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-88-101

Research article
Received May 23, 2020
Approved June 20, 2020

Larisa I. ZAKHAROVA
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 125993
lizakharova@msal.ru
ORCID: 0000-0003-4968-0134

HUMAN RIGHTS IN SPORT: INTERACTION OF INTERNATIONAL LEGAL AND CORPORATE STANDARDS

INTRODUCTION. *In some areas of international sports regulation, it is lex sportiva (for example, the establishment of rules for sports competitions) or the law created by the State / States (for example, the fight against crime in sports) that plays a dominant role. In a number of areas, international sports law and lex sportiva exercise regulatory impact simultaneously. The purpose of the article is to examine how these two sets of regulations contribute to the observance of human rights in sport. The author's three goals were to analyze the process of interference of regulatory efforts based on examples of prohibiting discrimination, using lex mitior, and countering doping in sports.*

MATERIALS AND METHODS. *In each case, the author listed the applicable international legal acts and acts of lex sportiva, studied the domestic and foreign doctrine, used the jurisprudence of the European Court of Human Rights (ECtHR) and the Court of Arbitration for Sport (CAS).The author utilised such general scientific methods as the substratum (content), structural and system approaches. The comparative and hermeneutical approaches should be named as specific scientific methods that were used.*

RESEARCH RESULTS. *The author characterised the content of the international legal and corporate standards that have been formed in the spheres of prohibiting discrimination, using lex mitior, and countering doping. As a result of their comparison, she comes to the following conclusions: international law and lex sportiva are unanimous in their intent to eliminate discrimination in sports; lex sportiva seeks to apply the legal standard of lex mitior; in the field of anti-doping, a number of inconsistencies have been identified between international legal and corporate standards recognized by lex sportiva.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The prohibition of discrimination is an example of harmonization, as a result of which the requirements of international sports law and lex sportiva complement and strengthen each other. The second case is an example of the suc-*

cessful reception by lex sportiva of the legal concept of lex mitior, which is well-known to national and international law. When countering doping at the present stage, it is lex sportiva that dominates, and the failure to fully comply with the requirements of "due process" and, in particular, with the presumption of innocence in respect of professional athletes is a cause of concern to the academic community and the ECtHR.

KEYWORDS: *international law, lex sportiva, prohibition of discrimination, lex mitior, violation of anti-doping rules, United Nations (UN), ECtHR, CAS, Fédération Internationale de Football Association (FIFA), Union of European Football Associations (UEFA), Football against Racism in Europe (FARE)*

FOR CITATION: Zakharova L.I. Human rights in sport: interaction of international legal and corporate standards. – *Moscow Journal of International Law.* 2020. No 2. P. 88–101. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-88-101

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Общественные отношения в области международной спортивной деятельности могут регулироваться как международно-правовыми актами, так и актами, которые вырабатываются международными неправительственными организациями Олимпийского и Паралимпийского движения без участия государств. Нормативные комплексы, которые возникают в результате такой деятельности, – международное спортивное право и lex sportiva – являются принципиально разными по своей природе и существенно отличаются друг от друга по предмету регулирования, субъектам, создающим такие нормы, источникам, их закрепляющим[1].

В некоторых сферах человеческой жизнедеятельности один из вышеупомянутых регуляторов явно доминирует. Так, например, бесспорна лидирующая роль норм lex sportiva, оформившихся задолго до появления спортивного права в конкретных государствах [Понкин, Понкина 2012:110-111], при установлении правил спортивных соревнований: «Еще задолго до появления законов о спорте и, тем более, нормативно-правовой систематизации в этой области, люди уже бегали наперегонки и преодолевали препятствия, состязаясь между собой. И уже тогда существовали правила, определявшие высоту прыжка, длину беговой дорожки, условия проведения состязаний» [Jestaz 1981:315]. Для обозначения тренировочно-соревновательных отношений, регулируемых исключительно нормами lex sportiva с учетом принципа автономии спорта, в отечественной научной литературе предлагается термин «ядро спорта» [Юрлов 2018:622]. Природа этих норм негосударственная и транснациональная [Jessup 1956:8-9, 108; Latty 2011:34; Duval 2013:825-831]. Необходимость первостепенных по значимости усилий государств становится заметной на таком направлении, как борьба с преступностью в спортивной сфере (привлечение к административной или уголовной ответственности за организацию договорных матчей, иное манипулирование результатами спортивной деятельности, хулиганское поведение спортивных болельщиков и т.д.)[2]. Совокупность международно-правовых норм, регулирующих сотрудничество государств по вышеобозначенным и иным вопросам в области спорта (противодействие допингу, поощрение физической активности и здорового образа жизни и др.), образует международное спортивное право. В ряде случаев наблюдается своеобразная интерференция регулятивных усилий – «взаимопроникновение, взаимообогащение и взаимное нелинейное усиление» международного спортивного права и lex sportiva[3]. Одной из сфер, которая одновременно подвергается регулирующему воздействию обоих нормативных комплексов, являются права человека в спорте. Установление в этой области

[1] Подробнее см.: Захарова Л.И. *Международное спортивное право. Учебник для бакалавров.* М.: Проспект. 2017. С. 12-20.

[2] *Спорт и противоправное поведение: учебник.* Под ред. С.В. Алексеева. М.: Проспект. 2017. С.101-112, 184-185, 190-191, 203-215.

[3] Соловьев А.А. 2012. Систематизация законодательства о спорте (российский и зарубежный опыт). Дис. … доктора юрид. наук. Москва. 2012. С. 34, 276, 280.

подходов, общих для lex sportiva и международного спортивного права (унификация), соответствовало бы букве и духу Казанского плана действий Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки, культуры (ЮНЕСКО) от 15 июля 2017 г. (в частности, пп. 7, 9, 11, 12) и четырем задачам Глобального плана действий Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по повышению уровня физической активности на 2018–2030 гг., однако пока это представляется перспективой на будущее. Вместе с тем мысль о том, что международно-правовые стандарты в сфере защиты прав человека могут существенно ограничивать автономность спортивных организаций, все отчетливее звучит в доктрине уже сейчас [Cornu, Cuendet, Vidal 2017:22]. Проследим взаимодействие существующих международно-правовых и корпоративных стандартов на нескольких примерах: запрет дискриминации, применение принципа lex mitior и противодействие допингу.

2. Запрет дискриминации

Дискриминация (лат. discriminatio – различение) – это умаление в правах определенных групп людей по причине их расовой, национальной, гендерной принадлежности, на основании их политических взглядов, социального статуса, имущественного положения или иных признаков. В начале становления Олимпизма можно было обнаружить значительное количество различных проявлений дискриминации. Олимпийские игры Древней Греции регламентировались основополагающими законами Олимпии или *канонами*. Они запрещали участвовать в состязаниях рабам, варварам, т. е. тем, кто не мог доказать, что он грек и свободный человек; лицам, преступившим закон, в первую очередь виновным в умышленном или непредумышленном убийстве, а также в святотатстве; гражданам, на которых был наложен штраф, а также женщинам [Mestre 1981:6]. Кроме того, всем женщинам в античном мире запрещалось присутствовать на олимпийских соревнованиях и в качестве зрительниц – в те времена для них проводились другие спортивные состязания, куда, в свою очередь, был воспрещен вход мужчинам. Представительницы женского пола приняли участие в соревнованиях по конному спорту, гольфу и теннису только на возрожденных Олимпийских играх 1900 г.

В тексте Олимпийской хартии уже в 1920 г. получила закрепление идея о том, что Олимпийские игры будут проводиться каждые четыре года для спортсменов-любителей «на максимально равной основе»[4]. В настоящее время принцип запрещения любых форм дискриминации является одним из специальных принципов *lex sportiva.* Четвертый фундаментальный принцип Олимпизма, закрепленный в Олимпийской хартии, провозглашает занятия спортом в качестве одного из прав человека: «Каждый должен иметь возможность заниматься спортом без какой-либо дискриминации, в духе Олимпизма…». Рекомендация 14 в «Олимпийской повестке дня 2020» от 9 декабря 2014 г. содержала в себе призыв усилить шестой фундаментальный принцип Олимпизма о запрете дискриминации по признаку сексуальной ориентации[5]. В Олимпийской хартии в редакции от 26 июня 2019 г. дискриминация запрещена по широкому спектру оснований: «по признаку расы, цвета кожи, пола, сексуальной ориентации, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, обладания собственностью, рождения или иного статуса»[6].

Расширенный перечень оснований, запрещающих дискриминацию в Олимпийской хартии, воспроизведен в учредительных актах международных федераций по олимпийским видам спорта, например, с апреля 2016 г. в ст. 4 Устава Международной федерации футбола (далее – ФИФА)[7]. Впервые запрет дискриминации был закреплен в Уставе ФИФА в 1962 г. – в нем в числе обязанностей национальных футбольных ассоциаций было указано на предотвращение

[4] International Olympic Committee: Charte Olympique – Annuaire. P.8. URL: https://stillmed.olympic.org/media/Document%20Library/OlympicOrg/Olympic-Studies-Centre/List-of-Resources/Official-Publications/Olympic-Charters/FR-1920-Charte-Olympique-Statuts-olympiques.pdf#_ga=2.48567906.537317006.1589991915-1144076990.1587379351 (accessed 19.05.2020).

[5] International Olympic Committee: Olympic Agenda 2020. URL: https://stillmed.olympic.org/Documents/Olympic_Agenda_2020/Olympic_Agenda_2020-20-20_Recommendations-ENG.pdf (accessed 19.05.2020).

[6] International Olympic Committee: Olympic Charter in force as from 26 June 2019. URL: https://stillmed.olympic.org/media/Document%20Library/OlympicOrg/General/EN-Olympic-Charter.pdf#_ga=2.53665132.537317006.1589991915-1144076990.1587379351 (accessed 19.05.2020).

[7] Fédération Internationale de Football Association. URL: http://resources.fifa.com/mm/document/affederation/generic/02/78/29/07/fifastatutsweben_neutral.pdf (accessed 20.05.2020).

расовой, религиозной или политической дискриминации или проведения различия между игроками в зависимости от их статуса (любитель/профессионал)[8].

С точки зрения современного международного права запрет любых форм дискриминации индивида является составной частью одного из основных его принципов – принципа уважения прав и основных свобод для всех без различия расы, пола, языка и религии (ст.1 Устава Организации Объединенных Наций (далее – ООН)). ООН, ее специализированные учреждения, в первую очередь Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки культуры (далее – ЮНЕСКО), и многие другие международные межправительственные организации нацелены в своей деятельности на искоренение всех возможных форм дискриминации[9]. На универсальном уровне действуют следующие международные договоры, которые вводят запрет дискриминации по различным основаниям: Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенция ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г., Конвенция о правах инвалидов 2006 г. Наряду с международными договорами существует множество рекомендательных международно-правовых актов в данной сфере: Декларация принципов международного культурного сотрудничества ЮНЕСКО 1966 г., Декларация ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках 1978 г., Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 г., Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 г., Декларация принципов терпимости ЮНЕСКО 1995 г., Декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 г., Декларация ООН о правах коренных народов 2007 г. Так, международно-правовой запрет дискриминации, содержащийся в п. 1 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, п. 2 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, адресован государствам, и они обязаны обеспечить его соблюдение в отношении всех физических лиц, находящихся под их юрисдикцией, включая спортсменов, поскольку корреспондирующие этим обязательствам права являются неотъемлемой составляющей *общего* правового статуса личности. Дополнительные права должны обеспечиваться государствами вследствие *специального (родового)* правового статуса отдельным категориям лиц – например, спортсменам-паралимпийцам (п. 5 ст. 30 Конвенции о правах инвалидов гарантирует более полное участие лиц с инвалидностью в общепрофильных спортивных мероприятиях на всех уровнях), спортсменам-юниорам (ст. 31 Конвенции о правах ребенка закрепляет право ребенка участвовать в играх и развлекательных мероприятиях, соответствующих его возрасту), спортсменам – представителям коренных народов (ст. 31 Декларации о правах коренных народов провозглашает их право на сохранение, контроль, охрану и развитие культурного наследия, в т. ч. спорта и традиционных игр).

Запрету расовой дискриминации в области спорта всецело посвящена Международная конвенция против апартеида в спорте 1985 г.[10]. В ней закреплено легальное определение апартеида: понятие «апартеид» означает такую систему узаконенной расовой сегрегации и дискриминации с целью установления и поддержания господства одной расовой группы людей над другой расовой группой людей и ее систематического угнетения, которая проводится в Южной Африке, а «апартеид в спорте» означает осуществление политики и практики такой системы в спортивной деятельности, как среди профессионалов, так и среди любителей (ст. 1). Участвующие в

[8] Fédération Internationale de Football Association: Good Practice Guide on Diversity and Anti-Discrimination. P.2. URL: https://resources.fifa.com/image/upload/diversity-and-anti-discrimination-at-fifa.pdf?cloudid=arn2ylavxd26pnn2l83i (accessed 20.05.2020).

[9] Резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН провозглашены специальные международные дни: в 1966 г. – Международный день борьбы за ликвидацию расовой дискриминации (21 марта), в 1999 г. – Международный день борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин (25 ноября), в 2000 г. – Международный день мигранта (18 декабря), в 2007 г. – Международный день памяти жертв рабства и трансатлантической работорговли (25 марта) в дополнение к уже отмечавшемуся ЮНЕСКО Международному дню памяти о работорговле и ее ликвидации (23 августа).

[10] Международная конвенция против апартеида в спорте от 10 декабря 1950 г. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid_in_sports.shtml (дата обращения: 19.05.2020).

конвенции государства-участники решительно осудили апартеид и приняли обязательство всеми средствами проводить политику ликвидации практики апартеида в спорте во всех ее формах. В области спортивной деятельности это обязательство трансформировалось в недопущение спортивных контактов со страной, практикующей апартеид, и принятие мер для того, чтобы их спортивные организации, в т. ч. национальные олимпийские комитеты, национальные спортивные федерации, команды и отдельные спортсмены не вступали в такие контакты (ст. 3). Предполагалось, что столь жесткие ограничения будут отменены, когда в ЮАР будет ликвидирована система апартеида. В качестве контрольного механизма была учреждена Комиссия против апартеида: государства-участники принимали обязательство передавать в Комиссию регулярные доклады о законодательных, юридических, административных мерах, принятых ими в целях имплементации Конвенции. После рассмотрения докладов Комиссия делала предложения и рекомендации общего характера. В 1981 г. благодаря ее усилиям был опубликован первый реестр спортивных контактов с ЮАР [Sanctioning Apartheid…1990:89]. Такой «черный список», в котором были указаны имена спортсменов, принявших участие в спортивных соревнованиях в Южной Африке, публиковался ежегодно вплоть до 1994 г., когда режим апартеида был официально отменен.

На региональном уровне особых успехов достиг Суд Европейского Союза (далее – ЕС), который, опираясь на учредительные акты ЕС, к настоящему времени вынес немалое количество решений, направленных на искоренение дискриминации в профессиональном спорте по признаку гражданства при условии, что речь идет о спорте как экономической (трудовой) деятельности [Weatherill 2014:21-60].

Европейский футбол также прилагает заметные усилия, чтобы изжить столь уродливое явление, как дискриминацияВ декабре 2000 г. Союз европейских футбольных ассоциаций (далее – УЕФА) ужесточил меры дисциплинарной ответственности, чтобы пресечь проявления расизма на европейских матчах и начал активно применять их в отношении зачинщиков расистских выходок. В это же время в Европе возникла зонтичная организация «Футбол против расизма в Европе» (далее – ФАРЕ; англ. Football against Racism in Europe – FARE), которая провозгласила своими целями борьбу против расизма, гомофобии и других форм дискриминации и использование спорта в качестве инструмента для социальной интеграции. В настоящее время она объединяет более 130 групп (группы болельщиков, правозащитные организации, любительские футбольные клубы и др.) из 35 европейских стран[11]. Вначале проекты ФАРЕ были главным образом нацелены на искоренение нетерпимости по признаку расовой или этнической принадлежности. Теперь масштаб ее деятельности расширяется. Одна из последних инициатив ФАРЕ заключается в содействии интеграции беженцев и лиц, ищущих убежища, в том числе посредством вовлечения в занятие футболом: формируются команды, организуются соревнования, оказывается содействие в поиске жилья и трудоустройстве. В настоящее время реализуются проекты такого рода в 26 европейских странах[12].

В марте 2003 г. УЕФА совместно с ФАРЕ провели конференцию, на которой было принято руководство «Вместе против расизма в европейском футболе». В нем были приведены примеры проявлений расизма, которые омрачали радость игры на многих европейских футбольных аренах в период с 1991 г. по 2003 г., и сформулирован план действий, которому необходимо следовать. УЕФА поощряет антирасистские акции национальных футбольных ассоциаций путем выделения денежных средств из специально созданного в этих целях фонда. В настоящее время действует план УЕФА для искоренения расизма, который наряду с обязательствами профессиональных футбольных клубов привлекать к ответственности игроков и болельщиков, допускающих проявления расизма, предполагает необходимость взаимодействия с ассоциациями игроков, болельщиков, учебными заведениями, молодежными клубами, местными органами власти, коммерческими структурами и правоохранительными органами для разработки программ действий и пропаганды антирасистских кампаний[13].

[11] О сети ФАРЕ. Доступ: http://www.farenet.org/about-fare/russian/ (дата обращения: 20.05.2020).

[12] Refugees and football – Who is doing what and where. – *Network FARE*. URL: https://www.farenet.org/campaigns/refugees-football-database/ (accessed 20.05.2020).

[13] См.: Вместе против расизма в европейском футболе. Рекомендации УЕФА. Доступ: http://ru.uefa.org/newsfiles/82820.pdf (дата обращения: 20.05.2020).

В июне 2017 г. в преддверии восьмого Кубка конфедераций под эгидой Международной федерации футбола (далее – ФИФА) в целях повышения осведомленности стюардов и служб безопасности ФАРЕ подготовило и распространило «Руководство по дискриминационным практикам в мировом футболе», позволяющее идентифицировать расистские, неонацистские, антисемитские, сексистские, гомофобные, антимигрантские символы и лозунги, используемые футбольными болельщиками в каждой из шести региональных конфедераций ФИФА[14].

Незадолго до этого ФИФА внедрила инновационную систему контроля за поведением болельщиков на трибунах, которая использовалась для пресечения любых проявлений расовой дискриминации на матчах Кубка конфедераций в июне-июле 2017 г. и на всех отборочных турнирах чемпионата мира по футболу – 2018 с марта 2015 г. по ноябрь 2017 г. Независимые наблюдатели от ФАРЕ анализируют обстановку на всем протяжении подготовки и проведения футбольных матчей. В течение 24 часов после игры они представляют ФИФА полный отчет об обстановке на территории спортивной арены. Если в нем зафиксированы факты проявления расизма или дискриминации, ФИФА может наложить санкции на сторону, ответственную за проведение матча, и на конкретных лиц[15].

В декабре 2019 г. ФИФА опубликовала Руководство надлежащей практики по обеспечению разнообразия и борьбе с дискриминацией[16]. В Руководстве обозначены пять основных направлений, по которым нужно предпринимать конкретные меры для обеспечения разнообразия и искоренения дискриминации в футболе: выработка соответствующей политики; осуществления контроля и использования санкций за всякие проявления расизма и дискриминации; осуществление коммуникаций с широкой общественностью; организация образовательных проектов и кампаний; сотрудничество с органами государственной власти и неправительственными структурами, выполняющими сходные функции, и создание сетевых структур.

В вопросах, касающихся запрещения дискриминации, мы наблюдаем редкостное единодушие между международным спортивным правом и lex sportiva. И если даже Олимпийская хартия 1920 г. осудила дискриминацию раньше, чем это сделала Всеобщая декларация прав человека 1948 г., современное международное право стремится к искоренению этого негативного социального явления по бóльшему количеству направлений – не только по признакам расовой и национальной принадлежности, в первую очередь привлекающих внимание спортивного мира, но и по таким основаниям, как гендер, возраст, принадлежность к малочисленным коренным народам и др.

3. Lex mitior

Lex mitior (лат. – наилучший закон) – это правовой принцип, в соответствии с которым при квалификации правонарушения и определении меры наказания для обвиняемого необходимо руководствоваться более благоприятным законом, даже если инкриминируемые ему действия были совершены нарушителем до вступления этого закона в силу.

Многие международно-правовые акты отражают эту идею. Например, ч. 1 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – МПГПП) провозглашает: «Никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо действия или упущения, которое согласно действовавшему в момент его совершения внутригосударственному законодательству или международному праву не являлось уголовным преступлением. Равным образом не может назначаться более тяжкое наказание, чем то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления. Если после совершения преступления законом устанавливается более легкое наказание, действие этого закона распространяется на данного преступника»[17].

[14] См.: Global guide to discriminatory practices in football. – *Network FARE*. URL: https://www.farenet.org/wp-content/uploads/2017/06/Russian-%d1%82%d0%90%d0%a3-Global-guide-to-discriminatory-practices-in-football-AW.pdf (accessed 20.05.2020).

[15] Терлецкий С., Цой Д. ФИФА ужесточит меры по борьбе с расизмом на ЧМ – 2018. – *Известия*. 05.10.2016. Доступ: http://izvestia.ru/news/636089#ixzz4MCmEEEJo (дата обращения: 20.05.2020).

[16] Fédération Internationale de Football Association : Diversity and anti-discrimination at FIFA. URL: https://resources.fifa.com/image/upload/diversity-and-anti-discrimination-at-fifa.pdf?cloudid=arn2ylavxd26pnn2l83i (accessed 20.05.2020).

[17] Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 20.05.2020).

Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. в части III выделяет наряду с такими общими принципами уголовного права, как *nullum crimen sine lege* (ст. 22) и *nulla poena sine lege* (ст. 23), и отсутствие обратной силы *ratione personae* (ч. 2 ст. 24: «В случае внесения изменения в закон, применимый к данному делу до вынесения окончательного решения, применяется закон, более благоприятный для лица, которое находится под следствием, в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным»[18]).

Пониманию содержания принципа *lex mitior* способствует Постановление, вынесенное Большой Палатой Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по делу «*Скоппола против Италии» (№ 2)* от 17 сентября 2009 г. В нем ЕСПЧ пришел к выводу о том, что ч. 1 ст. 7 («Наказание исключительно на основании закона») Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – ЕКПЧ) не только вводит запрет ретроспективного применения более сурового уголовного законодательства, но и имплицитно принцип ретроспективного применения более мягкого уголовного законодательства. «Этот принцип закреплен в правиле, согласно которому в случае противоречий между актом уголовного законодательства, действовавшим во время совершения правонарушения, и последующими актами уголовного законодательства, принятыми перед вынесением окончательного решения, суд должен применять тот закон, положения которого более благоприятны для обвиняемого» (§ 109)[19]. Это решение является результатом общеевропейского консенсуса по данному вопросу, который с полной определенностью был обозначен в ч. 1 ст. 49 Хартии основных прав Европейского Союза 2000 г.: «Не может налагаться наказание более тяжелое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения правонарушения. Если после совершения правонарушения законом устанавливается более легкое наказание, оно подлежит применению»[20].

Конституция Российской Федерации закрепляет принцип *lex mitior* в ст. 54, которая обосновывает необходимость руководствоваться при квалификации правонарушения и определении меры наказания для обвиняемого более благоприятным законом. В ч. 1 закреплен подход, в соответствии с которым закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. Ч. 2 ст. 54 российской Конституции отражает принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* (лат. – «нет преступления и наказания без закона»). Она провозглашает: «Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон».

Принцип *lex mitior* находит закрепление в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве различных государств. Так, он отражен в ч. 2 ст. 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[21], в которой изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. Принцип *lex mitior* закреплен и в ч. 2 ст. 2 Уголовного кодекса Швейцарии, в соответствии с которым положения Кодекса применяются в отношении любого лица, совершившего до его вступления в силу преступление небольшой или средней тяжести, или тяжкое преступление (фелонию), при условии, что установленная в нем мера наказания является более мягкой[22].

Ст. 20.8.2 Общероссийских антидопинговых правил, утвержденных Приказом Минспорта РФ № 947 от 9 августа 2016 г. (в ред. 2019 г.), оставляет за Российским антидопинговым агентством возможность принципа применения более мягкого наказания (lex mitior) при привлечении к

[18] Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. Доступ: https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf (дата обращения: 20.05.2020).

[19] European Court of Human Rights: Scoppola v. Italy (No. 2). Judgment. Application No.10249/03 September 17, 2009. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":["001-94135"]} (accessed 21.05.2020).

[20] European Parliament: Charter of Fundamental Rights of the European Union. URL: http://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (accessed 21.03.2020).

[21] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (ред. от 12 ноября 2018 г.). – *Собрание законодательства Российской Федерации. 2001*. № 52. Ч. I. Ст. 4921.

[22] Swiss Criminal Code date December 21, 1937. URL: https://www.admin.ch/opc/en/classified-compilation/19370083/index.html (accessed 21.04.2020).

ответственности лица, виновного в нарушении антидопинговых правил[23].

Отечественные исследователи считают, что lex mitior входит в число общих принципов, на которых построен Всемирный антидопинговый кодекс, которые, хотя и не перечислены в отдельной его статье, однако раскрываются в самом тексте документа[24]. Ссылки на принцип *lex mitior* фигурируют и в целом ряде решений, вынесенных Спортивным арбитражным судом в Лозанне (далее – КАС), в т. ч. в арбитражных решениях по таким резонансным делам, как *М. Платини против ФИФА* от 9 мая 2016 г. и *Й. Блаттер против ФИФА* от 5 декабря 2016 г.[25]. В п. 148 решения по делу *М. Платини против ФИФА* панель арбитров констатировала: новая норма не применяется, если только она не является более благоприятной для обвиняемого, чем та, которая действовала в момент нарушения. В ходе разбирательства по делу *Й. Блаттер против ФИФА* у арбитров, в частности, возник вопрос, в какой редакции следует применять Кодекс ФИФА по этике – в редакции 2009 г. или 2012 г. в отношении выплаты в размере 2 млн швейцарских франков без соответствующего контрактного обязательства, осуществленной в феврале 2011 г. Если бы арбитры признали наличие устного соглашения о будущей выплате, которое якобы имело место в 1998 г., тогда никакое положение регламентных норм ФИФА не было бы применимо вовсе, поскольку первая редакция Кодекса ФИФА по этике была принята только в 2004 г. КАС в п. 95 своего решения по делу *Й. Блаттер против ФИФА* ссылается на принцип «закон обратной силы не имеет» (запрет ретроспективного применения нормы), называя его «фундаментальным принципом швейцарского права» и «составной частью международного публичного порядка». При этом он упоминает, что единственным исключением является *lex mitior,* в соответствии с которым должно применяться новое положение закона, если оно является более благоприятным для обвиняемого чем то, что действовало в момент совершения правонарушения.

Все вышеизложенные соображения позволяют прийти к выводу, имеющему как теоретические, так и практические последствия. Похоже, мы наблюдаем процесс гармонизации подходов в международном праве и *lex sportiva* в вопросе о принципах, которыми следует руководствоваться при определении наказания за допущенные нарушения установленных норм. Вместе с тем применение общей для обоих регуляторов установки руководствоваться принципом lex mitior вызывает немало вопросов на практике. Сложности могут возникнуть, если предметом дисциплинарного разбирательства в рамках ФИФА станут, например, нарушения антикоррупционных правил, закрепленные в Кодексе ФИФА по этике в последнее время. Редакция Кодекса по этике, принятая 10 июня 2018 г. в Москве и вступившая в силу 12 августа 2018 г.[26], закрепила ряд составов, отсутствовавших в редакции от 17 июля 2012 г.: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 25), нецелевое расходование средств (ст. 28), манипулирование футбольными матчами или соревнованиями (ст. 29). Все эти составы сохранились и в редакции Кодекса ФИФА по этике 2019 г.[27]. Такой состав, как взяточничество (ст. 27), присутствовал в редакции Кодекса 2012 г., однако, начиная с редакции 2018 г. и поныне, в п. 3 ст. 27 более четко определена санкция – штраф не менее 100 тыс. швейцарских франков и запрет принимать участие во всякой деятельности, связанной с футболом, на срок не менее пяти лет. Аналогичным образом ст. 26 нынешней редакции Кодекса устанавливает меру наказания за участие в пари, азартных играх или подобных видах деятельности, упоминание о которой отсутствовало в ст. 25 Кодекса в редакции 2012 г., –

---

[23] Приказ Минспорта России от 09 августа 2016 г. № 947 (ред. от 17 января 2019 г.) «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил». Доступ: https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minsporta-Rossii-ot-09.08.2016-N-947/ (дата обращения: 21.04.2020).

[24] Барабанова Е.А. Международно-правовое и внутригосударственное противодействие допингу в спорте. Дис. … канд. юрид. наук. Казань. 2019. С. 59-60, 69.

[25] Tribunal arbitral du sport: Michel Platini c. FIFA. Sentence. TAS 2016/A/4474. 9 mai 2016. Para 148. URL: http://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/sentence_4474__FINAL__internet.pdf (accessed 21.04.2020); Court of Arbitration for Sport: Joseph Blatter v. FIFA. Award. CAS 2016/A/4501. December 5? 2016. Para. 95. URL: https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/4501.pdf (accessed 21.04.2020).

[26] Fédération Internationale de Football Association: FIFA Code of Ethics. 2018 edition. URL: https://resources.fifa.com/image/upload/fifa-code-of-ethics-2018-version-takes-effect-12-08-18.pdf?cloudid=uemlkcy8wwdtlll6sy3j (accessed 20.05.2020).

[27] Fédération Internationale de Football Association: FIFA Code of Ethics. 2019 edition. URL: https://resources.fifa.com/image/upload/fifa-code-of-ethics 2019.pdf?cloudid=fmhdml5mjqynrljmmsut (accessed 20.05.2020).

штраф не менее 100 тыс. швейцарских франков и запрет принимать участие во всякой деятельности, связанной с футболом, на срок до трех лет. Вместе с тем, начиная с 2018 г. и до настоящего времени, ст. 12 Кодекса ФИФА по этике предусматривает сокращение срока давности привлечения к ответственности за предусмотренные им нарушения с десяти до пяти лет (общее правило), а в отношении взяточничества, нецелевого расходования средств и посягательств на физическую и психическую неприкосновенность личности – с неограниченного периода времени до десяти лет. Все эти изменения последнего времени дают немалую пищу для размышлений по поводу того, что следует считать *lex mitior* в отношении лиц, виновных в нарушении этических правил, действующих в ФИФА.

4. Борьба с допингом: презумпция виновности

Правочеловеческий аспект этого направления взаимодействия международного спортивного права и lex sportiva представляется самым проблематичным. В первую очередь следует указать на нарушения права спортсмена на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (ст. 6 ЕКПЧ, ст. 14 МПГПП). Ч. 3 ст. 14 МПГПП содержит перечень минимальных процессуальных гарантий, которые должны быть предоставлены каждому обвиняемому на основе полного равенства при рассмотрении любого уголовного обвинения: право быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого обвинения; право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты; право быть судимым без неоправданной задержки и в его присутствии; право защищать себя лично или с помощью защитника; право иметь назначенного защитника безвозмездно для обвиняемого лица в том случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты этого защитника; право на вызов и допрос свидетелей; право пользоваться бесплатной помощью переводчика; право не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным[28].

Должны ли предоставляться эти гарантии при определении прав и обязанностей спортсмена в ходе осуществления дисциплинарного производства по делу в юрисдикционном органе спортивной организации или арбитражного производства в КАС? ЕСПЧ ответил на этот вопрос положительно при вынесении Постановления по делу Муту и Пехштайн против Швейцарии от 2 октября 2018 г.[29] – таким образом, ФИФА и иные международные спортивные федерации должны осознавать, что ЕСПЧ считает себя наделенным юрисдикцией следить за тем, как их юрисдикционные органы соблюдают «должную процедуру» в отношении прав спортсменов [Rietiker 2020], и что Суд, возможно, вновь выскажется по этому вопросу при вынесении Постановления по делу *Али Риза против Швейцарии* (его жалоба от 11 ноября 2011 г. коммуницирована Правительству Швейцарии в марте 2019 г.). Позицию ЕСПЧ о необходимости соблюдения процессуальных гарантий в ходе разбирательства в международных спортивных федерациях и КАС разделяют и представители академических кругов [Jerabek, Ferreira de Andrade, Figueroa 2017:7; Van der Sloot, Paun, Leenes 2020:109-111].

При положительном ответе на вопрос о гарантиях, обеспечивающих справедливое разбирательство для спортсменов, экстраполяция международно-правового подхода означала бы, что спортсмен, заподозренный в употреблении запрещенных препаратов, должен считаться невиновным до установления его вины в ходе дисциплинарного или арбитражного производства по делу, причем, во-первых, разбирательство должно быть справедливым и публичным, во-вторых, юрисдикционный орган, разрешающий дело, должен быть компетентным, независимым и беспристрастным и, в-третьих, в ходе разбирательства подозреваемому должны обеспечиваться определенный минимум процессуальных гарантий.

Однако у академического сообщества и ЕСПЧ сохраняется множество сомнений по поводу того, насколько успешно спортивный мир следует этой международно-правовой формуле при разрешении споров, соблюдено ли право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Вопросы

[28] Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 20.05.2020).

[29] European Court of Human Rights: Mutu et Pechstein c. Suisse. Arrêt. Requêtes nos. 40575/10 et 67474/10. 2 octobre 2018. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":["001-186434"]} (accessed date: 20.05.2020).

вызывают сложность дисциплинарных процедур, используемых национальными и международными спортивными организациями, порядок формирования юрисдикционных органов спортивных организаций, недостаточное внимание спортивного мира к требованиям «должной процедуры» (англ. due process), сохранявшийся в течение длительного времени запрет спортсменам обращаться в суды общей юрисдикции [Rigozzi 2005:99-102]. В российской научной литературе и сейчас наблюдается весьма сдержанное отношение в оценке роли государственных судов при разрешении споров в области спорта [Иглин 2012:31-33; Жабин 2012:9-23; Юрлов 2015:111-113]. Подтверждением сохраняющегося критического настроя в этой области является признание нарушения ч. 1 ст. 6 ЕКПЧ, допущенного Швейцарией (в части необеспечения публичного характера антидопинговых слушаний и несоблюдения права спортсмена защищать себя лично в КАС), в отношении всемирно известной немецкой конькобежки К. Пехштайн в Постановлении ЕСПЧ по делу *Мату и Пехштайн против Швейцарии.* КАС весьма оперативно отреагировал на это Постановление внесением изменений в ст. R 57 Кодекса спортивного арбитража 1994 г., которые вступили в силу 1 января 2019 г. и теперь предполагают необходимость проведения публичных слушаний по просьбе заявителя – физического лица[30]. Вместе с тем невозможно утверждать, что в ходе нынешних разбирательств в КАС полностью обеспечивается вся совокупность процессуальных гарантий, перечисленных в ч. 3 ст. 14 МПГПП. Отечественные авторы высказывают сомнения по поводу стабильности сложившейся системы, допуская тем самым возможность ее изменения [Пешин 2019:57].

Заметный шаг вперед сделала ФИФА, закрепив ряд процессуальных гарантий в Дисциплинарном кодексе в ред. 2019 г. Во-первых, теперь при рассмотрении дел об антидопинговых нарушениях заявитель в установленном порядке может обратиться с просьбой провести публичные слушания (ч. 7 ст. 50). Во-вторых, индивиды, находящиеся в затруднительном финансовом положении, могут запросить у ФИФА юридическую помощь (ч. 1 ст. 42). В зависимости от обстоятельств заявитель может быть освобожден от издержек, связанных с необходимостью оплаты дисциплинарного разбирательства, ему может быть назначен бесплатный защитник (англ. pro bono counsel), в разумных пределах ему могут быть компенсированы издержки, связанные с проездом, размещением, вызовом по его инициативе свидетелей и экспертов (ч. 4 ст. 42)[31].

Особую озабоченность вызывает нарушение такой важной составляющей права спортсмена на справедливое судебное разбирательство, как презумпция невиновности. Она нормативно закреплена в целом ряде международно-правовых актов. Так, ч. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека провозглашает: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты»[32]. По мнению А. Ригоцци, принцип презумпции невиновности «применим при условии, что будет осуществлено его должное толкование применительно к сфере спорта» [Rigozzi 2005:648] – верность этого суждения, вероятно, еще предстоит осмыслить судебной практике.

В настоящее время в lex sportiva наблюдается прямо противоположная презумпция – предположение о том, что спортсмен, в организме которого обнаружены запрещенные вещества, априори виновен. Всемирный антидопинговый кодекс, разработанный Всемирным антидопинговым агентством (далее – ВАДА), и в своей редакции 2015 г., и в новой редакции, которая вступит в силу с 1 января 2021 г., содержит понятие объективной ответственности (англ. strict liability): это правило, в соответствии с которым для установления нарушения антидопингового правила антидопинговая организация не обязана доказывать наличие умысла, вины, неосторожности или сознательного использования в действиях спортсмена по ст. 2.1 («Присутствие запрещенного вещества, его метаболитов или маркеров в пробе спортсмена») и 2.2 Кодекса («Использование или попытка

[30] Tribunal arbitral du sport: Code of Sports-related Arbitration. In force as from 1 January 2019. URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Code_2019__en_.pdf (accessed date: 22.04.2020).

[31] Fédération Internationale de Football Association: FIFA Disciplinary Code. 2019 edition. URL: https://resources.fifa.com/image/upload/fifa-disciplinary-code-2019-edition.pdf?cloudid=i8zsik8xws0pyl8uay9i (accessed 20.05.2020).

[32] Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 22.05.2020).

использования запрещенного вещества или метода») (Приложение 1 «Определения»)[33]. Аналогичным образом Антидопинговый регламент ФИФА (в ред. 2019 г.) провозглашает принцип объективной ответственности (п. 63 раздела I «Определения и толкование») и обязывает каждого игрока обеспечить, чтобы никакой запрещенный препарат не проник в его организм (ч. 1 ст. 6)[34]. Для установления нарушения антидопингового правила ст. 8.1 Всемирного антидопингового кодекса (в новой редакции) вменяет в обязанность антидопинговой организации с полномочиями в области управления результатами провести справедливое слушание в разумный срок справедливой, беспристрастной и функционально независимой группой экспертов для разрешения спора в соответствии с Международным стандартом ВАДА по управлению результатами. Комментарий к ст. 8.1 отсылает к ч. 1 ст. 6 ЕКПЧ и называет вышеперечисленные требования «принципами, общепринятыми в международном праве», к соблюдению которых следует стремиться всем антидопинговым организациям.

Хотя упоминание о ЕКПЧ в комментарии к ст. 8.1 главного документа ВАДА вселяет сдержанный оптимизм в отношении перспектив соблюдения должной процедуры в будущем, в настоящее время во всех ситуациях нарушений антидопинговых правил, даже при самом необычайном неблагоприятном стечении жизненных обстоятельств, КАС ссылается на действующие положения Всемирного антидопингового кодекса и антидопинговые документы международных федераций по олимпийским видам спорта и делает вывод о виновности спортсмена[35].

5. Заключение

Рассмотрев три разнообразные ситуации, в которых наблюдаются регулятивные усилия, предпринимаемые одновременно и международным спортивным правом, и lex sportiva, можно прийти к следующим выводам. В случае запрета дискриминации, на наш взгляд, правовые нормы, создаваемые на национальном и на межгосударственном уровне, гармонично дополняются и усиливаются специфическими требованиями lex sportiva, действующими в отношении представителей спорта высших достижений. Во втором случае мы наблюдаем успешное заимствование lex sportiva концепции lex mitior, известной как национальному, так и международному праву. В третьем случае lex sportiva выступает как более влиятельный регулятор, и академическое сообщество и ЕСПЧ обеспокоены несоблюдением в полном объеме требований «должной процедуры» и, в частности, трансформацией известной правовой презумпции невиновности в презумпцию виновности, закрепленную в целом ряде актов lex sportiva в отношении спортсменов, в пробах которых были обнаружены запрещенные вещества. Оптимальной моделью взаимодействия между lex sportiva и международного спортивного права представляется гармонизация в нормативном регулировании спортивной деятельности: она может быть *односторонней*, как во втором случае (рецепция концепции lex mitior из права, созданного государствами), или *взаимной*, как в первом случае (запрет дискриминации в спорте, когда нормы международных договоров и актов «мягкого права» в сфере защиты прав человека становятся правозащитным ориентиром для включения в соответствующие корпоративные акты международных спортивных организаций Олимпийского и Паралимпийского движения).

Список литературы

1. Иглин А.В. 2012. Разрешение спортивных споров в национальных арбитражных органах. – *Российская юстиция*. № 5. С. 31-33.
2. Жабин Н.А. 2012. Правовые и организационные аспекты деятельности спортивных арбитражей, учрежденных в Российской Федерации. – *Спорт: экономика, право, управление*. № 4. С. 19-23.
3. Захарова Л.И. 2019. Дело Паоло Герреро: необходимость совершенствования антидопингового регулирования в футболе. – *Спортивное право в Республике Беларусь: сборник статей*. Вып. 9. Минск: ЮрСпектр. С. 52-59.

[33] World Anti-Doping Agency: World Anti-Doping Code. 2021. URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/2021_code.pdf (accessed date: 22.05.2020).

[34] Fédération Internationale de Football Association : FIFA antidoping regulations. 2019 edition. URL: https://resources.fifa.com/image/upload/fifa-anti-doping-regulations.pdf?cloudid=ujtnvke2uqscz2pgs4ct (accessed 20.05.2020).

[35] Например, см.: [Захарова 2019: 53-56].

4. Захарова Л.И. 2018. Рассмотрение спортивных споров в Европейском Суде по правам человека: современное состояние дел и некоторые перспективы на будущее. – *Международное правосудие*. № 1. С. 90-99. DOI: 10.21128/2226-2059-2018-1-90-99
5. Пешин Н.Л. 2019. Проблемы антидопингового обеспечения в контексте решений Спортивного арбитражного суда (Лозанна). – *Вестник Российского Международного Олимпийского Университета*. № 2. С. 48-57.
6. Понкин И.В., Понкина А.И. 2012. О корреляции lex sportiva и спортивного права. – *Вестник РУДН*. Серия: Юридические науки. № 3. С. 109-118.
7. Юрлов С.А. 2015. *Спортивные споры и их разрешение: теория и практика*. М.: Инфотропик Медиа. 284 с.
8. Юрлов С.А. 2018. Развитие правовой науки в части исследования вопросов,связанных с нормативным регулированием спорта. – *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Право. Т. 9. Вып. 4. С. 620–639. DOI: Https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.412
9. Cornu P., Cuendet S., Vidal L. 2017. *Disciplinary and Arbitration Procedures of the Sport Movement. Good practice handbook for judicial authorities*. Strasburg: Council of Europe. 118 p.
10. Duval A. 2013. Lex Sportiva: a Playground for Transnational Law. – *European Law Journal*. Vol. 19. Issue 6. P. 822-84. DOI: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2317826
11. Jerabek M.M., Ferreira de Andrade A.M., Figueroa A.M. 2017. FIFA's Hegemony: Examples from World Cup Hosting Countries. – *Global Society*. Vol. 31. Issue 3. DOI: https://doi.org/10.1080/13600826.2016.1261807
12. Jessup P. 1956. *Transnational Law*. New Haven: Yale University Press. 113 p.
13. Jestaz P. 1981. *Spectacle sportif et droit du sport*. Paris: PUF. 330 p.
14. Latty F. 2011. Transnational Sports Law. – *The International Sports Law Journal*. No. 1-2. P. 34-38.
15. Mestre A. 2009. *The Law of the Olympic Games*. The Hague: TMC Asser Press. 242 p.
16. Rietiker D. 2020. The European Court of Human Rights and FIFA: Current Issues and Potential Challenges. – *The European Convention on Human Rights Law Review*. Vol. 1. Issue 1. P. 62-104. DOI: 10.1163/26663236-00101002
17. Rigozzi A. 2005. *L'arbitrage international en matière du sport*. Bâle: Helbing & Lichtenhahn. 880 p.
18. *Sanctioning Apartheid*. Ed. by R. Edgar. 1990. Trenton, New Jersey: Africa World Press. 433 p.
19. Van der Sloot B., Paun M., Leenes R. 2020. *Athletes'Human Rights and the Fight Against Doping: A Study of the European Legal Framework*. The Hague: T.M.C. Asser Press. 258 p. DOI: 10.1007/978-94-6265-351-1
20. Weatherill S. 2014. Discrimination on Grounds of Nationality in Sport. – *European Sports Law. Collected Papers*. 2nd ed. The Hague: T.M.C. Asser Press. P. 21-62. DOI: http://doi-org-443.webvpn.fjmu.edu.cn/10.1007/978-90-6704-939-9_2

References

1. Cornu P., Cuendet S., Vidal L. *Disciplinary and Arbitration Procedures of the Sport Movement. Good practice handbook for judicial authorities*. Strasburg: Council of Europe. 2017. 118 p.
2. Duval A. Lex Sportiva: a Playground for Transnational Law. – *European Law Journal*. 2013. Vol. 19. Issue 6. P. 822-84. DOI: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2317826
3. Iglin A.V. Razreshenie sportivnykh sporov v natsional'nykh arbitrazhnykh organakh [Settlement of sport disputes in national arbitration bodies]. – *Rossiiskaya yustitsiya*. 2012. No. 5. P. 31-33. (In Russ.)
4. Jerabek M.M., Ferreira de Andrade A.M., Figueroa A.M. FIFA's Hegemony: Examples from World Cup Hosting Countries. – *Global Society*. 2017. Vol. 31. Issue 3. DOI: https://doi.org/10.1080/13600826.2016.1261807
5. Jessup P. *Transnational Law*. New Haven: Yale University Press. 1956. 113 p.
6. Jestaz P. *Spectacle sportif et droit du sport*. Paris: PUF. 1981. 330 p.
7. Latty F. Transnational Sports Law. – *The International Sports Law Journal*. 2011. No. 1-2. P. 34-38.
8. Mestre A. *The Law of the Olympic Games*. The Hague: TMC Asser Press. 2009. 242 p.
9. Peshin N.L. Problemy antidopingovogo obespecheniya v kontekste reshenii Sportivnogo arbitrazhnogo suda (Lozanna) [Problems of anti-doping support in the context of the decisions of the Court of Arbitration for Sport (Lausanne)]. – *Vestnik Rossiiskogo Mezhdunarodnogo Olimpiiskogo Universiteta*. 2019. No. 2. P. 48-57. (In Russ.)
10. Ponkin I.V., Ponkina A.I. O korrelyatsii lex sportiva i sportivnogo prava [Correlation of the lex sportiva and the sports law]. – *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 2013. No. 3. P. 109-118. (In Russ.)
11. Rietiker D. The European Court of Human Rights and FIFA: Current Issues and Potential Challenges. – *The European Convention on Human Rights Law Review*. 2020. Vol. 1. Issue 1. P. 62-104. DOI: 10.1163/26663236-00101002
12. Rigozzi A. *L'arbitrage international en matière du sport*. Bâle: Helbing & Lichtenhahn. 2005. 880 p.
13. *Sanctioning Apartheid*. Ed. by R. Edgar. Trenton, New Jersey: Africa World Press. 1990. 433 p.
14. Van der Sloot B., Paun M., Leenes R. *Athletes'Human Rights and the Fight Against Doping: A Study of the European Legal Framework*. The Hague: T.M.C. Asser Press. 2020. 58 p. DOI: 10.1007/978-94-6265-351-1
15. Weatherill S. Discrimination on Grounds of Nationality in Sport. – *European Sports Law. Collected Papers*. 2nd ed. The Hague: T.M.C. Asser Press. 2014. P. 21-62. DOI: http://doi-org-443.webvpn.fjmu.edu.cn/10.1007/978-90-6704-939-9_2
16. Yurlov S.A. Razvitie pravovoi nauki v chasti issledovaniya voprosov,svyazannykh s normativnym regulirovaniem sporta [The development of legal science with regard toresearching issues relating to normative regulation of sport]. – *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 2018. Vol. 9. Issue.4. P. 620–639. (In Russ.). DOI: Https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.412
17. Yurlov S.A. *Sportivnye spory i ikh razreshenie: teoriya i praktika* [Sports disputes and their settlement: theory and practice]. Moscow: Infotropik Media Publ. 2015. 284 p. (In Russ.)
18. Zakharova L.I. Delo Paolo Gerrero: neobkhodimost' sovershenstvovaniya antidopingovogo regulirovaniya v futbole [Paolo Guerrero case: a need for improving the anti-doping regulation in football]. – *Sportivnoe pravo v Respublike Belarus': sbornik statei. Vyp.9* [Sports law in the Republic of Belarus: a collection of articles. Issue 9].

Minsk: YurSpektr Publ. 2019. P. 52-59. (In Russ.)
19. Zakharova L.I. Rassmotrenie sportivnykh sporov v Evropeiskom Sude po pravam cheloveka: sovremennoe sostoyanie del i nekotorye perspektivy na budushchee [Sport dispute settlement in the European Court of Human Rights: the current state of affairs and some prospects for the future]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie.* 2018. No. 1. P. 90-99. (In Russ). DOI: 10.21128/2226-2059-2018-1-90-99
20. Zhabin N.A. Pravovye i organizatsionnye aspekty deyatel'nosti sportivnykh arbitrazhei, uchrezhdennykh v Rossiiskoi Federatsii [Legal and institutional aspects of activities of the sports arbitration courts established in the Russian Federation]. – *Sport: ekonomika, pravo, upravlenie.* 2012. No. 4. P. 19-23. (In Russ.)

Информация об авторе

Лариса Ивановна Захарова,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125993, Российская Федерация, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9,

Lizakharova@msal.ru
ORCID: 0000-0003-4968-0134

About the Author

Larisa I. Zakharova,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 123001

Lizakharova@msal.ru
ORCID: 0000-0003-4968-0134

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-102-109

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 22.01. 2020
Принята к публикации: 11.06.2020

Алексей Владимирович ИГЛИН
Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Проспект Вернадского, д. 84-6, Москва, 119571, Российская Федерация
iglin-AV@list.ru
ORCID: 0000-0002-1633-1627

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПОРТА НА БЛАГО РАЗВИТИЯ И МИРА

ВВЕДЕНИЕ. *В статье рассмотрены глобализационные процессы с точки зрения их влияния на спорт, а именно интеграция спорта в актуальные программы ООН на базе актов Генеральной ассамблеи и сопутствующих рамочных стандартов. Автор анализирует практику государств-членов, системы Организации Объединенных Наций, международных спортивных организаций по созданию основы для совместных действий в области спорта. Актуальность исследования в анализе новейших побудительных нормативов ООН: Казанского плана действий и Глобального плана действий по повышению уровня физической активности на 2018–2030 годы, активную роль в реализации которых играет Россия.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *При проведении исследования автор опирается на зарубежную доктрину, практику работы вовлеченных в международное спортивное движение субъектов, акты ООН. Методы исследования: диалектический подход к познанию работы ООН, позволяющий проанализировать ее в историческом развитии и функционировании в контексте координации сотрудничества в сфере спорта. Сравнительно-правовой метод и диалектика определили выбор конкретных методов исследования: компаративного и формально-юридического.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *На основе анализа актов ООН, затрагивающих влияние глобализации на спорт, рассмотрено развитие международных отношений в системах интеграционных спортивных связей, сделан вывод, что в сфере международного инструментария вырабатывается новая модель регулирования спорта – целостный конгломерат норм и правил, обуславливающий глобализм спорта и достижение социально значимых целей ООН.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Автор доказал потенциал анализируемых актов ООН в деле сопровождения международных спортивных мероприятий, пришел к выводу о необходимости посредством инициатив в сфере спорта поощрять его как средства содействия развитию и миру и тем самым неизбежно включать перманентное сотрудничество государств в рамках мирового спортивного движения в повестку дня в области развития. Приведенные в статье доводы в пользу новой модели спортивно-правового регулирования призваны упорядочить международно-правовой комплекс норм, затрагивающий спорт.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *спорт, спортивные федерации, МОК, МИНЕПС, СИГЕПС, ООН, ЮНЕСКО, цели в области устойчивого развития, Казанский план действий*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Иглин А.В. 2020. Международно-правовые основы использования спорта на благо развития и мира. – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 102–109. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-102-109

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-102-109

Research article
Received January 18, 2020
Approved June 11, 2020

Alexey V. IGLIN
Institute of National Security, Russian President Academy of National Economics and Public Administration
84-6, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571
iglin-AV@list.ru
ORCID: 0000-0002-1633-1627

INTERNATIONAL LEGAL BASIS OF USING SPORTS FOR DEVELOPMENT AND PEACE

INTRODUCTION. *The article examines globalization processes in terms of their impact on sport, namely the integration of sport into current UN programmes based on the acts of the General Assembly and the accompanying framework standards. The author analyses the practices of Member States, the United Nations system and international sports organizations to lay the groundwork for joint action in the field of sport. The relevance of the study in the analysis of the latest UN incentive standards: the Kazan Action Plan and the Global Action Plan to increase the level of physical activity for 2018-2030, thus Russia plays an active role in their implementation.*

MATERIALS AND METHODS. *In conducting the study, the author relies on foreign doctrine, the practice of the subjects involved in the international sports movement, UN acts. Research methods: a dialectical approach to the knowledge of the WORK of the UN, allowing to analyze it in historical development and functioning in the context of coordination of cooperation in the field of sports. Comparative-legal method and dialectic determined the choice of specific methods of research: comparative and formal-legal.*

RESEARCH RESULTS. *Based on the analysis of UN acts affecting the impact of globalization on sport, the development of international relations in the systems of integration sports relations is considered, it is concluded that in the field of international tools A new model for regulating sport is being developed, a holistic conglomeration of rules and regulations that drives the globalism of sport and the achievement of the UN's socially significant goals.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The author has proven the potential of the UN's analysis of international sporting events, and has come to the conclusion that it is necessary to promote it through sports initiatives as a means of promoting development and peace and topics it is inevitable that permanent cooperation of nations within the world sporting movement is on the development agenda. The arguments in the article in favor of a new model of sports-legal regulation are intended to streamline the international legal set of rules affecting sport.*

KEYWORDS: *sport, sports federations, IOC, MINEPS, CIGEPS, UN, UNESCO, Sustainable Development Goals, Kazan Plan of Action*

FOR CITATION: Iglin A.V. International Legal Basis of Using Sports for Development and Peace. – *Moscow Journal of International Law.* 2020. No. 2. P. 102–109. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-2-102-109

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

В Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года[1] государства – члены ООН признали спорт одним из важных факторов обеспечения устойчивого развития, подчеркнув его растущий вклад в дело развития и мира, поскольку он способствует утверждению принципов терпимости и уважения. В этой связи Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции 71/160[2] предложила государствам-членам, системе Организации Объединенных Наций и другим заинтересованным сторонам способствовать расширению информационной и практической работы в интересах упрочения развития и мира и содействия осуществлению Повестки дня на период до 2030 года посредством инициатив в сфере спорта и поощрять включение спорта как средства содействия развитию и миру в повестку дня в области развития. Примечательно, кстати, что в наиболее авторитетный регулятор спортивной деятельности – Международный олимпийский комитет – входят 206 национальных олимпийских комитетов (общественных организаций, разделяющих ценности Олимпийского движения, из всех государств – членов ООН, а также из 13 государственно-подобных территорий с особым статусом). При этом сам МОК имеет статус постоянного наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН, т. е. логична его роль в указанном расширении работы [Beloff 1999:42; Watt 1998:32][3].

При этом Генеральная Ассамблея, в соответствии с Планом действий Организации Объединенных Наций по спорту на благо развития и мира[4], предложила направить усилия на четыре приоритетные области в целях: a) дальнейшей проработки глобальной основы для использования спорта на благо развития и мира; b) поощрения и поддержки интеграции и учета спорта как средства содействия развитию и миру во всех программах и политике в области развития; c) поощрения новаторских механизмов финансирования и многосторонних договоренностей [Peacock 2010:44]; и d) поощрения и облегчения применения инструментов контроля и оценки.

В связи с этим государства-члены, система Организации Объединенных Наций, международные спортивные федерации и другие заинтересованные стороны создают основу для совместных действий в области спорта, физической активности и активных игр, которая использует спорт не как самоцель, а в качестве платформы для достижения более широких результатов в области развития [Bousfield 2012:824; Panagiotopoulos 2011:188; Valero 2014:5]. Такая основа для действий имеет широкий круг целей, включая социальное развитие личности и межличностные социальные связи, укрепление здоровья, разрешение конфликтов, межкультурный диалог, социальную интеграцию и экономическое развитие. Она направлена на использование и укрепление ключевых параметров занятий спортом, физической активности и активных игр, включая универсальный характер занятий спортом и физической активности, возможности спорта для налаживания связей между отдельными лицами и группами лиц, потенциал спорта для воспитания чувства самоутверждения, мотивации и душевного подъема, вклад спорта в укрепление физического здоровья и возможности использования спорта в качестве контекста для приобретения жизненных навыков.

2. Исследование

Интернационализация спорта [Nafziger 1988:120] проявляется в активности субъектов международного права в данной области: государства сотрудничают в сфере спорта под эгидой ЮНЕСКО и ряда неправительственных международных организаций – Международного олимпийского комитета (МОК), Всемирного антидопингового агентства (ВАДА) и др. [Иглин 2017:53]. На международном уровне правительства поддержали осуществление двух предложенных в этой связи крупных рамочных программ: Казанского плана действий и Глобального

[1] Организация Объединенных Наций: Повестка дня в области устойчивого развития. Доступ: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda (дата обращения: 01.10.2019).

[2] Генеральная Ассамблея ООН: Спорт как средство содействия воспитанию, здоровью, развитию и миру. Доступ: https://undocs.org/ru/A/RES/71/160 (дата обращения: 01.10.2019).

[3] См. также: Алексеев С. В. *Олимпийское право. Правовые основы олимпийского движения: Учебник*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА. 2018. С. 66.

[4] Генеральная Ассамблея ООН: Доклад Генерального секретаря «Укрепление глобальной основы для использования спорта на благо развития и мира». Доступ: https://undocs.org/ru/A/73/325 (дата обращения: 01.10.2019).

плана действий по повышению уровня физической активности на 2018–2030 годы[5].

Казанский план действий, включает следующие 5 комплексов мер:

1. Разработка инструмента информационно-пропагандистской поддержки для представления научно обоснованной аргументации в пользу инвестирования сферы физического воспитания, физической активности и спорта;

2. Разработка универсальных показателей оценки вклада физического воспитания, физической активности и спорта в реализацию приоритетных целей и задач в области устойчивого развития;

3. Приведение к единообразию и совершенствование международных норм в поддержку мер, принимаемых министрами спорта в целях защиты целостности спорта (с учетом Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте);

4. Проведение оценки целесообразности создания глобального механизма мониторинга положения женщин, спорта, физического воспитания и физической активности;

5. Создание информационно-справочного центра для обмена информацией в соответствии с рамочной концепцией МИНЕПС реализации политики в области спорта[6].

Глобальный план действий направлен на обеспечение того, чтобы все люди имели доступ к безопасной и благоприятной среде и целому ряду возможностей, которые позволят им быть физически активными в своей повседневной жизни [Beutler 2008:362]. Планируется к 2030 году сократить масштабы малоподвижного образа жизни среди взрослых и подростков в мире на 15 процентов. В соответствии с данным глобальным планом действий, в случае применения системного, целостного подхода к решению проблем, связанных с недостаточной физической активностью, усилия по сокращению масштабов малоподвижного образа жизни будут способствовать достижению 13 целей в области устойчивого развития [Geeraert 2014:475]. Непосредственно затронутыми оказываются 10 целей, в достижение которых спорт вносит наиболее очевидный вклад, и в этом нет ничего удивительного. Помимо них приоритетными в данном глобальном плане названы следующие цели: цель 2 (ликвидация голода); цель 9 (промышленность, инновации и инфраструктура); цель 15 (жизнь на земле); и цель 17 (партнерство в интересах устойчивого развития). Действия в области политики в рамках данного глобального плана направлены на повышение осведомленности и формирование знаний о преимуществах регулярной физической активности, в зависимости от способности, во всех возрастных группах; поощрение всеобщего доступа к физической активности, в том числе путем обеспечения равного доступа к безопасным местам и безопасным площадкам; расширение возможностей для занятия физической активностью на индивидуальном, семейном и общинном уровнях; и укрепление систем для принятия мер на всех уровнях.

Вполне очевидно, что Казанский план действий и Глобальный план действий по повышению уровня физической активности на 2018-2030 годы помимо того, что они частично совпадают с целями в области устойчивого развития, взаимно дополняют друг друга. Кстати, когда в Глобальном плане действий говорится о приверженности государств-членов делу содействия здоровому развитию детей посредством физической активности, то делается ссылка Казанский план действий[7]. Глобальный план направлен на поощрение физической активности как таковой в качестве показателя здоровья, при этом ее вклад в другие области развития рассматривается как сопутствующее преимущество подхода, предусматривающего участие всего общества, тогда как в Казанском плане действий эффективная интеграция политики в области спорта, физического воспитания, физической активности и инициатив в сфере спорта в более широкие рамки политики в области развития рассматривается под

[5] См.: ЮНЕСКО: Казанский план действий. Доступ: https://ru.unesco.org/mineps6/kazan-action-plan (дата обращения: 20.01.2020); Всемирная организация здравоохранения: Глобальный план действий ВОЗ по повышению уровня физической активности на 2018–2030 гг.: повышение уровня активности людей для укрепления здоровья в мире. Доступ: https://www.who.int/ncds/prevention/physical-activity/global-action-plan-2018-2030/ru (дата обращения: 20.01.2020).

[6] МИНЕПС – Международная конференция министров и высших должностных лиц, ответственных за физическое воспитание и спорт. СИГЕПС – Международный комитет по физическому воспитанию и спорту ЮНЕСКО (с 2018 года Россия является вице-председателем СИГЕПС).

[7] См. подробнее: World Health Organization: Global action plan on physical activity 2018–2030: more active people for a healthier world.URL: https://www.who.int/ncds/prevention/physical-activity/global-action-plan-2018-2030/en/ (accessed 20.01.2020).

более широким углом зрения. Таким образом, данный Глобальный план эффективно дополняет более широкую стратегическую направленность Казанского плана действий [Ароян, Довгань, Довгань 2019:223], обеспечивая более глубокий взгляд и всеобъемлющее направление действий для достижения всеобщего доступа и устранения барьеров на пути повышения уровня физической активности и обеспечения максимального вклада физической активности в улучшение всеобщего здоровья и благосостояния, особенно тех групп общества, которые находятся в уязвимом или маргинальном положении.

Эти рамочные программы были созданы на основе всеохватывающих процессов с опорой на экспертные знания и опыт, предоставленные правительствами и основными заинтересованными сторонами в различных секторах [Мартыненко 2017], включая систему Организации Объединенных Наций и связанные с ней организации, академические круги, спортивные организации и других партнеров из гражданского общества. Эти программы сами по себе имеют уровень легитимности, обеспечивающий их осуществление. Тем не менее для обеспечения устойчивого прогресса необходима широкая политическая поддержка[8]. В настоящее время вокруг Казанского плана действий уже наблюдается все большее сближение позиций в плане организации работы на тему спорта в рамках всей системы Организации Объединенных Наций, и государства-члены начали признавать его потенциал в качестве отправной точки для координации политики. В 2018 году, например, Казанский план действий был отмечен в принятой Советом по правам человека на его тридцать седьмой сессии резолюции 37/18, озаглавленной «Поощрение прав человека через спорт и идеалы олимпийского движения», также об этом плане действий напомнила Конференция государств – участников Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции на ее седьмой сессии в 2017 году, причем основная область политики третьего механизма реализации была отмечена особо[9].

Следует отметить, что в рамках межправительственной архитектуры ООН платформа для диалога по вопросам использования спорта на благо развития и мира становится все более широкой [Стафеев 2015:93]. В качестве компонентов ее составляют: Международная конференция министров и старших должностных лиц, ответственных за физическое воспитание и спорт, и Межправительственный комитет по физическому воспитанию и спорту с его Постоянным консультативным советом, в состав которого входят представители системы Организации Объединенных Наций, региональных межправительственных организаций, спортивных организаций, включая Международный олимпийский комитет[10], Международный паралимпийский комитет[11], Международную федерацию футбольных ассоциаций[12] и Международную ассоциацию легкоатлетических федераций[13], и партнеры из гражданского общества.

В связи с закрытием Бюро Организации Объединенных Наций по спорту на благо развития и мира [Иглин 2019а:49] основной объем работы в сфере использования спорта на благо развития и мира был возложен на Департамент по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН (далее – Департамент). После передачи дел поддержку межправительственным механизмам в Нью-Йорке в проведении связанных со спортом обсуждений оказывает Департамент. В качестве ведущего подразделения, оказывающего поддержку в проведении обзора хода осуществления Повестки дня на период до 2030 года и связанной с ней последующей деятельности, а также в реализации ряда межправительственных обязательств, касающихся социально-экономических аспектов устойчивого развития, таких как нищета, неравенство и социальная интеграция, обязательство никого не оставить без внимания, Департамент имеет все возможности для того, чтобы учитывать различные направления деятельности по использованию спорта на

[8] Боголюбова Н.М. Геополитика спорта и основы спортивной дипломатии: Учебное пособие. Москва: Юрайт. 2018. С. 19.

[9] Организация Объединенных Наций: Доклад Совета по правам человека. Двадцать седьмая специальная сессия (5 декабря 2017 г.) Тридцать седьмая сессия (26 февраля – 23 марта 2018 г.) Двадцать восьмая специальная сессия (18 мая 2018 г.) Тридцать восьмая сессия (18 июня – 6 июля 2018 г.). С. 79-83. Доступ: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/73/53 (дата обращения: 05.01. 2020).

[10] См.: International Olympic Committee. Official web-site. URL: https://www.olympic.org (accessed 22.01.2020).

[11] См.: International Paralympic Committee. Official web-site. URL: https://www.paralympic.org (accessed 22.01.2020).

[12] См.: Fédération Internationale de Football Association. Official web-site. URL: https://www.fifa.com (accessed 22.01.2020).

[13] См.: World Athletics. Official web-site. URL: https://www.iaaf.org (accessed 22.01.2020).

благо развития и мира в соответствующих межправительственных обсуждениях в Генеральной Ассамблее, Экономическом и Социальном Совете и его консультативных органах и на политическом форуме высокого уровня. В сотрудничестве с соответствующими заинтересованными сторонами, представляющими, в частности, гражданское общество [Иглин 2019b:50], систему Организации Объединенных Наций и научные круги, Департамент в целях поддержки усилий государств-членов будет использовать свой потенциал для осуществления организационной и аналитической работы путем отбора и обобщения информации о передовой практике в области разработки политики и реализации инициатив в сфере спорта, направленных на развитие и укрепление мира. Тем не менее вряд ли при этом можно ожидать появления у Департамента нормотворческих полномочий, но его поддержку в качестве центра, координирующего деятельность международных спортивных организаций в системе ООН, трудно переоценить. Нормотворчество в этой сфере – скорее компетенция субъектов спорта при участии (инициативах) национальных спортивных федераций.

3. Заключение

Таким образом, в сфере международного инструментария вырабатывается новая модель регулирования спорта под эгидой ООН и ответственных за международное спортивное движение организаций. Принципиально важно для международного права интегрировать эту модель в обязательства государств по решению проблем спорта, а именно посредством Международной конвенции против апартеида в спорте и Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте, а также региональным актам [Chappelet 2010:174; Duval 2013:826] (Европейской конвенции о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий и, в частности, футбольных матчей, Конвенции Совета Европы против применения допинга, Конвенции Совета Европы по единому подходу к безопасности, защите и обслуживанию во время спортивных мероприятий и, в частности, футбольных матчей, Конвенции Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями). Пока не обозначено стремление создать принципиально новый международный договор о спорте, но все чаще предлагаются проекты протоколов к уже существующим указанным конвенциям в связи с их применением в ходе крупнейших спортивных соревнований. Материал для такой работы порождают и побудительные положения, например, Резолюции 65/4 «Спорт как средство содействия воспитанию, здоровью, развитию и миру», которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 18 ноября 2010 года. При этом ООН, очевидно, полагает, что подходящее пространство для деятельности в области развития и миростроительства там, где эти виды деятельности пересекаются, представляют собой занятия спортом и площадки для проведения спортивных мероприятий. Иными словами, международные конвенции о спорте при применении обрастут корректирующими «штрихами» в форме протоколов, инициативами спортивных организаций и практикой спортивного арбитража. В перспективе получится целостный конгломерат норм и правил, регулирующих спортивные отношения на международное арене, обуславливающий глобализм спорта [Васильев, Васильев 2019:89] и достижение социально значимых целей ООН. И только после этого в перспективе можно говорить о создании обобщающего международного договора о спорте, направлениями регулирования которого станут ключевые проблемы международного спортивного движения: допинг, манипулирование результатами соревнований, дискриминация, безопасность.

Список литературы

1. Ароян А.С., Довгань Е.А., Довгань Ю.Е. 2019. Роль и влияние спорта на национальную безопасность. – *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. № 1. С. 222-227. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-1-222-227
2. Васильев И.А., Васильев А.Д. 2019. Возможно ли существование наднационального (глобального) договора в сфере спорта. – *Юридический вестник Самарского университета*. Т. 5. № 1. С.85-90. DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-1-85-89
3. Иглин А.В. 2019b. *Универсально-региональные правовые механизмы и инструменты в спорте*. Бо-Бассен: Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. 474 с.
4. Иглин А.В. 2017. Интернационализация спорта и спортивного права. – *Законодательство*. № 3. С. 53-57.
5. Иглин А.В. 2019a. Право на занятие спортом в условиях становления международного спортивного права. – *Спорт в национально-правовом и международно-правовом измерении: актуальные проблем.*

Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. С. 47-53.
6. Мартыненко С.Е. 2017. К вопросу о роли спорта в развитии и обеспечении международного мира и безопасности. – *Общество: политика, экономика, право.* № 11. С. 37-41. DOI: https://doi.org/10.24158/pep.2017.11.8
7. Стафеев Д.В. 2015. Международное спортивное движение в контексте глобальных проблем человечества. – *Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения.* № 1. С. 92-98. DOI: http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.1.9
8. Beloff M.J., Kerr T., Demetriou M. 1999. Sports Law. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing. 156 p.
9. Beutler I. 2008. Sport Serving Development and Peace: Achieving the Goals of the United Nations through Sport. – *Sport in Society.* Vol. 11. Issue 4. P. 359–369. DOI: https://doi.org/10.1080/17430430802019227
10. Bousfield D, Montsion J-M. 2012. Transforming an International Organization: Norm Confusion and the International Olympic Committee. – *Sport in Society.* Vol. 15. Issue 6. P. 823–838. DOI: https://doi.org/10.1080/17430437.2012.708284
11. Chappelet J.-L. 2010. *Autonomy of Sport in Europe.* Strasbourg: Council of Europe Publishing. 199 p.
12. Duval A. 2013. Lex Sportiva: A Playground for Transnational Law. – *European Law Journal.* Vol. 19. Issue 6. P. 822–842. DOI: https://doi.org/10.1111/eulj.12067
13. Geeraert A, Mrkonjic M, Chappelet J-L. 2014. A Rationalist Perspective on the Autonomy of International Sport Governing Bodies: Towards a Pragmatic Autonomy in the Steering of Sports. – *International Journal of Sport Policy and Politics.* Vol. 7. Issue 4. P. 473–478. DOI: https://doi.org/10.1080/19406940.2014.925953
14. Nafziger J.A.R. 1988. *International Sports Law.* New York: Dobbs Ferry. 366 p.
15. Panagiotopoulos D.P. 2011. *Sports Law: Lex Sportiva & Lex Olympica: theory and practice.* Athens: Ant. N. Sakkoulas. 201 p.
16. Peacock B. 2010. "A Virtual World Government Unto Itself": Uncovering the Rational-Legal Authority of the IOC in World Politics. – *Olympika: The International Journal of Olympic Studies.* Vol. 19. P.41-59.
17. Valero A. 2014. In Search of a Working Notion of Lex Sportiva. – *The International Sports Law Journal.* Vol. 14. P. 3–11.
18. Watt D.C. 1998. *Sports Management and Administration.* London: Routledge. 142 p.

References

1. Aroyan A.S., Dovgan' E.A., Dovgan' Yu.E. Rol' i vliyanie sporta na natsional'nuyu bezopasnost' [Role and influence of sport on the homeland security]. – *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*. 2019. No. 1. P. 222-227. (In Russ.). DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-1-222-227
2. Beloff M.J., Kerr T., Demetriou M. Sports Law. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing. 1999. 156 p.
3. Beutler I. Sport Serving Development and Peace: Achieving the Goals of the United Nations through Sport. – *Sport in Society.* 2008. Vol. 11. Issue 4. P. 359–369. DOI: https://doi.org/10.1080/17430430802019227
4. Bousfield D, Montsion J-M. Transforming an International Organization: Norm Confusion and the International Olympic Committee. – *Sport in Society.* 2012. Vol. 15. Issue 6. P. 823–838. DOI: https://doi.org/10.1080/17430437.2012.708284
5. Chappelet J.-L. *Autonomy of Sport in Europe.* Strasbourg: Council of Europe Publishing. 2010. 199 p.
6. Duval A. Lex Sportiva: A Playground for Transnational Law. – *European Law Journal.* 2013. Vol. 19. Issue 6. P. 822–842. DOI: https://doi.org/10.1111/eulj.12067
7. Geeraert A, Mrkonjic M, Chappelet J-L. A Rationalist Perspective on the Autonomy of International Sport Governing Bodies: Towards a Pragmatic Autonomy in the Steering of Sports. – *International Journal of Sport Policy and Politics.* 2014. Vol. 7. Issue 4. P. 473–478. DOI: https://doi.org/10.1080/19406940.2014.925953
8. Iglin A.V. Internatsionalizatsiya sporta i sportivnogo prava [Sport and sports law: going international]. – *Zakonodatel'stvo*. 2017. No. 3. P. 53-57. (In Russ.)
9. Iglin A.V. Pravo na zanyatie sportom v usloviyakh stanovleniya mezhdunarodnogo sportivnogo prava [The right to play sports in the context of the formation of international sports law]. – *Sport v natsional'no-pravovom i mezhdunarodno-pravovom izmerenii: aktual'nye problem. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Sports in the national legal and international legal dimension: topical problems. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii Publ. 2019a. P. 47-53. (In Russ.)
10. Iglin A.V. *Universal'no-regional'nye pravovye mekhanizmy i instrumenty v sporte* [Universal-Regional Legal Mechanisms and Tools in Sports.]. Bo-Bassen: Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG Publ. 2019b. 474 p. (In Russ.)
11. Martynenko S.E. K voprosu o roli sporta v razvitii i obespechenii mezhdunarodnogo mira i bezopasnosti [Concerning the role of sport in the development and maintenance of international peace and security]. – *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo.* 2017. No. 11. P. 37-41. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24158/pep.2017.11.8
12. Nafziger J.A.R. *International Sports Law.* New York: Dobbs Ferry. 1988. 366 p.
13. Panagiotopoulos D.P. *Sports Law: Lex Sportiva & Lex Olympica: theory and practice.* Athens: Ant. N. Sakkoulas. 2011. 739 p.
14. Peacock B. "A Virtual World Government Unto Itself": Uncovering the Rational-Legal Authority of the IOC in World Politics. – *Olympika: The International Journal of Olympic Studies.* 2010. Vol. 19. P.41-59.
15. Stafeev D.V. Mezhdunarodnoe sportivnoe dvizhenie v kontekste global'nykh problem chelovechestva [International sport movement in the context of the global problems of mankind]. – *Vestnik VolGU. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 2015. No. 1. P. 92-98. (In Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.1.9
16. Valero A. In Search of a Working Notion of Lex Sportiva. – *The International Sports Law Journal.* 2014. Vol. 14. P. 3–11.
17. Vasil'ev I.A., Vasil'ev A.D. Vozmozhno li sushchestvovanie nadnatsional'nogo (global'nogo) dogovora v sfere

sporta [What could be a supranational (global) treaty in the field of sports]. – *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta.* 2019. Vol. 5. No. 1. P. 85-90. (In Russ.). DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-1-85-89
18. Watt D.C. 1998. *Sports Management and Administration.* London: Routledge. 142 p.

Информация об авторе

Алексей Владимирович Иглин,
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119571, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 84-6

iglin-AV@list.ru
ORCID: 0000-0002-1633-1627

About the Author

Alexey V. Iglin,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of International and Integration Law, Institute of National Security, Russian President Academy of National Economics and Public Administration

84-6, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571

iglin-AV@list.ru
ORCID: 0000-0002-1633-1627